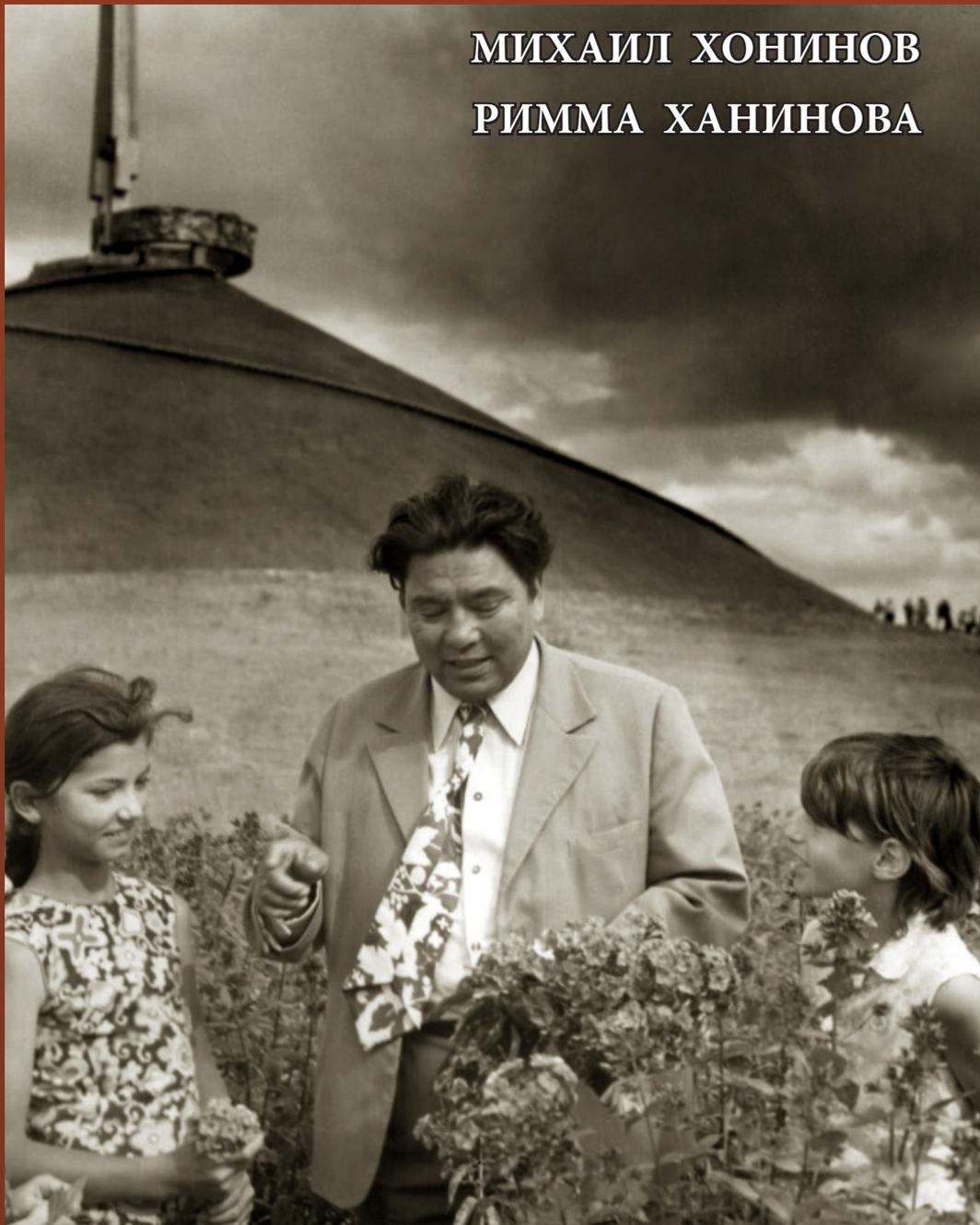

МИХАИЛ ХОНИНОВ
РИММА ХАНИНОВА

ЛАНДШАФТ ДРУЖБЫ

**МИХАИЛ ХОНИНОВ
РИММА ХАНИНОВА**

ЛАНДШАФТ ДРУЖБЫ

*Посвящается
105-летию со дня рождения
Михаила Хонинова — Миши Черного
(1919–1981),
80-летию освобождения Беларуси
(1941–1944)*

Элиста
2024

УДК 84(2=643)6я43
ББК 84(4Бел)6-5я43
X 771

X 771 **Хонинов, М. В.** Ландшафт дружбы: избранные стихи, поэмы, рассказы, сказки, переводы; предисл. Р. Ханиновой / М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. — Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-907659-34-6

В книге представлены избранные произведения писательской династии Хониновых, отца и дочери: стихи, поэмы, рассказы, сказки, переводы, посвященные 105-летию со дня рождения Михаила Ванькаевича Хонинова (01.01.1919–22.09.1981) и 80-летию освобождения Беларуси в Великой Отечественной войне (1941–1944). Тексты даны на русском и белорусском языках, в том числе в переводах. Стихи, рассказы, переводы Риммы Ханиновой обусловлены заявленной темой. В издание также включены избранные белорусские переводы поэзии М. В. Хонинова из двух его книг «Хвоі і цюльпаны» («Сосны и тюльпаны», Минск, 1970) и «Жураўлі над стэпам» («Журавли над степью», Минск, 1977).

Часть произведений публикуется впервые.

Издание адресовано широкой читательской аудитории.

УДК 84(2=643)6я43
ББК 84(4Бел)6-5я43

ISBN 978-5-907659-34-6

© Калмыцкий научный центр РАН, 2024
© Хонинов М. В., 2024
© Ханинова Р. М., 2024

«ХАЙ ЖИВЕ БЕЛАРУСЬ — МАЦИ РОДНАЯ!»

«Дорогой Михаил! <...> Хемингуэй на одном эпизоде (взрыв моста в тылу фашистов) сумел создать удивительную вещь. “По ком звонит колокол”. Читаешь — и становится обидно, что мы еще не научились, как следует писать о непревзойденном героизме и подвигах наших советских людей. Одна твоя биография — если вдуматься, глубоко все осмыслить, связать с судьбой своего народа — в тысячу раз грандиознее многих мировых произведений», — так подытожил в одном из писем к другу его жизнь народный поэт Беларуси Максим Танк 5 сентября 1967 года.

Калмыцкий поэт писал в автобиографии: *«На Смоленщине меня звали Мишкой-Калмыком, в Белоруссии — Мишкой Черным, в Калмыкии — Михаилом Хониновым».*

Его партизанская тропа пролегла в белорусских пущах. Белорусская мать Прасковья Андреевна Вилиткевич из деревни Местино спасла в начале войны младшего лейтенанта Хонинова. Комиссаром партизанской группы стал ее сын Петр. Ей после войны поэт посвятил стихотворение «Мать с Березины»: *«...Пусть мой голос гремит по свету: — Хай живе моя мать Беларусь!»* (пер. Александра Николаева). О ней писал в поэме «Мой путь» (1970).

В октябре 1941 года Хонинова с двумя партизанами задержали в Горецком районе на Могилевщине. Спустя много лет в рассказе «Как я был конокрадом» автор размышлял о том, что же спасло его. Неужели калмыцкая народная мудрость, 72 небылицы, пересказанные немецкому коменданту, пересилили жестокость врага, оказавшегося любителем экзотического фольклора? Может, сказался артистический опыт, позволивший сыграть две роли за один выход. Пленного отправили в Оршу, в лагерь, а по дороге он сбегал. Об этом спасении — стихотворение «Нача — партизанская сестра» (пер. Ирины Волобуевой).

1080 дней длилась для Михаила Хонинова Отечественная война. Его роту, действовавшую на Могилевщине в составе 15 партизанской бригады, немцы прозвали «дикой дивизией», а за его голову обещали в листовках 10 000 оккупационных марок (т. е. 100 тыс. рублей). Боевые подвиги Миши Черного, по мнению белорусских побратимов, заслуживали высокого звания Героя Советского Союза, и в 1957 году бывшие командиры и политработники Могилевского партизанского соединения обратились в Калмыцкий обком партии с этим ходатайством, но местные власти не поддерживали инициативу. *«Оценка боевых товарищей, вместе стоявших под огнем, — это святая награда, которую никто не имеет права поправить или опровергнуть»*, — справедливо заметил публицист Василий Церенов. В 1965 году с такой же инициативой выступили члены правления Союза писателей Калмыкии в связи с 20-летием Великой Победы в борьбе с фашизмом. Но и в этот раз заслуженная награда обошла героя.

В стихотворении «Белорусы» (пер. Семена Липкина) есть чеканные строки о второй родине поэта, о ее защитниках: *«Белорусы — это стойкость богатырей,/ Белорусы — это слезы и возмездие матерей,/ Это — гордость и это твердость святой борьбы,/ Это — юность партизанской моей судьбы,/ Это — штаб в грозные годы у той ольхи,/ Где читал я по-калмыцки свои стихи...»*.

Творчество калмыцкого поэта зиждется на послевоенной перекличке. *«Я вижу вас всех до единого снова — / своих побратимов, / и верных друзей»* («Не вернулись», «Баллада о жалости», «Песня белорусских партизан» и др.).

О повести «Миша Черный — это я!» Максим Танк 27 февраля 1977 года писал из Минска автору: *«Эта твоя небольшая, но глубоко волнующая повесть стоит многих эпопей: написана она кровью. Каждое слово выстрадано вместе с народом, проверено и холодом, и голодом, огнем и дружбой. Читайте твою повесть, и мне кажется, что я снова хожу по неостывшим пепелищам родной Белоруссии, по ее боевым партизанским тропам»*.

Для Хонинова белорусские деревни — кормилицы, спасительницы, матери и сестры («На Беларуси много деревень», пер.

Анатолия Аквилева). Памяти жителей сожженных деревень ветеран войны посвятил стихотворение «Мне сказала Березина» (пер. Александра Руденко) и поэму «Колокола Хатыни» (пер. А. Николаева). Многие произведения, переведенные друзьями, Максимом Танком, Рыгором Бородулиным, Сергеем Граховским, Алексеем Пысиным и другими, вошли в две книги, изданные в Минске.

Народный поэт Беларуси Петрусь Бровка первое предисловие написал к хониновской книге «Гимн человеку» (Элиста, 1966), а во втором предисловии к «Соснам и тюльпанам» (Минск, 1970) подчеркнул главное: *«С любовью и благодарностью поет поэт о Беларуси, где, как он признается, обрел свою вторую мать».*

Еще в 1962 году Михаил Хонинов выпустил в Элисте книжку своих переводов лирики Янки Купалы, переводил стихи Якуба Коласа, своих друзей — Петруся Бровки, Максима Танка, Аркадия Кулешова и других, часто бывал на белорусской земле, посещал места былых боев, встречался с бывшими партизанами и командирами, прославил их в своем творчестве. Он стал почетным гражданином города Березино и почетным колхозником Могилевщины.

У него есть стихи-посвящения Петрусью Бровке, Заиру Азгуру, Ивану Шамякину. Белорусская душа для калмыка тепла, добра и мягка, как материнская рукавица («Беларусская душа», пер. Николая Кутова). В стихотворении «Как похожи пыльковский ветер с цаганнурским», адресованном М. Танку, тени нарочанских сосен подступили к сердцу поэта. *«Стихи Максима Танка / Я читаю дома на рассвете»* (пер. Валентина Сорокина). Друг же вспоминал: *«Мне пиалу товарищ подарил, / Пил из которой радость он и горе: / Арзу и чай калмыцкий выпил ею море. / Пожар войны и вьюгу ею тил...»* («Пиала», пер. Николая Поливина). Призыв белорусского собрата по перу равен благопожеланию: *«Разделим поровну и сладость и рассолы. / Чтоб не была для одного — тяжелой, / А для другого — легкой пиала!».*

Лейтенант Хонинов освобождал столицу Белоруссии в составе I Белорусского фронта. Об этом его стихотворение «Третье июля» (пер. Рувима Морана). *«Помнишь ли край, / Где в боях твоя молодость пройдена, / Червенский шлях, Минск,*

в сиянье июльского дня?») подтвердил неизбывную любовь и благодарность поэта боевому и человеческому содружеству: «Ведь Беларусь для меня / Маці вторая, / Вторая любимая родина».

В этом году 1 января исполнилось 105 лет со дня рождения поэта-воина. Эта очередная совместная с отцом книга посвящена как его юбилею, так и 80-летию освобождения Белоруссии (3 июля 1944 г.), в котором он принимал действенное участие, заслужив боевое и легендарное имя Миша Черный.

В первый раздел книги включены избранные произведения Михаила Хонинова в моем русском переводе и в белорусском переводе Татьяны Сивец, Марии Кобец, Рагнеда Малаховского и Адама Шостака, Алесь Карлюкевича. Поскольку две книги отца, изданные в Минске, «Хвоі і цюльпаны» («Сосны и тюльпаны», 1970) и «Жураўлі над стэпам» («Журавли над степью», 1977) стали библиографической редкостью, в книгу вошли избранные стихи из этих сборников как дань памяти его друзьям, поэтам-переводчикам.

Автобиографии и автобиографическая проза писателя, его воспоминания, интервью, фрагмент книги Антона Белевича о Хатыни, очерк Александра Исбаха, статья Алексея Пысина, заметки составили второй раздел данного издания. В отдельный раздел вынесены документы о боевой деятельности Михаила Хонинова — Миши Черного, связанные с Беларусью.

Мои избранные стихи, рассказы, переводы, вошедшие в заключительный раздел книги, обусловлены белорусской темой, посещением Беларуси по приглашению в 2017–2018 гг., установлением 8 февраля 2018 г. мемориальной доски М. В. Хонинову в городе Березино на улице его имени (дом № 29). Среди переводчиков моих произведений — Татьяна Сивец, Алесь Карлюкевич, Юлия Алейченко, Адам Шостак. В 2023 году я была принята в Союз писателей Беларуси. Для меня — это еще одна важная связь с отцом и его второй родиной, это честь представлять диалог культур и литератур наших народов.

*Римма Ханинова,
член Союза писателей России,
член Союза писателей Беларуси,
доктор филологических наук.*

Римма Ханинова

НА СТОЛЕТИЕ МИХАИЛА ХОНИНОВА

I

*...Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.*

А. Фет. А. Л. Бржеской.

Всё выверяют время и пространство —

Всё, что оставил на Земле поэт:
И одиночество своё, и братство,
И вдохновение, и раны бед,

Страницы оставляют тех творений,
Которые его переживут,
Которые без усталости и рвения
В читателях теперь уже живут.

Неведом код молчанья на том свете...
Живые путь молчальнику торят,
Жизнь ведь одна у смертного поэта —
А дни рождений шествуют подряд.

Тот счет ведут и классикам посмертно,
То вспоминает лишь одна родня...
По-прежнему ли слово здесь бессмертно?..
По-прежнему ли зависит от огня?..

22–23.07.2018 г.

II

*...Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашла, — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретшей речи дар в глухонемой вселенной.
И. Бродский. На столетие Анны Ахматовой.*

В глухонемой вселенной его голос

Звучал иерихонскую трубой, —
И стены падали, как с лысины пал волос,
И победитель вел всех за собой.

В атаку поднимался первым сразу:
Он командир, кочевник и калмык,
Он видел всё, охватывая разом, —
Кто рядом с ним, а кто уже поник.

На сцене он актерствовал. А в жизни
Судьба играла с ним не в поддавки:
И голод, и война, и ссылка, пир и тризны, —
И шесть десятков лет с нележкой той руки.

Лет тридцать семь молчит тот звучный голос,
И поколения приходят в свой черед,
И осыпает зёрна спелый колос,
Чтоб вновь воскреснуть на грядущий год.

Дар речи предков с берегов Онона
Стрелой летит сквозь толщу и века —
Они потомкам завещали слово,
Как по наследству резвого коня.

23.07.2018 г.

III

*...Я пешком обойду всю планету,
На вершину мира взберусь,
Пусть мой голос гремит по свету:
«Хай жыве мая мать, Беларусь!»
М. Хонинов. Мать с Березины.*

Он пешком обошел всю планету

Под названием Белая Русь,
Его голос гремел по свету,
Чтоб жила его мать, Беларусь!

Защищал от врагов с автоматом,
Как другие ее сыны,
И звучал его стих набатом
В битвах той великой войны.

Стих его раздается поныне
В тех местах, где сражался калмык,
И на Минщине, в той же Хатыни,
В переводе на братский язык,

И земля могилевская помнит,
Мишу Черного Кличев зовет,
Степь калмыцкую зов этот полнит —
Беларусь сына помнит и ждет.

Он пришел в двадцать первом веке,
Он прорвался сквозь смерть стихом,
С Беларусью, как сын, навеки:
Он нашел здесь родимый дом.

*8–9.01. 2019 г.
Минск – Москва*

Рыма Ханінава

НА СТАГОДДЗЕ МІХАІЛА ХОНІНАВА

I

*...Не жэзні жаль с томительным дыханьнем,
Что жэзнь и смерць? А жаль того огня,
Что просіял над цэлым мірозданьнем,
И в ночь ідет, и плачет, уходя.*

А. Фет. А. Л. Бржеской

На ўсім пакінуць след прастора з часам —
На ўсім, што застаецца на зямлі:
Паэт сышоў, пакінуўшы няшчасці,
І адзіноту, і сяброў былых,

Пакінуўшы старонкі светлых знакаў,
Якія і яго перажывуць.
Паэце мой, хачу табе прызнацца:
Радкі твае — найлепшая з навук.

На свеце іншым код маўчання іншы...
Жывыя памаўчаць са мною ў такт,
Жывы паэт пра ўсіх людзей напіша —
Хто нарадзіўся і хто недзе там.

Адлічваюць няўмольныя стагоддзі
Камусьці вечнасць, а камусь — віну...
Хіба што Слову ты не скажаш “годзе”,
Хіба даверыш рукапіс агню?..

II

*...Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашла, — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретшей речи дар в глухонемой вселенной.
И. Бродский. На столетие Анны Ахматовой.*

Гучаў ягоны голас у сусвеце,
Нібы труба Гасподня, гучаў —
І сцены падалі, бы прымаразкам — квецень,
І пераможца зваў усіх праз час.

Ён першым уздымаўся, вёў у наступ:
Калмык, качэўнік, лепшы камандзір.
Усё ён бачыў: страху твар ікласты
І ўсмешку сябра... Не злічыць гадзін,

Калі гуляў ён з лёсам — не на сцэне,
І голад зведаў, і вайну, і боль...
Ён быў артыстам, а не шэрым ценем —
Дзесяцігоддзі доўжыўся двубой

Жыцця і смерці... Ды завялі кветкі,
Год трыццаць сем як голас змоўк яго.
Так сыпле колас зерне на палеткі,
Каб уваскрэснуць на наступны год.

Дарунак слова з берагоў далёкіх
Ляціць стралой — не спыніцца страла.
І мова, нам прызначаная лёсам,
Заўсёды ў сэрцы — будзе і была.

III

*...Я пешком обойду всю планету,
На вершину мира взберусь,
Пусть мой голос гремит по свету:
«Хай жыве мая мать, Беларусь!»
М. Хонинов. Матъ с Березины.*

Ён пешшу абышоў усю планету,
Што Беларусь завецца праз вякі,
Ён прамаўляў, і ў голасе Паэта
Жыла зямля, квітнелі васількі!

Ён бараніў яе не толькі зброяй —
Ён словам ваяваў. Ягоны верш
Гучаў набатам і натхняў герояў,
Ён і сягоння ў памяці жыве.

Там, дзе змагаўся колісь Міша Чорны,
Бясстрашны сын праслаўленых Айчын,
На беларускай старане азёрнай
Па-беларуску верш яго гучыць.

І помняць магілёўскія прасторы,
І Клічаў кліча — чуе родны стэп, —
Хатынскімі званамі з ім гаворыць,
Чакаючы з Калмыкіі гасцей.

Вярнуўся ён, стагоддзем дваццаць першым,
Дарогамі, што ў вечнасць прывялі,
І смерць, і час ён перамог — у вершах
Вярнуўся сын да матчынай зямлі.

**І. МИХАІЛ ХОНИНОВ:
«БЕЛАРУСИ-ПАРТИЗАНКИ СЫН»**

П. А. Вилиткевич.
Мать с Березины.

М. В. Хонинов, лейтенант.
1940-е гг.

Встреча с боевыми побратимами. Могилевщина, 21 августа 1961 г.

Михаил Хонинов

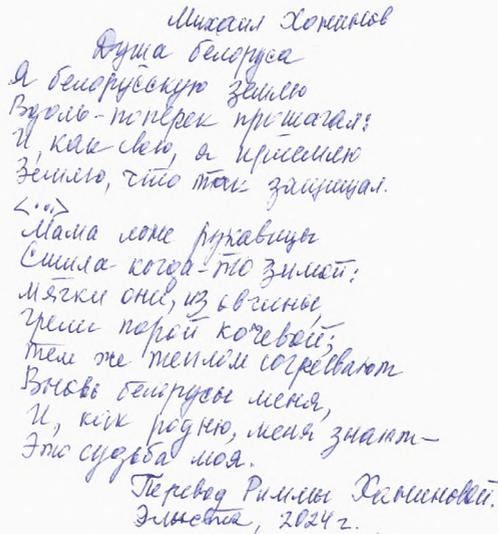
ДУША БЕЛОРУСА

*Я белорусскую землю
Вдоль-поперек прошагал:
И, как свою, я приемлю
Землю, что так защищал.*

*Там, на войне, белоруса
В битве, в тылу я узнал:
Он, светлоглазый и русский,
Мирный, за мир воевал.*

*Мама мне рукавицы
Сшила когда-то зимой:
Мяжки они, из овчины,
Грели порой кочевой;
Тем же теплом согревают
Вновь белорусы меня,
И, как родню, меня знают —
Это судьба моя.*

Михаил Хонинов
Душа белоруса
Я белорусскую землю
Вдоль-поперек прошагал:
И, как свою, я приемлю
Землю, что так защищал.
<...>
Мама мне рукавицы
Сшила когда-то зимой:
Мяжки они, из овчины,
Грели порой кочевой;
Тем же теплом согревают
Вновь белорусы меня,
И, как родню, меня знают —
Это судьба моя.
Перевод Риммы Васильковой.
Эльмвиста, 2024 г.

Міхаіл Хонінаў

ДУША БЕЛАРУСА

Я зямлю беларускую абышоў,
Ахвяруючы ёй свае словы і кроў.
Я яе бараніў ад фашысцкіх звяроў,
Палюбіў яе добрых гаспадароў.

Мне душа беларуса — бы матчын дар —
У сэрцы трымаю, на глум не аддам.
І якая б ні здарылася бяда,
Я цяпла беларусам хачу пажадаць.

Ад матулі маёй, ад калмыцкіх матуль,
З цеплынёй скураных рукавічак, адтуль —
Ад дзіцячых гадоў маіх, ад вясны —
Я хаваю ў душы беларускія сны.

Міхаіл Хонінаў
Душа Беларуса

Я зямлю беларускую абышоў,
Ахвяруючы ёй свае словы і кроў.
Я яе бараніў ад фашысцкіх звяроў,
Палюбіў яе добрых гаспадароў.

Мне душа беларуса — бы матчын дар —
У сэрцы трымаю, на глум не аддам.
І якая б ні здарылася бяда,
Я цяпла беларусам хачу пажадаць.

Ад матулі маёй, ад калмыцкіх матуль,
З цеплынёй скураных рукавічак, адтуль —
Ад дзіцячых гадоў маіх, ад вясны —
Я хаваю ў душы беларускія сны.

Пераклад Таццяны Сівец
Беларусь, Міхаіл.

БАЛЛАДА О МИЛОСЕРДИИ

Они ушли мой выполнить приказ,
Пять партизан. Вернулись с опозданием —
Пять суток не хватило им в тот раз,
Чтоб выполнить тогда мое задание.
Их обстрелял немецкий караул
На подступах к той станции далекой,
Сквозь лай собак и автоматный гул
Ушли, не видя даже мост широкий.
И вот стоят они передо мной:
Торчат их волосы, совсем как у собаки,
Глаза запали, страх не пряча свой,
Трясутся, словно зайцы, у землянки.
Но на войне закон суров всегда —
Он тверже стали, горячей огня.
Я не давал приказа им тогда —
Вернуться, не взорвав того моста.
«Всем встать!» — я жестко приказал,
Забрал винтовки и сложил их рядом.
«За то, что вы вернулись, — я сказал, —
Не выполнив задание для отряда...», —
С плеча рванул я резко автомат.
Тут шилом прокололи их как будто,
Бойцы застыли, мой завидя автомат —
В их сторону направленное дуло.
Они под соснами стояли, кто как мог,
Смотрели в небо, чтоб не видеть пули,
И ждали с замираньем, что вот-вот
Тут упадут, подкошенные пулей.
Пять партизан не охнут, не вздохнут:
Сковала немота им горло и дыханье,
Они сейчас под соснами умрут,
Закончатся мученья и страданья.
А ветки сосен дрогнули в мольбе

И, словно слезы, воду вниз роняли,
Сверкали они в солнечном луче,
Дождинки эти, будто ослепляли.
И капали они на автомат,
И омывали медленно, стекая...
И вспомнил я, быть может, невпопад,
Тот давний случай из степного края.
Я был мальчишкой. Помню до сих пор
В хотоне нашем друга-верблюжонка,
Которого чабан зажал меж ног
И вынул нож, пугая верблюжонка.
А мать-верблюдица, почуяв тут беду,
К ним подбежала с ревом из загона,
Упала на колени на бегу,
Пощады попросила для ребенка.
Увидев слезы горькие ее, чабан
Убрал свой нож подальше в ножны,
И верблюжонка отпустил здесь сам,
Ушел он в дом, сочувствуя, быть может.
А мать-верблюдица, подняв свое дитя,
В степь побежала ветерку навстречу,
За ними — пастушонок, я
Стал догонять семью верблюжьей эту.
Пятнадцать лет минуло с той поры,
Степной хотон тут вспомнился недаром:
Мне ветви желтые промокшие сосны
Верблюжьей слезы те напомнили не сразу.
Как тот чабан, жалевший малыша,
Я автомат свой в сторону отставил.
И, как старик-калмык, я не спеша
Стал думать, вне войны и всяких правил.
«Вот наши предки опытным путем
Про молодняк пословицу сложили:
Он блеет, блеет — вырастет скотом,
Ребенок плачет — вырастет для жизни,

Познает все, на то он — человек...
Так, может быть, и эта молодежь
В боях окрепнет, как один, навек,
Став воином, кого ты еще ждешь?» —
Так я подумал, глядя на бойцов.
Смягчился, впрочем, не подал им виду,
Сказал всем пятерым, в конце концов,
Как командир всю правду без обиды.
— Да если бы отвагу получить
Хоть как-нибудь на свете можно было,
Тогда бы в сердце труса мог вложить
Я ту отвагу! Но не тут-то было.
— Понятно, — оживились пять бойцов.
— За то, что не взорвали мост, уроком
Всем строгий выговор, — сказал я. — Вам всем вновь
Приказ взорвать мост тот же в те же сроки.

... Однажды утром, обходя наряд,
Увидел пятерых с того задания,
Взорвавших мост, вернувшихся в отряд,
Услышал, как сказал вдруг в назиданье
Другому партизану их старшой:
— Да если вот отвагу получить бы
Хоть как-нибудь на свете, так с лихвой
Отвагу в сердце труса я вложил бы!
...И понял я, услышав диалог,
Как повзрослели пятеро. Молиться
Верблюдице той желтой я не мог —
С полей войны смог молча поклониться.

БАЛАДА АБ ЖАЛЮ

Пяць партызан,
 пяць дзён,
 начэй
 з-пад куль,
наскочыўшы
 дарогай на патруль,
вярталіся,
 не адшукаўшы моста,
што пад адхон
 пусціць павінны ноччу.
Як поўсьць
 у пакамечаных сабак —
стырчэлі валасы
 ў знясіленых ваяк.
Запалі-уваліліся іх вочы.
«Спалохаліся», —
 думаць быў ахвочы.
Такіх «зайцоў»
 страчаў я ўпершыню,
але цвярдзей за сталь і
 гарачэй агню
закон ваенны
 для салдат. Напраўду —
я не даваў такога ім загаду:
не падарваўшы мост
 назад вяртацца.
«Устаньце!» —
 я сказаў сурова, —
 «Значыць...» —
сabraўшы зброю,
 склаў яе ў баку,
(навошта зброя дрэннаму стралку), —
«За тое, што не змог

заданне выканаць салдат...» —
сарваў з пляча
ў імгненне аўтамат.
Яны падскочылі,
як шылам хто працяў іх,
паўсталі перад хвойй
у радок няўцямна,
ў нямым чаканні
аўтаматнае чаргі
глядзелі ў неба
позіркам тугі.
Нібыта голас
страцілі ў сумневе —
не вымавілі й гуку.
Толькі дрэвы
як быццам літасць
просячы ў пагрозы
з галін дрыготкіх
выпусцілі слёзы.
Галінкі гралі
ў сонечным святле —
заплюшчыць вочы
мусілі мяне.
Яны накрылі
кожух аўтамата,
пазалацілі...
І імгненна ўспомніў раптам
я выпадак
у стэпавым хатоне.
Я быў тады маленькім,
ды ўзгадаў пра тое:
заціснуўшы
ў руках вярблюдзяня,
калмык хацеў
зарэзаць яго ў тлуме дня.

Вярблюдзіца,
смяротны ўчуўшы здзек,
загаласіла,
быццам чалавек.
Упаўшы на калені,
і нібыта

прасіла літасці
ў гарачага калмыка,
ліліся слёзы
з воч яе вялікіх...

І вярблюдзёнка
не крануў калмык і
вярнуў у ножны нож,
не вытрымаўшы смутку,
у задуменні
скіраваўся ў хату хутка.

Вярблюдзіца з малым,
які ледзь-ледзь акрэп,
насустрэч ветру
падалася ў стэп.

Маленькі вярблужатнік — я —
адправіўся за імі...
За неразлучнай парай
я сачыў з гадзіну.

...Пра выпадак,
што здарыўся ў хатоне,
усе пятнаццаць год
я добра помніў.
Аб ім мне нагадалі
жоўтыя галінкі хвоі,
і кроплі — нібы слёзы
у вярблюдзіцы староё.

Падобна чалавеку,
што пашкадаваў вярблюдзяня,
успомніўшы вярблюдзіцу,
адклаў свой аўтамат і я.
Задумаўся,
нібыта той калмык стары,
і сам з сабою
стаў я гаварыць:
«Прыплод мармычучы,
становіцца скацінай.
Ці ж стануць ваярамі
адужэўшымі байцы?..
Не!»
Падумаўшы,
змячэў, а ім прамовіў
і маналог
свой гэтак абумовіў:
«Калі б сваю адвагу
можна ўзяць было,
і ў вашых сэрцах
размясціць,
каб тлом
стаў страх у тых,
бянтэжыцца хто цені.
Я б змог аддаць!..
Ну што, вы зразумелі?»
«Так, зразумелі», —
усе казалі вінавата
і ажывіліся.
А я дадаў салдатам:
«Што зразумелі — добра.
Вось загад наступны:
заняцца мостам,
што вам здаўся непрыступным».
Адказ чакаць не змусіў:

«Зразумелі, зробім!»
І я паверыў
гэтакай «вучобе».
«На ўсё пра ўсё
вам пяць кароткіх дзён —
Павінен быць
мост пушчан пад адхон!»

...А неяк раніцай,
падчас дазору ўпоцем
па завяршэнні аперацыі
на ўзарваным мосце
я сведкам стаў
размоў непрадузятых —
адзін з «пяцёркі»
так казаў свайму салдату:
«Калі б сваю адвагу
мне можна ўзяць было,
і ў сэрцы
размясціць тваім,
каб тлом
стаў страх твой,
баязлівец цені.
Я б змог табе аддаць!..
Якія тут сумненні?!»

...Тады я зразумеў,
што хлопцы памужнелі,
знаць, будзе толк,
знаць, не дарма дрыжэлі.
...І стэпавай жывёле,
вярблюдзіцы светлай,
з ваеннага поля
я пакланіўся ветла.

КОЛОКОЛА ХАТЫНИ

Поэма

Здесь каждый четвертый житель погиб —
Здесь каждый из них на войне той убит.
Здесь вся Беларусь превратилась в музей,
Легендою стала она для людей.

Деревья и реки здесь память хранят,
О бедах и подвигах нам говорят.
Я знаю, кто рядом сражался со мной,
Я знаю погибших и тех, кто живой.

И я приезжаю сюда на поклон,
И шапку снимаю: «Прохожий, постой!».
И я приезжаю сюда из степей:
Как мать, Беларусь мне милее, родней.

Прошло много лет после прошлой войны,
Но помним, скорбим, сожалеем здесь мы:
Слезами и кровью здесь реки текли —
И Нёман, и Днепр, и Свислочь мои.

Близ Минска — четыре штыка в вышине,
На славном Кургане блестят в тишине,
Как память о всех четырех здесь фронтах —
Несли они гибель фашистам и крах.

Близ Минска курган, как с войны часовой,
Он здесь, на посту, не вернулся домой.
К Хатыни простер руки, точно ей брат,
Но нет, не вернуть ее, бей лишь в набат.

Во время войны той фашисты сожгли
Деревню Хатынь с белорусской земли.

Сто сорок и девять там взрослых, детей
Сгубил Дирлевангер, злой дух для людей.

Приказ был исполнен: дома все пусты,
Согнали в колхозный сарай — не уйти.
Солома в дверях завалила проход,
Каратели цепью вокруг. Кто пройдёт?

И, как в паровозную топку, палач
Сквозь женские вопли и детский там плач
Огонь вскоре даст. Никому не уйти,
Мужчины там связаны, сил не найти.
На детские крики горящих в огне
Деревья вздыхают в лесной стороне.
И псы завывают и рвутся с руки...
Пожар развеивает здесь космы свои...

И я в том хатынском сарае во сне.
И я заблудился, горю вновь в огне.
Как будто с людьми я пытаюсь спастись —
Но бьют пулеметы, прицельны они.

Я был от Хатыни тогда далеко,
Не знал о беде той совсем ничего.
Но мысленно я с белорусами был,
Трагедию жителей я не забыл.

Каминский из сна зашагал вновь в огне,
Спасаясь, и сына протягивал мне.
Адам, словно пламя, в сожжённых руках,
Меня обжигает теперь даже во снах.

О, если бы мог тот огонь победить,
Из сердца огнем тот огонь перебить,
О, если б я с ротой тогда подоспел,
Тот враг сам в пожаре проклятом сгорел.

Когда с партизанами был в деревнях,
Я был и в Хатыни, в тех хатах не раз.
В обычае предков делиться едой,
Делил я хлеб-соль, запивая водой.

Входил я в деревни, как будто к себе,
Радужные люди там в каждой избе.
Душа белоруса тепла и мягка,
Добра, точно мамина в детстве рука.

Скамья под окном из смолистой сосны,
На ней отдохнешь до ближайшей зари.
Подушки пуховые вёрхом бегут,
Иконы домашние всех берегут.

А дети, играясь в избе, гомонят,
Глаза голубые, как небо, блестят.
Младенцы там в люльках сосут кулачки,
Мяукает кот, запах бульбы в печи...

Спустя много дней у Хатыни я был,
Не веря глазам, я Новицких спросил.
Сгорела в огне вся Новицких семья,
На месте деревни кружится зола...
Мне старший Новицкий был точно родня,
И дети его — вся большая семья —
Их семеро. Было. Не будет теперь.
Все девять тех душ в списке общих потерь.

Венцы нижних срубов на месте тех хат,
Бетонные трубы — не печи из хат.
И колокол в каждой трубе голосит
Со всеми собратьями, просит, не спит.
На камне под ним имена всех людей,
Здесь даты короткие всех малышей.

Из глаз моих, видевших беды не раз,
Закапали слезы, чернея стократ.

И я вспоминаю погибших детей —
И Аню, и Маню, и Лёню... Детей,
Которых при встрече всегда обнимал,
А малых всегда на колени сажал.

Одни из них в школу ходили вчера,
Другим в школу рано: мала детвора.
Ленок белорусский — я так его звал,
Двухлетнего мальчика снова позвал.

Михасик, мой тёзка, игрался со мной,
Он кошкой с печи мне на плечи — и в бой!
«Пора!» — мне в окно постучит коновод,
Прощаюсь с семьею, мне снова в поход.

Давали за пазуху взрослые хлеб,
Всегда провожали, смотрели мне вслед.
В районе другом был я с ротой тогда,
Когда здесь, в Хатыни, случилась беда.

Сейчас словно голос Михася звенит,
Зовёт, как живой, что-то мне говорит.
Быть может, малыш не сгорел в том огне?
Быть может, почудился голос тот мне?

И волосы вздыбились, словно мой конь,
Мой разум немел, не выдерживал он.
Но я оглянулся, надеясь: «Михась?..»
Но нет его рядом... Кого теперь звать?..

О если, как в сказке, сказать: «Сгинь, беда!»
Ожили бы дети, шагнули сюда...

Они же шагнули навстречу огню —
Шажок тот длиною в три года в войну.

Я там воевал, в белорусских лесах,
Я горе там видел, и храбрость, и страх.
Я жизнь любил смерти той вопреки,
Шел первым в атаки — на пули, штыки.

...Вновь мир на земле, а Хатыни той нет.
Вновь мир на земле, а покоя всё нет.
Нет семьдесят пять тех сожжённых детей,
Нет двадцать и шесть тех хатынских семей.

Запомнил Михась же наш мир навсегда —
Окрашен он в огненный цвет, как беда.
Когда Дирлевангер полез в свой карман,
Все дети затихли: там пряник?.. Обман!

Змеей ядовитою спичка шипит,
Язык показала, ужалить спешит.
Сухая солома шуршит под ногой —
До марта осталась той ранней весной.

Зажёг немец спичку, в солому метнул —
Огонь выше крыши: он всех обманул.
О, этот огонь перестал быть святым —
Принес только смерть малым здесь и большим...

В Хатыни и слёзы — крутой кипяток.
В Хатыни горчит всё, и в горле комок.
Ведь тех, кто ушел в ту войну, не вернуть —
Их будни, их праздник, их будущий путь...

И плачет вновь сердце, болит на разрыв,
И нет слов утешить: покой — точно взрыв.

Бетонные трубы печей здесь стоят,
Бедою горбатит верблюжий их ряд.

Там звон колокольный, как песня, как стон,
Там словно сжигает мне волосы он,
Там словно верблюдица ищет в степи,
Ревёт и зовёт верблюжонка: «Приди!».

Там звон колокольный: «Хатынь... Хатынь...»
И летом в теплынь, и в морозную стынь.
Там ветер как будто страдает с тех пор,
Он там ничего не забыл до сих пор.

Я вижу Михасика: будто живой,
Стоит, прислонившись ко мне, он — со мной.
Стою и молчу. Звон окрестный: «Хатынь...».
Вздыхают деревья, как вдовы: «Хатынь...»

1–2.11. 2015 – 19.03. 2017 – 2.01.2024.

Элиста – Минск – Элиста

СЭРЦА КАЖА, ШТО Б'Е ТРЫВОГУ...

Зазіраючы ў гісторыю сувязей беларускай літаратуры з літаратурамі народаў Расіі, можна знайсці шмат цікавых, вартых увагі фактаў. Як прыклад — франтавая павязь з Беларуссю ўдмурыцкага паэта Філіпа Кедрава, які загінуў у нашым краі ў Вялікую Айчынную вайну. На Віцебшчыне партызаніў татарскі паэт Закі Нуры. Беларусь вызваляў ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў горна-яўрэйскі празаік з Дагестана Хізгіл Аўшалумаў, у фашысцкім канцлагеры пад Бабруйскам загінуў заснавальнік кабардзінскай літаратуры Алі Шагеничукаў... Шмат хто з творцаў народаў Расіі пісалі пра Беларусь, пра нашых людзей... Гераічнаму народу Беларусі прысвяціў сваю паэму калмыцкі паэт Міхаіл Ханінаў. «Званы Хатыні» — гэта не толькі мастацкі твор, але і мастацкі і жыццёвы дакумент часу. Так склалася ў лёсе легендарнага беларускага партызана Мішы Чорнага, што ён зрадніўся з народам Беларусі. А іначай і не магло быць. Ён жа, выкараскаўшыся з фашысцкай няволі, быў выхаджаны беларускай сялянкай. У лесе сярод народных мсціўцаў жыў адной душой, аднымі думкамі і памкненнямі з сынамі Беларусі. Змагаўся за абяздоленых і пакрыўджаных фашыстамі мірных жыхароў Беларусі. За сваю партызанку Міша Чорны (а гэта і ёсць Міхаіл Ханінаў) атрымаў ордэн Чырвонага Сцяга. Высокая ўзнагарода не выраставала паэта ў будучым ад дэпартацыі разам са сваімі землякамі-калмыкамі. А калі вярнуўся ў Элісту, то рваўся ў Беларусь, імкнуўся як найчасцей наведвацца ў Мінск і розныя куточки сваёй партызанскай, сваёй баявой маладосці. І, канешне ж, шмат пісаў пра Беларусь. У вершах і прозе згадваў эпизоды ваеннага ліхалецця, згадваў сыноў і дачок Беларусі.

А ў Элісце друкаваў пераклады з беларускай паэзіі на калмыцкую мову. Быў своеасаблівым паўнамоцным прадстаўніком беларускай паэзіі ў роднай сваёй старонцы. Выдаў кнігу перакладаў паэзіі Янкі Купалы — якраз да юбілею народнага песняра ў 1962 годзе. Пераклаў вершы Якуба Коласа. Мо з часам яшчэ выдаў бы і яго калмыцкую кнігу ў сваіх перакладах. Стараўся ўцягнуць у працэс сяброўства з беларускай літаратурай, беларускімі пісьменнікамі і сваіх калмыцкіх калег.

Ліставаўся з Максімам Танкам, Петрусём Броўкам, Васілём Быкавым, Алесем Бачылам, Сяргеем Грахоўскім, Пятром Шасцерыковым... На беларускай мове пабачылі свет дзве кнігі вершаў Міхаіла Ханінава.

Адну з іх цалкам пераклаў Аляксей Пысін. Беларускі паэт-франтавік упадабаў паэзію калмыцкага мастака слова. Вельмі адказна паставіўся да пераўвасаблення яго твораў на беларускую мову... А народны паэт Беларусі Максім Танк так пісаў у адным з лістоў Міхаілу Ханінаву: «Адна твая біяграфія — калі задумацца, глыбока ўсё асэнсаваць, звязаць з лёсам свайго народа — у тысячу разоў грандыёзней многіх сусветна вядомых твораў...». Але, канешне ж, не ўсё з твораў Міхаіла Ханінава вядома беларускаму чытачу. Шкада, што за столькі гадоў пасля смерці паэта (памёр Міша Чорны ў 1981 годзе) так раней і не перакладалася паэма пра Хатынь.

Не здольны «забыцца вогненнага шквалу», Міхаіл Ванькаевіч вельмі даражыў гэтым сваім творам. Болей таго — ён меркаваў выбудаваць паэтычны цыкл з трох паэм. У 1975 годзе паэт у складзе пісьменніцкай дэлегацыі пабываў у В'етнаме. Ён ведаў пра в'етнамскую вёску Сонгмі і пра чэшскую вёску Лідзіцэ, спаленыя разам з жыхарамі захопнікамі, крыважэрнымі катамі. І вельмі хацеў, вельмі марыў, як і пра Хатынь, пра кожную з іх напісаць паэму... «Званы Хатыні» толькі што з'явіліся ў перакладзе на беларускую мову. Гэты клопат ажыццявілі маладыя беларускія перакладчыкі Рагнед Малахоўскі і Адам Шостак. Рагнед Малахоўскі і раней звяртаўся да перакладу паэзіі М. Ханінава на беларускую мову. Кансультантам у маладых літаратараў выступіла кандыдат філалагічных навук Рыма Міхайлаўна Ханінава, дачка калмыцкага паэта. Яна рыхтавала падрадкоўнік. Яна, між іншым, ажыццявіла і другі пераклад паэмы на рускую мову. Раней твор пераклаў Аляксандр Нікалаеў. Чытачу самому ацэньваць вартасці паэмы «Званы Хатыні». Зараз хацелася б заўважыць толькі тое, што самім фактам публікацыі перакладу паэмы «Званы Хатыні» беларусы аддаюць даніну памяці творцу, партызану, які шмат зрабіў для нашага народа, нашай Айчыны. І мо з часам у Мінску

з'явіцца новая беларуская кніга Міхаіла Ванькаевіча. Ужо з перакладамі нераўнадушных творцаў новага пакалення... Новы зварот беларускіх перакладчыкаў да творчасці Міхаіла Ханінава можна смела разглядаць як выразны крок у развіцці беларуска-калмыцкіх літаратурных стасункаў на новым этапе. Вядомы калмыцкі паэт, перакладчык Эрдні Эльдышаў пераклаў вершы Максіма Багдановіча, прадмову Францыска Скарыны да кнігі «Юдзіф». Народная паэтэса Калмыкіі Вера Шуграева пераўвасобіла на калмыцкую мову творы беларускай паэткі Таццяны Сівец. У беларускай літаратурна-мастацкай перыёдыцы друкуюцца па-беларуску Рыма Ханінава, Эрдні Эльдышаў, Вера Шуграева. З'явіўся цэлы шэраг артыкулаў, прысвечаных ранейшым этапам стасункаў беларускіх і калмыцкіх пісьменнікаў.

А пакуль што мы знаёмімся з паэмай Міхаіла Ханінава «Званы Хатыні».

Алесь Карлюкевіч

ЗВАНЫ ХАТЫНІ

Паэма

Беларусь. Ёсё болей з кожным годам
Прыязджае і сяброў, і блізкіх.
Тут пра подзвіг мужага народа
Нагадаюць сумна абеліскі.

Кроў і прах, і попел ад пажарышч —
Гэта ёсё было ужо так даўно.
Толькі сцежку, дзе ўпаў таварыш,
Не забудзеш ты ўжо ёсё адно.

Не забудзеш вогненнага шквалу.
Кубак гора, выпіты да дна.
Гэта тры гады тут бушавала
Наша партызанская вайна.

Стань пад Мінскам, ля Кургана Славы.
Бы народу гонар — кружыць сокал.
Паглядзі налева і направа,
Колькі тут святых магіл навокал.

Створаны руплівымі рукамі,
Памяць каб не канула ў нябыт,
Увянчаны той курган штыкамі —
Велічна ўзвышаюцца ў зеніт.

З гонарам стаіць на варце міру,
Сімвал памяці і вартаўнік,
Курган Славы, быццам брат Хатыні
Да пляча сястрынага прынік.

Больш няма яе на белым свеце.
Як перад святыняй стаў — застынь:

І старыя, і жанчыны, дзеці —
Спалена фашыстамі Хатынь.

Галаву схілі на месцы гэтым,
Тут сто сорок дзевяць чалавек
Спалены ў агні пакут Сусвету.
Памяць захавай аб іх навек.

Дзірлевангер выканаў загад:
Нібы чорт, у хлеў усіх сагнаў,
І агонь у шчыльны ўзяў абхват,
Як у пекле страшным, запалаў.

Раздзіралі сэрца крыкі, гукі,
Што гучалі, быццам з-пад зямлі,
Ды вярхоўкай звязаныя рукі
Парабіць нічога не маглі.

Ці жанчыны, ці дзіцяці слёзы...
Дзірлевангер распаліў пажар,
І — у хлеў, бы ў топку паравоза,
Вугаль падкідае качагар.

З лютым крыкам тут усе палалі.
Стогнуць разам дзеці і даросляя,
Нават дрэвы з сумам уздыхалі
І сабакі вылі невыносна.

Я праз сон прачнуўся, па адрыне,
Бы ў агні жахлівым, заблукаў.
І з надзеяй, што няшчасце міне,
Людзям ува сне дапамагаў.

Быў далёка я тады, пад Мінскам,
Ды нібыта з імі разам — там.

Бачу — да мяне бяжыць Камінскі,
На руках — як свечка — сын Адам.

Калі б мог я ім дапамагчы
У той дзень, то высек бы агонь
Проста з сэрца. Людзі б уцяклі,
Каты б самі увайшлі ў загон.

Часта ў хаты я хадзіў Хатыні.
Помню, што ля самага акна
Стол і лаўка жоўтая, як дыня, —
Гладка габляваная сасна.

Горкаю — падушкі на пасцелі.
Абразы. Пах бульбы у паветры.
І маляты на мяне глядзелі
Вочкамі блакітнымі, як ветразь.

Кот, як сон, ідзе на мяккіх лапах,
Дзеці весела сядзяць на печы.
Толькі зараз узгадаю з жахам,
Як яны згаралі у галечы.

Я сюды заехаў неяк ноччу...
На стары ізноў набрыў я след.
Дзе ж Навіцкі Аляксандр Раманыч?
Усіх спалілі. Дзе малы? Дзе дзед?..

Ўсе згарэлі прахам як адзін.
Тут імёны — смутку абеліск.
Даты тут кароткія малых:
Ані, Мані, Лёні ды і ўсіх...

Хтосьці з іх хадзіў учора ў школу,
А каму да школы колькі год,

У дзявятым Лёня, Жэня ў шостым.
Дзеці сціхлі... І згарэў той род.

Ні ў якім не пабывалі класе
Маляняты да пяці гадоў:
Касцючок, Антосік і Міхаська
Да мяне ўва сне прыходзяць зноў.

— Дабрыдзень, лянок мой беларускі! —
Зваў я цэзку, хлопца Міхася,
І Міхась па вулцы ціхай, вузкай
Да мяне ляцеў-імчаў здаля!..

Цэзка мой Міхасік граўся шчыра:
Ўскочыць на плячо — тады мы ў бой.
Але клічуць мне «Пара». Я з мірам
Адыходжу, ў думках я з табой.

Мне Навіцкі з жонкай хлеб давалі.
Шчыра так дабраслаўлялі ўслед.
Мы дарогай іншай кіравалі.
Як Хатынь уратаваць ад бед?

Накрываюць успамінаў хвалі.
Раптам быццам голас угары:
«Дзя-дзя Мі-і-і-ся», — бы мяне пазвалі
Да сябе хатыньскія сябры.

Няўжо ты, лянок, мяне паклічаш?
Голас звонам зычным у вушах.
«Можа не згарэў Міхась? Ён выжыў?» —
Думка праяцела, як кажан.

Звар'яцеў нібыты ў гэтэ міг,
Розум мой не вытрымаў той праўды.

Такім гучным быў дзіцячы крык.
Толькі мроі... Ўжо не прыйдзе радасць.

Ты загінуў, двухгадовы сябар,
Як бы не хацеў, не ўстанеш з праху.
Я цябе дагэтуль з жахам бачу:
Да дзвярэй ты крок зрабіў з размахам.

Крок Міхасіка — амаль што першы —
Тут жа стаў апошнім. Пакрысе
Крок дзіцяці быў насустрач смерці
Доўгі, як гады вайны усе...

Я вайною праз палі, лясы
Беларусі крокаў безліч крочыў,
А Міхасік большы крок зрабіў.
Крок той — мужнасць, не дзіцячы роздум!

Свет наш назаўжды запомніў Міша
Вогненным, палаючым, чырвоным,
Нават ён не змог у пекле выжыць,
Целы ўсіх змяшаў агонь з зямлёю.

Дзірлевангер кінуў позірк палкі,
У кішэні штосьці ўзяў ў далонь
І дастаў. Не ледзянец — запалкі.
Шоргнуў ён і запаліў агонь.

Злодзей, кат, фашыст у тым быў вінны,
Што агонь пачаў у сене бег.
Ён, адданы людзям, у Хатыні
З'еў сто сорок дзевяць чалавек.

У Хатыні слёзы быццам кіпень.
Ком балючы горкі ў горле тут:

Снежань, студзень, люты... Чэрвень, ліпень...
Людзі ў вёсцы болей не жывуць.

Быў Міхась святым, нявінным, чыстым.
Хіба можна перадаць мне словам,
Як у хлеве вылюдкі-фашысты
Спальвалі дзяцей малых, як дровы.

Спаленых людзей мы не забудзем.
Гэта гонар наш і абавязак.
Мы паклон нясём нявінным людзям,
Не было каб больш у свеце здрады.

У Хатыні жытлаў мёртвых — шэраг,
А на іх званы — бы вечны помнік.
Колькасць гора проста не адмераць.
Гора ўсё — як той адзіны комін...

Зычны звон мне чутны ўдзень і ўночы,
Вецер стогне і крычыць, раве,
Я б аддаў усё дашчэнтку, Божа,
Каб Міхась вярнуўся да мяне!

З ранаю апаленай у сэрцы,
Думаю бясконца пра яго.
З Міхасём глядзелі ў вочы смерці,
Быццам беглі разам пад агнём.

Ці пішу, ці рушу я ў дарогу,
Сплю калі альбо калі прачнуся,
Сэрца кажа мне, што б'е трывогу
У званы Хатыні Беларусь!

ТРИ ОТВЕТА

Когда враждебной волею войны

Меж жизнью-смертью в узеньком зазоре
Лежал, изранен, на смоленском поле,
И Заячи спросил: «Что хочешь ты?»,
Шепнул я: «Хлеба».

Когда же прежде я упал в степи,
Томимый жаждой, не найдя дороги,
Спросил меня там Заячи в тревоге:
«Что надо тебе, бедный?». «Мне б испить
Джомбы, — ответил, — чаю...».

Когда я в детстве тяжко заболел,
Но победил недуг, со мною рядом
Присел, спросил меня, ободрив взглядом,
Распорядитель судеб — Заячи:
«Мужчина истинный, чего бы ты хотел?»
Сказал ему:
«Пусть ширится йорял¹ под этим Небом...».

ТРИ АДКАЗЫ

Калі я ўпаў, скалечаны вайной,
Распяты лёсам на Смаленскім полі,
Мне раптам захацелася да болю...
І Заячы спытаў: “Чаго, сыноч?”
Шапнуў я: “Хлеба”.

Калі аднойчы ў стэп прывёў адчай,
Я ўкленчыў, прагнучы хоць кроплю ратавання,
Ды слоў вада, гаючая, жывая,

¹ Йорял (калм. йөрэл) — благопожелание.

Мне замяніць не здолела наш чай.
Я Заячы прасіў: “Джамбы налі мне...”

Калі ў дзяцінстве хворы я ляжаў,
І шлях мой вырашаўся на нябёсах,
Са мной сустрэўся Той, хто правіць Лёсам,
І Заячы спытаў, схаваўшы жаль:
“Навошта жыць?” Я адказаў: “Для шчасця”.

Своя земля,
 как дедушкина шуба,
Как ни шагнешь,
 удобна мне и любя.
И если упаду —
 то мне совсем не больно,
Когда на ней засну —
 не колетя: привольно.
Когда вдали я от нее —
 в дороге,
Давно вернулся
 в мыслях — на пороге.

Свая зямля,
 нібы кажух дзядулеў.
Любой парою
 цёпла ў ім і ўтульна,
Калі ўпаду —
 не будзе мне балюча,

Засну на ёй —
 мой будзе сон гаючы.
Калі далёка я —
 заве мяне дарога,
У думках я —
 ля роднага парога.

Калмыцкая кибитка... Мне она
Является в любом своем рожденье.
Однажды, помню, на закате дня
Увидел ее в солнечном движенье.

«Горит!» — в испуге сразу закричав,
Помчался я к кибитке, спотыкаясь.
И мама, детский голос услышав,
«Дярке, юмбэ?»² спросила, задыхаясь.

Я маме не ответил на вопрос,
Приблизившись к родной своей кибитке:
Сидело солнце — никаких угроз —
И красило кошму в своем избытке.

Калмыцкая кібітка... Мне яна
Мілей за ўсе інакшыя праявы.
З дзяцінства прыгадаў такую з'яву,
Калі ў зіхценні сонца не пазнаў
Я роднае кібіткі, мне здалося,
Яна гарыць. Я нема закрычаў,

² «Боже, что случилось?» (калм.).

І ў голасе звiнеў такі адчай,
Што долу пахілілася калоссе.
І маці выбегла, збялелая, на крык —
Тушыць пажар, ды залілася смехам,
Бо гэта сонца ўселася, каб ехаць
За далягляд з нябеснае гары...

Калмыцкiй язык — это речь моих предков,
Острее, чем лучшие в мире мечи,
И тот, кто услышал звучание, метко
Сравнил с пенъем мудрого он джангарчи³.

Калмыцкая мова — вастрэйшая за мячы.
Мова продкаў маіх як звон над зямлёй гучыць.
І той, хто яе пачуе, ці ўдзень, ці ў глухой начы,
Спеў прыгадае мудрага джангарчы.

* * *

Калі ў зямлю закіне чалавек
Зярнятка, што ці коласам, ці дрэвам
Аднойчы стане, так Паэт навек
У сэрца слова кіне, каб гарэла,
Каб моц зямлі ўвабрала голле дрэў,
Што з хмарамі парукацца імкнуцца.
Так чалавек, каб светлы лёс сустрэць,
Да прышласці імкнецца дакрануцца.

³ Джангарчи — сказитель калмыцкаго героическаго эпоса «Джангар».

Женщины человечества,
Вы — само материнство,
Если вас сравнивать вечно нам —
Только с землей материнской.
Вы, как земля, всеильны,
Вас, как землю, приемлю:
Жизнью-связью обильны,
Вы потомством украсили землю.
Вы — в заботе о детях,
Мать, Земля — вы едины.
В горестях, радостях этих
Вы за нас в поединке.

Женщины человечества —
Звезды наши земные.
Матери человечества —
Вечно, Земля, живые.

Жанчыны зямлі,
Вы — нашыя маці,
Вас параўнаць магчыма
З зямлёю роднай.
Вы, як зямля,
Усё на сабе трымаеце,
Вас, як зямлю,
Ні на што я не прамяню;
Вы, хто жыццём напаўняе —
Усе абшары,
Вы, хто ў турботах пра нас, дзяцей,
Не ведае супакою,

Вы, як зямля, для нас
Назаўжды ў пашане.

Жанчыны —
Вы зоркі,
Што ззяюць над нашым краем.
Маці зямлі —
Вы Богам абраныя!

ВМЕСТЕ БУДЕМ НАВСЕГДА

Я хотел подняться

вновь

в атаку,

Не заметив,

что нога в крови.

Но увидел,

поднимаясь,

сразу,

Что полынь краснеет,

хоть в пыли.

Раненая,

соком истекает,

Кровь смешалась...

Кажется, полынь,

Как ребенок, плачет...

И такая

Боль от раны,

что бросает в стынь.

Я сказал траве:

«Не плачь, не надо.

Погоди, полынь,

сама земля

И дожди тебя излечат.

Ладно?
Потерпи немного,
как и я».
Тут
раздался
голос командира:
«Встать, в атаку!»
Встал,
пошел вперед,
Но успел полынь
погладить тихо,
Попрощавшись с нею.
И — вперед!
...Мы тогда
прорвали
оборону,
Батальон немецкий
поредел.
После боя
снял сапог свой,
вроде
Ранен тоже,
пулей,
поглядел.
Поменял портянку
на рубашку,
Затянул потуже
на ноге,
За ребятами пошел
теперь вразвалку,
Чувствуя
всю тяжесть в сапоге.
...Сотни
километров
за спиною,

Долгая
закончилась
война.

Враг разбит.
И знамя надо мною,
Над тобой победное,
страна,
Знамя красное,
как солнце на рассвете,
Как польнь
в том памятном бою.

Мир теперь
на этом белом свете,
Возвратились воины
в семью.

...Вот и я,
шинель набросив,
тоже
Пыльною дорогой
шел в степи:
Словно мать,
меня встречала...
Что же
С ней случилось
в длительном пути?

На колени
я упал в молитве,
Я припал
к земле отцов.

Тогда
Показалось,
точно в прошлой битве,
На закате
красная трава.
«Здравствуй... —

я сказал, полынь погладив. —

И тебя
поранила война?»
Словно верблюжонок в детстве
жадно,
Я вкусил полынь ту.
А она
Уронила слезы вдруг,
бедняжка,
Точно та
военная полынь,
Точно так
и этой было тяжко,
Понял я,
и в холод,
и в теплынь.
Я сказал траве:
«Не плачь, не надо.
Погоди же, милая,
земля
И дожди тебя излечат.
Ладно?
Потерпи немного,
как и я».
И полынь
как будто услышала,
Поняла
сочувствие мое,
И недолго
под рукой вздыхала,
Плач затих,
и слез нет у нее.
Я шершавой от войны
ладонью
Молча гладил

грустную траву...
А потом сказал:
«Теперь надолго
Я с тобой:
пока, полынь, живу,
Не расстанемся.
Прошу тебя, родная,
Ты быстрее,
слышишь,
подрости.
Будем мы,
как солнце это,
зная,
Без войны
нам жить в родной степи».

МИХАИЛ ЕГОРОВ — МОЙ БРАТ

Тебе ли,
Время,
иск мой предъявить?..
Нет,
не тягаться смертному с тобой.
Свой суд
само ты можешь нам явить.
Огонь потухший
я смогу раздуть.
Но Время...
Я никак
не в силах же вернуть.
Тебе ли,
Время,
иск мой предъявить?..

Нет,
 не тягаться смертному с тобой.
Свой суд
 само ты можешь нам явить.
Огонь потухший
 я смогу раздуть.
Но Время...
 Я никак
 не в силах же вернуть.

Мальчишка,
 он из Бардино села,
Земли смоленской
 маленький Гаврош,
Бежал,
 под пулями немецкими, едва
Увертываясь,
 падая, а я
Навстречу руки протянул,
 калмыцкий брат,
И в чаще белорусской
 ему рад.

А в сорок пятом, в мае,
 он поднял
Победы стяг над городом Берлином,
И долгих лет желали все,
 кто знал
Такого Илью Муромца поныне.

Промчались тридцать лет.
 А свет горит
Того полотнища,
 ничуть не затухая,
Чтоб в мире и согласии

всем жить,
Как будто
 с нами матушка родная.

Спокойно
 спи,
 мой славный
 русский брат, —
Бессонниц
 много было
 по дороге.

Осталось
 имя
 среди твоих наград
В сердцах потомков,
 как былинный предок.

Все меньше их
 в шеренге наших дней,
Солдат Победы,
 строй их поредельй.
Гляжу на них,
 и думается мне:
— Тебе ли,
 Время,
 иск мой предъявить?

Нет,
 не тягаться смертному с тобой.
Свой суд само ты можешь нам явить.

ВЕЧНЫЙ ОГНЕННЫЙ ЦВЕТОК

Скульптору Никите Санджиеву

Весенний праздник — наш тюльпан —

Покрыл всю степь ковром в узорах,

Живой цветок, живой тюльпан,

Он пламенеет гостем в доме.

Как девушка, прекрасен он,

Всем раздавая свет весною.

Но в парке нашем городском

Один цветок не гаснет вовсе;

Из камня вырвавшись, горит:

Он возродил сердца героев,

О них он с нами говорит,

Огонь-цветок, суровый, строгий.

Склоняют голову свою

Там перед ним доярка, маршал,

Цветок пылает на посту,

Взошел из крови он здесь павших.

И в мире не найдется сил,

Чтоб погасить тюльпан огнистый.

Он — словно с неба явлен был,

Он — как звезда на обелиске.

БЕЛОРУССКИЙ СТОЖОК

Белорусский стожок на посту том стоит,

Часовой, он по-прежнему лес сторожит,

И, увидев меня, словно друга узнал,

Показалось тут мне — он к себе подозвал.

С островерхой жердины, она там торчит,

Высоко приподнявшись, вдруг птица летит.

На ветру боковины топорщит стожок,

Как в кибитке у нас, нижний полог у ног.

Когда жаждой и голодом был я томим,
Тюфяком стог стелил сено мне — отдохни,
Он подолом своим от чужих укрывал,
В колыбели его я всегда отдыхал.

Не пройду мимо друга и я в этот раз,
Посижу в его тени я здесь и сейчас.
Попытаюсь обнять белорусский стожок:
«Как ты, друг?.. Я пришел, когда смог».

Перед тем, как уйти, взял я сена с собой,
Оно пахнет всегда белорусской весной,
А еще и тюльпаном с калмыцких степей —
Эти запахи мне до сих пор всех родней.

ЛЕТНЕЕ НЕБО В КАЛМЫКИИ НОЧЬЮ

Летом калмыцкое небо

Словно бежит от земли.
Ночью калмыцкое небо —
Будто картина в степи.
Звезды на небе засветятся —
Степь озарится вокруг,
Важно Большая Медведица
Выползет на небо вдруг.
Мамою в детстве показано
Это созвездие мне,
Столько о звездах рассказано
Мамой в ночной тишине.
Детства давно нет в помине,
Но между звезд я ищу
Эту Медведицу ныне,
Сразу ее нахожу.
Там, на войне, по созвездию

Я не терялся в лесу,
Чтобы ответить возмездием
Под Могилевом врагу.
Вот и вчера вновь Медведица
Вышла над Элистой,
Ярко по-прежнему светится
Маминым старым ковшом.
Мастер края отчеканил,
Помню я, серебром,
Словно наполнен ковш чаем
Маминым за столом.
А на краю сковородкой,
Прямо как будто с печи,
Красная, из-за сноровки,
Мечет луна калачи.
Млечный же Путь растянулся
Белым большим ширдыком⁴,
Что у кибитки тянулся —
Дети играли на нем. ...
Летом калмыцкое небо
Словно бежит от земли.
Ночью калмыцкое небо —
Будто картина в степи.

СЕДЛО

В кибитке войлочной отцовой

У двери с левой стороны
Седло соседствует особо,
Совсем без слов своей страны.

Когда седло бывает дома —
На нем наездник только я.

⁴ Ширдык — войлок, сшитый в два слоя и украшенный орнаментом.

Не запретит отец мне строго —
Весь день не слезу я с седла.

С седла тогда поднимет мама,
Умоет ласково меня,
Даст в пиале хормэк: немало
Уходит сил у сорванца.

Едва я выпью торопливо,
Запрыгну снова в то седло,
Ногам, что в цыпках, не спесивым
Не дам покоя все равно.

Седло, как раб, всю скачку терпит:
Молчит по-прежнему. Во сне
Оно является, и крепи
Надежны в дальней стороне.

А ноги коротки, однако,
Я их вытягивал во снах,
Я долго рос (казалось, на-ка),
И оттого бывал в слезах.

Смеялись надо мной мужчины,
Забыв на время об игре,
На крупе конском без причины
Растят, мол, ноги детворе.

К годам тридцатым мои руки
Достали холки скакуна,
Услышал радостные звуки:
Узнали ноги стремена.

И с малых лет свою игрушку,
Что так была покорна мне,

Седло весенним днем не в шутку
Я закрепил на скакуне.

Как только в руки взял поводья
И ноги вдел я в стремяна, —
Увидел огненные годы,
Сжал кулаки — идет война.

...Теперь мелькают дни, как в детстве,
Не различить их: быстрый бег.
Седло отцовское в наследство —
Не позабыть его вовек.

Когда седло я вдруг замечу,
Я подойду и обниму,
И счастья детского навстречу
Я у седла себе спрошу.

Мое седло в музее в Минске —
Там, где окончена война.
И будто слышу или мнится
Вновь: «Миша Черный — это я!»

...В кибитке войлочной отцовой
У двери с левой стороны
Седло соседится особо,
Совсем без слов и без вины.

Властитель дум —
мой вечный «Джангар».
Ни с кем мне не сравнить твой ум,
народный «Джангар».

Там песня каждая
о Бумбе, о стране
сродни сокровищу
в заветной старине.
Сравнить могу, пожалуй,
лишь с Гомером —
все с той же «Илиадой»,
как с примером.

Я книги ставлю
по порядку, том за томом,
и думаю о них,
живущих в доме,
пусть возраст эпоса
они, преодолев,
живут с читателем
без бед и без потерь.

ВЕСЕННЕЙ ПОРОЮ

Весенней порою скопились все тучи,
Они кочевали, не зная забот.
Небесный кузнец Гром, свирепый, могучий,
Над ними господствовал там круглый год.

Схватив колотушку тяжелую в руки,
Ворвался в ряды черных туч грозный Гром
И взмахом орудия вызвал их муки,
Размашисто бил, не жалея о том.

И треснули тучи в тревоге, в смятенье,
Заплакали в голос, навзрыд, зашумев.
Сердито рукав засучив в своем рвенье,
Гром красною палкой пытал их и пел.

А слезы из туч уже льются потоком
На землю, что воду молчком приняла, —
Она, эту милость узнав ненароком,
Чудесно воспрянула, вновь зацвела.

ГДЕ Б НИ БЫВАЛ...

Где б ни бывал,
я вижу мою степь:
то девушкой,
поющей под домбру,
то сайгачихою,
бегущей поутру,
то мамою —
та приготовит чай.
Где бы ни бывал,
ты, степь,
меня встречай.

Да я и сам,
наверное, порой
кажусь степи
тюльпаном —
тот весной
смеется средь полыни...

Или ей
я верблюжонком,
может быть, кажусь,
играющим в золе,
в июльский зной...
А может,
для нее
я мальчик на коне,
скачу во весь опор...

Иль

это снится
 мне?..
Такой я вижу
 всюду
 мою степь.
Мне с нею,
 милой,
 жить,
и ей
 мне песню петь.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ СТАЛ ПОЭТОМ

Прежде
 чем стал я поэтом,
Вилы и грабли
 узнал —
С детства
 в бригаде колхозной
Почерк я свой
 закалял.
Вот почему
 в свои строки
Я звон металла
 вписал.
Прежде
 чем стал я поэтом,
Неуков
 с детства седлал —
Вот почему
 в свои строки
Топот копыт
 я вогнал.
Прежде
 чем стал я поэтом,
Вырыл колодцы

в степи —
Вот почему
в своих строках
Их глубину
я искал.
Прежде
чем стал я поэтом,
Не был
совсем одинок —
Вот почему
в свои строки
Силу народа
привлек.

НЕ СТАНУ ГНАТЬСЯ ЗА СЛAVOЙ

В облике знакомом Аранзала
Снова скачет слава предо мной —
Как блещит, звенит в убранстве слава
В серебре и золоте своём!

Знаю толк я в скакунах неплохо,
Так же, как в стихах. И потому
Аранзала я из эпоса родного —
Джангара коня в нем узнаю.

Много раз скакун тот иноходью,
Не сбиваясь, мимо пробежит.
Мне нарочно вдруг свои поводья
С левой сбросит стороны — держи!

Издали я слышу его ржанье —
Он ноздрями, как трубой, зовет,
Головой играет, завлекая,
И ушами воздух здесь стрижет.

— Не-е-т... не стану за тобой я гнаться,
Одолов моря и горы на пути.
Знает хорошо калмык, признаться:
За конем овес не поспешит.

И скакун, мои слова услышав,
Что за славой я не побегу,
Сновиденья навсегда мои покинул,
Подобрав поводья на бегу.

КАК Я БЫЛ КОНОКРАДОМ

Рассказ

Во второй половине октября 1941 года я вместе с двумя другими партизанами пробирался из Смоленщины в леса Белоруссии. В Горецком районе, что на Могилевщине, мы, поскольку случайности о себе не предупреждают, попали в руки врага. Нас погнали в Горки — в райцентр. Конвоировали по отдельности. Меня привели в военную комендатуру, разместившуюся в здании Белорусской сельскохозяйственной академии. Тут же, на первом этаже, была и городская магистратура. В вестибюле было полно таких же задержанных, как и я. Конвоиры тут же меня повели наверх и с силой толкнули в темную комнату. Два дюжих карателя, сразу накинув на мою голову мешок, начали поочередно лупить нагайкой, а затем кулаками. Летаю от стенки к стенке и, как футбольный мяч, отскакиваю от них, катаюсь по полу.

Вдруг палачи прекратили избиение. Не то устали, не то им кто-то сказал: «Довольно! Хватит с него». Кружилась голова, кости болели, из носа потекла кровь. Один из карателей снял с головы мешок, велел обмыться холодной водой.

Через несколько минут меня снова повели по коридору и толкнули в кабинет коменданта.

Во время допроса мысль моя работала быстро и четко. Я старался играть во всю силу своих скромных артистических способностей. Хочу оговориться, что до службы в армии я пять лет работал в Калмыцком драматическом театре, сыграл немало ролей в классических и современных пьесах.

Спустя много десятков лет я побывал в памятных местах. Зашел в 92-ю комнату на 3-м этаже здания Белорусской сельскохозяйственной академии и молча постоял здесь. Вспомнил диковинный допрос, себя, игравшего две роли за один выход: конокрада и калмыцкого сказителя.

Втолкнув меня в просторную комнату, конвоиры остановились в полутора шагах.

Вслед за нами быстрыми шагами вошел небольшого роста че-

ловек в штатском. Он часто-часто моргал, глаза его слезились, будто человек этот только что чистил лук. «Слезняк», как я мысленно окрестил человека, подобострастно поклонился. Не мне, конечно, и не конвоирам, а сидевшему за большим столом шефу с необыкновенно длинной шеей. Тот едва кивнул в ответ и указал «слезняку» подбородком на чистые листы бумаги и карандаш, лежавший на длинном, покрытом зеленым сукном столе. Видно, это русский белоэмигрант, привезенный из Берлина в качестве переводчика, подумал я, когда «слезняк» после угоднического поклона тихо сказал шефу несколько слов по-немецки.

Длинношейей офицер гнусавым голосом задал первый вопрос по-русски, как бы беря меня за горло мертвой хваткой:

— Из какого ты леса, говори!

Ответ на вопрос прозвучал спокойно:

— Из разбитого тюремного эшелона.

— Из тюремного эшелона? Однако ты хорошо говоришь по-русски.

— Да, господин офицер.

Допрос начался.

Стараюсь взять себя в руки, как в былые времена на сцене. Чувствую, что спокойствие пересилило в моей душе страх. Стараюсь быть предельно точным, чтобы не сказать ничего лишнего. От этого теперь зависит моя жизнь.

Предательский страх охлаждал сердце. Только что, проходя двором, я видел, как крытая черная машина уже ждала таких, как я, чтобы отвезти куда-то, наверное, к свежеврытой могиле. А палач, который должен был руководить расстрелом, уже держал предназначенные для меня наручники наготове. Фашисты подобных мне бездокументников считали тогда политруками, комиссарами Красной Армии и сразу же расстреливали. О, если бы со мной была хоть какая-нибудь бумажонка, удостоверявшая, что я хоть месяц, хоть два где-то работал... С такими гитлеровцы поступали иначе, их отправляли в лагерь для военнопленных. Но увы!

— Не врешь? — с недоверием спросил офицер и кончиком карандаша потер нос.

«Слезняк», моргая глазами, сидел, точно болванчик, смотря поочередно то на шефа, то на меня.

— Нет, господин офицер, не вру. — Сложив руки по-калмыцки, подношу их ко лбу и сердцу.

Переводчик приподнял брови, приготовившись писать, спросил:

— Какая у тебя вера?

— Буддийская... ламаистская.

— Кто будешь по национальности?

— Калмык.

«Слезняк», перестав моргать глазами, объяснил офицеру, что калмык — то же самое, что монгол, верующий в Будду. Тот одобрительно кивнул, приготовился задать мне новый вопрос. А я с сожалением, смотрел на свои смоленские рваные лапти. На правой ноге лыко торчало, как клык старого борова.

— Какая у тебя специальность, калмык?

— Коней ворую, — не отрывая взгляда от лаптей, произнес я стеснительно.

— Ка-ак? Повтори еще раз.

Так же робко, стеснительно повторяю:

— Конокрад я.

— Конокрад? Это что, такая профессия?

— Да... У нас калмыки учат своих сыновей воровать лошадей с малого возраста. Потому что жизнь у нас бедная, мяса люди никогда не видят.

— Чьих же ты лошадей воровал?

— Колхозных, которых выращивали для Красной Армии.

Кажется, я удачно вхожу в роль: мои зрители-судьи переглянулись друг с другом и улыбнулись. Эти улыбки ослабили внутреннюю напряженность. Я стараюсь вести себя как можно проще. Значит, действительно принимают за мелкого воришку.

— Куда же ты девал ворованных лошадей? — поинтересовался гитлеровец.

— Родичам, которые живут в рваных кибитках, раздавал на мясо, а лишних пускал в степь, на съедение волкам. Вот за это

власть и посадила меня в тюрьму. Сперва сидел в Элисте, Саратове, Брянске, потом в Смоленске. Бежал, устроился для виду сторожем в колхозе, но вскоре власти дознались, кто я такой есть, опять посадили. И тут война. Нас куда-то спешно увозили эшелонам, немецкие асы разбомбили его. Мы и встретили немецкие войска.

— Скажи, как могли поймать большевики такого конокрада-профессионала?

— Очень просто, господин. Из-за голодных детей.

— То есть?

— Я крал сытых колхозных коней и пускал их на мясо. Ели его по ночам, не оставляя на утро, чтобы не было улики. И вот однажды пришла в мою кибитку милиция с обыском. А самый маленький, четырехлетний сынишка полез под деревянную кровать, достал оттуда целое конское жирное ребро, начал его рвать зубами и есть. Видно, припрятал, хитрец. Вот так меня и разоблачили.

Офицер грудью навалился на стол и слушал меня, улыбаясь.

— Убедительно, — сказал он, закурил толстую сигару и сплюнул через плечо.

Пока офицер посмеивался над мальчишкой, который выдал меня конским ребром, переводчик спросил:

— Куда же ты сейчас путь держишь?

— Домой, в степь, поближе к нашим коням.

Комендант, не отрывая взгляда от меня, спросил:

— Что ты еще умеешь делать?

Вижу, заговорил я моих судей, поверили мне они, размякли. Значит, прочь робость, время работает на меня. Начинаю играть другую роль в одном и том же спектакле.

— Могу рассказать смешную калмыцкую мудрость — семьдесят две небылицы.

— Семьдесят две небылицы? Наизусть знаешь?

— Да, наизусть. Дед-сказитель меня научил.

Офицер от удивления встал с кресла, подсел поближе ко мне. Видать, любит забавные истории.

— Ты сначала нам расскажи, какая причина послужила появлению небылиц.

Я, тихо покашляв в кулак, утвердительно кивнул.

— В незапамятное время в калмыцких степях жил один могучий хан. У хана была единственная дочь. Она была очень красивая девушка. Сыновья многих ханов хотели засватать красавицу. А девушке все они нравились, никому не отдавала она предпочтения. Тогда хан объявил всем женихам свое особое условие: кто расскажет ему с увлечением семьдесят одну небылицу, тому он отдаст красавицу дочь и вдобавок полбогатства ханства.

Слух о таком состязании дошел до старого табунщика-калмыка, у которого был сын, рассказывающий семьдесят одну небылицу с превеликим желанием. Табунщик велел сыну поехать к хану, испытать счастья.

Сын, прежде чем дать согласие отцу, говорит: «А ты меня еще раз испытай как-нибудь внезапно».

Отец привел сына к какой-то реке и с удивлением говорит:

— Гляди, гляди, сынок, вон у того берега реки жеребенок матку-рыбу сосет.

— Да-да, отец, вижу. Жеребенок сосет с большой жадностью! Даже на мой язык рыбье сладкое молоко брызнуло. — Сразу сказав, парень готов был бежать туда, куда отец показал.

Отец, похвалив сына за немедленный ответ, помолвившись солнцу и земле, отправил его к хану. Парень стал перед владыкой на колени и с ходу сказывал небылицу за небылицей.

— И взял он красавицу в жены? — потирая свои белые ладони перед собою и похлопывая по коленям, спросил офицер.

— Нет.

— Почему?

— Парень увлекся и пересказал одну лишнюю небылицу.

— Лишнюю?..

— Да. Ему надо было, по условиям хана, рассказать семьдесят одну небылицу, а он семьдесят две сказал.

— Так, так... Вот чертов калмыцкий хан... Несправедливый, — покачал головой офицер. — Теперь ты будешь сыном того табунщика. Понял?

— Понял.

— А ну-ка расскажи первые десять небылиц, — требует офицер.

Его моргающий помощник тоже от любопытства раскрыл рот.

Что-то горячее подкатило к моему горлу. Поскольку за давностью времени некоторые небылицы позабыты, придется сочинять их самому.

Начинаю:

*— Родившись задолго до отца,
Я пас табуны деда.
И, сев на верблюда, что не был рожден,
Сделал шест из листочка тополя,
Из несвитой веревки аркан смастерил
И в жару, замерзая от холода,
Я поехал пешком искать табуны
Далеко, в двух шагах от кибитки...
Трое суток шагал я и ночью, и днем,
Питаясь своею слюною,
И, конечно, от этой обильной еды
Захотелось воды мне напиться.
Вижу я, на самой вершине горы
Расплескалась отличная лужа.
Нерожденный верблюд меня мигом домчал,
Только лужа от солнца замерзла!
Я подумал: «Замерзла? И что за беда!».
Оторвал свою голову с шеи,
Крепче всякого льда у меня голова,
Лед разбил и воды наакался...*

— Вот это да! — захохотал ариец с журавлиной шеей. Ему вторил переводчик-«слезняк».

Чтобы не сбиться с текста, я чуть призадумался, но молодая память работала, как часы. Главное — не торопиться. Горе мне, между лопатками стали меня кусать ползуны, что прячутся в швах нижнего белья. Все горит, хочется почесать. А часовые не дают

шевелинуться — бьют по рукам.

— Эй, что дальше не говоришь? Забыл?

— Нет, господин офицер. Вы велели рассказать только десять небылиц.

— Ничего, расскажи еще десять.

Отпускаю на одну ладонь повод напряжения и, чуть подавшись вперед грудью, словно всадник, продолжаю:

*— Утолив свою жажду, я трубку схватил
Небольшую, как горб у верблюда,
Сунул в трубку чубук в пять аршинов длиной
И набил табаком из арбуза.
Ах, как же хотелось мне закурить,
Только рта не сумел отыскать я.
Оказалось, что вместе с моей головой
Он у лужи проклятой остался.
Я нашел ее, сразу узнал: «Моя!»
И она меня тоже узнала.
Закричала ушами: «Куда ж ты пропал?»
И бровями заулыбалась...
Ах, бедняжка, бедняжка, моя голова!
Завелись в ней уже тараканы.
Я их вытряхнул, голову вновь насадил,
Рот нашел — он уж был на затылке —
И так сладко трубку свою закурил,
Сделав трут и кремень из снега.*

Хочучут мои судьи, вытирая платком глаза. Давно они, видно, так не смеялись — будто нет на свете войны и кругом царит веселье. И конвоиры забыли, что караулят врага, и тоже смеются, только им не очень-то весело, только одни их зубы поблескивают. Ну, а как же им не смеяться, когда их начальники покатываются от смеха? Пользуясь общей расслабленностью, «утихомирил» мучителей, что сосали мою кровь меж лопаток. Добрался туда рукой, расчесал спину до крови.

— Почему замолчал? Рассказывай еще десять следующих, — потребовал офицер. Тыльной стороной ладони вытер свой крупный нос и большими глотками осушил два стакана воды подряд. Мне, голодному, подумалось, что офицер накануне съел много жирного.

— Только рассказывай громче, — предупредил офицер, любитель сказок, снова доливая в стакан воды.

— Господин офицер... Нет сил, совсем отошал в тюрьме, — говорю я и показываю на свой впалый живот.

— Ничего, ничего, давай дальше, — отвечает офицер, ставя стакан ближе к себе и готовясь слушать.

*— И пошел я медленно--быстро вперед,
Каждый шаг по пятнадцати верст.
Подошел к оврагу, а там тучи мух —
Я, конечно, их быстренько сосчитал:
Сорок тысяч пятьсот двадцать восемь.
Все кричат, словно рыбы, проснувшись с утра,
Оказалось, что делят пожитки.
Увидев меня, заорали они:
«Пусть пришелец рассудит нас:
Кто прав — пощечину даст одну,
Кто неправ — тот получит две».
Я быстро поровну все разделил —
Одним в пять раз больше других, —
И мухи счастливые говорят:
«Нам надо его наградить.
Мы брюхатую муху подарим ему,
В ней жиру на десять лет.
Вкуснее лакомства не сыскать,
Он честно его заслужил».
Муху не тронув, ее ободрал,
Не ободрав, сварил,
А не сваривши, «Готова!» сказал,
Из котла не вытащив, съел,*

*Вытер жирную руку об левый сапог,
Сунул голову в пах и уснул.
Просыпаюсь от шума: мои сапоги
Дерутся без помощи ног.
Оказалось, что правый, нежирный сапог
Лупит левого и кричит:
«Мы с тобою делили наш труд пополам,
Исходили сто тысяч дорог,
Ты и шагу один без меня не ступил,
А хозяин жирком тебя накормил,
А меня, как сиротку, обидел...».
Я смотрел и искал: где же щеки у них?
А нашел — и сейчас же порядок навел:
Одному — оплеуху, другому — две,
И снова сладко уснул.*

Покашлял, смотрю на пол, делаю вид, что рассказал уже все, о чем просил офицер.

— Почему замолчал в самом интересном месте? — нетерпеливо спрашивает. — Жми, жми до последней небылицы. Жми.

Благодарю свою память. Когда я работал в театре родной Элисты, то часто читал русские и калмыцкие стихи и поэмы наизусть. Кроме того, мне поручали переписывать роли для артистов. И потому я знал назубок почти все пьесы, которые шли на сцене нашего театра. Сейчас навыки сценической работы отлично служат мне в этот критический, самый опасный для моей жизни момент.

Да, знаменитую народную поэму я действительно немного подзабыл. Но меж строк народных небылиц смело вставляю собственную небылицу. Кажется, получается неплохо. Мои слушатели, во всяком случае, не прерывают сказителя. И счет небылицам я уже потерял, а все продолжаю:

*— Только скоро я снова проснулся:
Кто-то шумно и злобно ругаясь,
Наступая мне на ноги больно,*

*Колотил кого-то другого.
Оказалось, что сабля и ножны,
Как бараны весною, дерутся,
Выяснив, кто из них главный,
Пнул ногой я зачинщика драки
И опять захрапел, как младенец.
А проснулся утром — не вижу
Одного сапога и сабли.
«Что такое! — подумал я тут же. —
Может быть, убежали на свадьбу?
Ведь известно: туда, где свадьба,
Даже череп истлевший стремится».
Сунул обе ноги в голенище
И в одном сапоге поскакал я
Прямиком на ханскую свадьбу.
Как я думал, так дело и вышло:
Моя сабля командует пиром,
А ножны подносят всем чаши,
Пролезая меж ног у батыров
И под мышками седобородых.
Увидав, подмигнули мне оба,
Понял я и сел у порога.
Так меня угощали на славу,
Что жених от зависти лопнул.
Я напился и так наелся,
Что курдюк чуть было не вырос.
Надел свой сапог, саблю — в ножны
И пошел, от смеха заплакав.*

— И ты от смеха заплакал?! — Офицер от удивления вскинул руку вперед, задел рукавом стакан с водой. Упавший стакан неудержимо катился по полу ко мне. Догнав его, «слезняк», вытирая салфеткой, угодливо смеясь, на ухо хозяину сказал:

— Это же небылица...

— Ах да. Я забыл... Сказитель, а дальше еще смешнее?

— Есть похлеще, чем я сказывал...
Снова новая встреча в дороге:
Муравей ползет в муравейник,
На спину навьючил ягненка,
Под мышкой держит другого.
Оказалось, не в муравейник,
А на ярмарку он торопился,
Чтоб ягнят распродать, а на деньги
Купить себе новую шляпу.
Я подался на ярмарку тоже.
Вижу, в луже лежит муравей тот,
Которого встретил в дороге.
Он сказать «папа-мама» не может,
Выпил семьдесят котлов арки.
И теперь у него в желудке,
Точно на море, ходят волны.
Посмеялся я над пьянчужкой
И пошел по степи прогуляться.
Вдруг смотрю: навстречу шагают
Дудаки, все льдом покрыты.
Взял сотню — мне много не надо, —
Заткнул за пояс... и дальше.
Вдруг замерзшие ожили сразу
И со мною в небо помчались...
Разорвался мой пояс, как тряпка,
И я камнем помчался на землю.
«Все! — сказал я. — Прощайте, родные!
И друзья, и недруги тоже,
И те, кто мне вовсе не должен,
И те, кому должен давно я!..»

— Ой, ой... Какой молодец... И не разбился?
На сочувствующий вопрос офицера я кивнул головой и продолжал свои небылицы:

— Но, к счастью, сайгак быstroногий
Под бедный мой зад подвернулся.
И я, как отважный наездник,
Помчался верхом на сайгаке.
И, к счастью, на роге сайгака
Увидел свою я уздечку,
Которую потерял я,
Когда ни меня, ни сайгака
Еще не видали на свете.
И плеть, что во сне мне приснилась,
И то не сегодня, а завтра...
Если в том, о чем рассказал я,
Хоть одно словечко есть правды,
Пусть меня повесят за уши
Иль за что-нибудь другое!
Пусть мне выклюет глаз дохлый ворон!
Пусть сожжет из реки меня пламя!
Пусть комар с аппетитом проглотит!
Пусть верблюд пощекочет мне пятки!
Вы истории этой поверьте:
Нет правдивее лжи на свете!

— Еще, еще, калмык, сказывай... не останавливайся! — говорит мой главный слушатель-офицер, утративший свой прежний строгий облик, и, вытянув вперед обе руки, нетерпеливо шевелит всеми пальцами, как рак щупальцами.

— Уже кончились семьдесят две небылицы. Все. А сам от себя я не умею говорить небылицы, господин офицер.

— Так быстро? А мне хочется слушать дальше и дальше... Жаль...

Офицер посмотрел на часы, встал, испытующе глянул на меня — конокрада, заключенного из тюремного эшелона, сказителя. Минуту подумал. Потом быстрыми шагами направился к своему креслу. Оторвав из настольного блокнота листок, что-то торопливо написал и отдал вызванному дежурному офицеру.

Меня увели. И в тот же дождливый день 1941 года отправили меня не в свежерытую могилу за городом, а в Оршу, в лагерь.

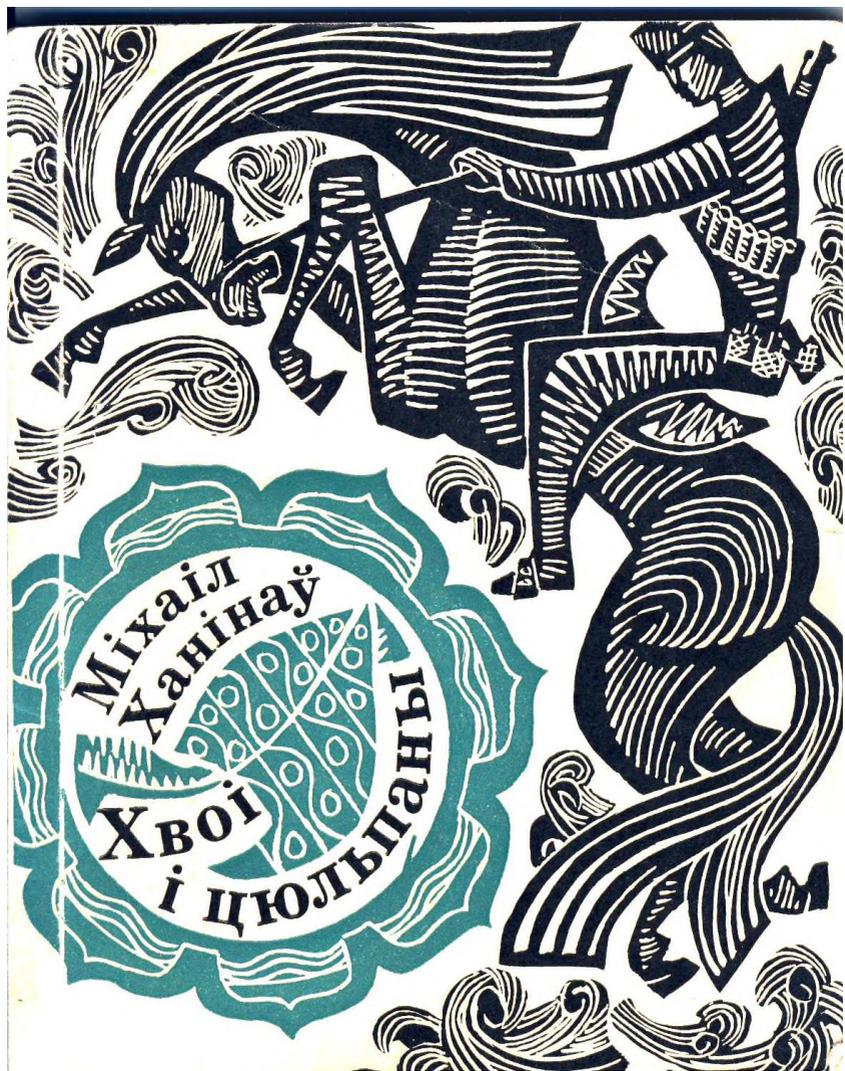
Что же спасло меня?

Неужели калмыцкая народная мудрость пересилила гнев и жестокость врага?

Или сказался артистический опыт, позволивший убедительно сыграть роли конокрада и сказителя?

Не знаю...

И хоть с тех пор прошло много времени, мне и по сей день видится тот немецкий офицер, как наивный лопухий теленок, привязанный у базка, который слушает причитания хозяйки.

Ханінаў М. Хвоі і цюльпаны: вершы; рэд. Ал. Шлег;
мастак Л. Чурко. Мінск: Беларусь, 1970. 104 с.

БЕЛАРУСІ-ПАРТЫЗАНКІ СЫН

Наш чытач з прыемнасцю сустрэне на роднай мове кнігу вершаў паэта братняй Калмыкіі Міхаіла Ханінава. Народжаны сярод калмыцкіх стэпаў, ён блізкі і родны беларускім палеткам і пушчам, якія ён абараняў у грозных гады Вялікай Айчыннай вайны. Ханінаў быў адважным партызанам, — камандаваў ротай. Нямала гітлераўцаў ён асабіста знішчыў на Магілёўшчыне і Міншчыне. «Миша Чорны» — з любоўю называлі героя сябры-партызаны і ўсе, хто яго ведаў. Паэт з поўным правам гаворыць пра сябе:

Я шмат салдатам.

Пахадзіў на свеце,

Таму люблю мацней і гарачэй,

Калі вакол мяне смяюцца дзеці

З іскрынкамі даверлівых вачэй.

(Пераклад Сяргея Грахоўскага)

Пасля вайны ў Міхаіла Ханінава выйшла з друку нямала зборнікаў вершаў. Яго паэзія сцвярджае, што ён усім сваім сэрцам любіць жыццё. Сын пастуха, з малых год пазнаў раздолле родных стэпаў. Ён добра адчувае іх прыгажосць і натхнёна пра іх спявае. Горача любіць Міхаіл Ханінаў свой працавіты народ. Я адчуваю ў ім паэта, які ўзрос сярод бязмежных прастораў і добра ведае душу свайго народа. Ён умее знаходзіць яркія фарбы, калі абмалёўвае любімае ягонаму сэрцу наваколле:

Ржанья косы развінула лета,

І стэп увесь ад каласоў звiніць.

Курганаў сiнь.

Лісіцы, як каметы,

Арлы між хмар...

Без іх мне нельга жыць.

(Пераклад Анатоля Астрэйкі)

У Міхаіла Ханінава вострае наглядальнае вока. Вобразы, створаныя ім, дакладныя і запамінальныя. Паэт натхнёна спявае пра гераічныя будні гарадоў і пра подзвігі працаўнікоў сяла. І як кожнага мастака, што бачыць жыццё ва ўсёй шматграннасці, у Міхаіла Ханінава ёсць яркія вершы аб

С народным поэтам Беларусі Петрусем Бровкой. Мінск, 1962 г.
дружбе, аб барацьбе за мір. Уся савецкая зямля яму бясконца дарагая, а ўсе савецкія людзі — блізкія і родныя. З любоўю і замілаваннем спявае паэт аб Беларусі, дзе, як ён кажа, знайшоў сваю другую маці:

*Беларусы — гэта Колас і Купала,
Несмяротныя народы джангарчы.
Песні іх усімі струнамі спявалі,
А ў час грозны зіхацелі, як мячы.
Яны мужна ў сваіх жылістых руках
Неслі ленінскі высока ўзняты сцяг.
Вось якія беларусы!
Беларусы — гэта Мінск цудоўны, светлы,
Як празрыстае люстэрка, у якім
Бачыш твар свайго таварыша прыветны
У зялёным амбрамленні веснавым.*

(Пераклад Максіма Танка)

Так, у гэтай сяброўскай кніжцы вершаў мы сапраўды бачым прыветны твар добрага друга і брата Міхаіла Ханінава.

*Пятрусь Броўка,
народны паэт Беларусі.*

БЕЛАРУСИ-ПАРТИЗАНКИ СЫН

Наш читатель с приятием встретит на родном языке книгу стихов поэта братской Калмыкии Михаила Хонинова. Рожденный среди калмыцких степей, он стал близким и родным белорусским лугам и пушчам, которые защищал в грозные годы Великой Отечественной войны. Хонинов был отважным партизаном — командовал ротой. Немало врагов он лично уничтожил на Могилевщине и Минщине. «Миша Черный» — с любовью называли героя белорусы-партизаны и все, кто его знал.

Поэт с полным правом говорит о себе:

*Я был солдатом,
Видел все на свете
И смерть встречал лицом к лицу не раз.
Люблю, чтоб вокруг меня сидели дети
И радость чтоб лилась из детских глаз.*
(Пер. А. Николаева)

После войны у Михаила Хонинова вышло из печати немало сборников стихов. Его поэзия подтверждает, что он всем своим сердцем любит жизнь. Сын пастуха, он с детства познал простор родной степи. Он чувствует ее красоту и вдохновенно поет о ней. Горячо любит Михаил Хонинов свой трудолюбивый народ. Я чувствую в нем поэта, который вырос среди бескрайних просторов и хорошо знает душу своего народа. Он умеет находить яркие краски, когда рисует милый его сердцу край:

*Ржаные косы разметало лето,
Звенит листвой упрямый бересклет.
Ах, степь моя!..
Лисица — что комета...
Орел крестом...
Без них — мне жизни нет.*
(Пер. Н. Поливина)

У Михаила Хонинова острый, наблюдательный глаз. Образы, созданные им, точные и запоминающиеся. Поэт вдохновенно поёт о героических буднях городов и подвигах тружеников села. И, как у каждого художника, который видит жизнь во всей ее многогранности, у Михаила Хонинова есть стихи о дружбе, борьбе за мир. Вся советская земля ему бесконечно дорогая, а все люди — близкие и родные. С любовью и благодарностью поёт поэт о Беларуси, где, как он говорит, нашел свою вторую мать.

*Белорусы — это бдительные леса,
Белорусы — это Немана голоса,
Белорусы — это волны Березины,
Что проворны, как гривастые скакуны.
Где зеленою муравою простор пропах,
Мчатся волны с белой пеною на губах.
Или то белоголовые ковыли
В раннем зареве, в ярком мареве там, вдали?
Или это, шумя, волнуясь, бежит вода,
Как сайгаков многотысячные стада?
Белорусы — это те, кто с давнишних пор
Понимают наречье рек и язык озер,
Белорусы — это те, кто с давнишних лет
Проложили на трудных тропах нетленный след,
Белорусы — это вешний, пахучий цвет,
Это Коласа и Купалы могучий свет.
Белорусы — это стойкость богатырей,
Это — слезы и возмездие матерей,
Это — гордость и это — твердость святой борьбы,
Это — юность партизанской моей судьбы,
Это — штаб в грозные годы у той ольхи,
Где читал я по-калмыцки свои стихи...*

(Пер. С. Липкина)

В этой дружеской книге стихов мы действительно видим приветливое лицо доброго друга и брата Михаила Хонинова.

Петрусь Бровка, народный поэт Беларуси.

ВОСЬ ЯКІЯ БЕЛАРУСЫ

Беларусы — гэта пушчы векавя,
Гэта — Нёман, Прыпяць, Нарач і Дзвіна,
Дзе гуляюць хвалі бурныя, крутыя,
Грывы шумныя ўздымаючы са дна.
Хвалі гэтыя здаюцца мне часамі
То разбуджанымі ў полі кавылямі,
То сайгачым шэрым гуртам незлічоным,
Што, пакрыты пены белаю імглой,
Скача праз усе парогі і адхоны
За чабанскаю скрыпучаю арбой.

Беларусы...

Яны — у дружбе ўсе з прыродаю сваёю.
Любяць рэкі свае, пушчы і палі,
Быццам Джангра батыра на полі бою,
Разумеюць галасы сваёй зямлі.

Сосны, укрыўшы нечапаныя крыніцы,
Вольна дыхаюць, набраклыя жывіцай.

Беларусы...

Я іх бачу на калгасных нашых нівах,
Чую, як пяюць за працаю яны,
Сеюць збожжа, ткуць старанна і рупліва,
Трактары іх уздымаюць дзірваны,
Каб у кожнага акраец хлеба быў,
Каб ніхто не знаў бяды і ў шчасці жыў.

Вось якія беларусы!

На дарогах, што удалечы імкнуць,
Я іх бачу, працавітых і нястомных,
Як яны бетон, жалеза, лес вязуць,
Будаваць нам памагаюць шахты, домны,
Каб зямля, дзе імя Леніна жыве,
Расцвітала ў непаўторным харастве.

Вось якія беларусы!

Беларусы — гэта Колас і Купала,

Несмяротныя народы джангарчы.
Песні іх усімі струнамі спявалі,
А ў час грозны зіхацелі, як мячы.
Яны мужа ў сваіх жылістых руках
Неслі ленінскі высока ўзняты сцяг.
Вось якія беларусы!
Беларусы — гэта Мінск цудоўны, светлы,
Як празрыстае люстэрка, у якім
Бачыш твар свайго таварыша прыветны
У зялёным абрамленні веснавым.
Перамогі абеліск, а ля яго —
Зніча вечнага запалены агонь.
Каб гарачых сэрц святло гаіла раны,
Памагала ўсім знаходзіць верны пуць.
Вось якія беларусы! Як цюльпаны,
Што ў краіне Бумбы казачнай растуць.

БАЛАДА ЛЯСОЎ БЕЛАРУСКІХ

Праз ноч
Над гадамі
Завяя завые,
Зноў лес нагадае
Легенды сівыя...

Легенды —
Вы памяць
Суровая
Краю.
З вас кожная
Ворага паліць,
Карае.
Вы —
Парахаўніцы

Народнага гневу.
Клялі чужаніцы
Жахлівае неба.
Ды новыя
Помняць
Лясы векавыя.
.....

Знаў кожны наўкола,
Як справа была,
Ды
Пра гэта вясёла
Раскажа
 балада.

Юнацтва,
Паслухаем моўчкі
Баладу.
...Папалі знянацку
Фашысты ў засаду.
Фронт грозны,
Лясны.
Скрозь пагібелі сховы.
Папалі яны
Ў акружэнне... дубровы.
Ляшчыннік густы.
Страх
У кожным прагале.
Няшчадна кусты
У фашыстаў стралялі.
Маўчалі зязюлі,
Зялёныя купы,
І кулі
Лічылі
Варожыя трупы.

Забыў афіцэр
На пагоны,
На цэшку,
Кляне ён,
Зялёны,
Каварную сцежку.
Ад страху зялёны.
Дзе дзелася пыха?
«Мне гэтая д'яблава
Зона
Наліха!»
Развітвацца
Фон
Не жадае са светам.
«Закляты раён —
Кожны куст
З партбілетам!
Нас жудасны лес
На прыцэле
Трымае!..»

У рай захацелі —
Дарога праяма!

Сук здрадліва храпне —
Бялеюць ваякі.
Ды грознае раптам:
— Рыхтуйся ў атаку!..
Стаілася ціша.
І што за праява! —
З вінтоўкаю выйшаў
Хлапчына смуглявы.
Упэўнена крочыць.
У лесе — як дома!

(Вялікія вочы
У страху,
Вядома!..)
«Ах,
Гот міт уне!»
— Топаі!
Прапусціць сцяжына!
Узвод
Вёў на допыт
Вясёлы хлапчына.
Ён кожнае дрэва
Па шолыху знае.

...Нарэшце сустрэла
Зямлянка штабная.
...Надзейная варта, —
Гадоў па семнаццаць.
Адно афіцэр
Хоча ўпарта
Дазнацца.
Часцей і часцей
З запытаннямі лезе:
— Нас
Колькі часцей
Акружыла
У лесе?
Не вельмі дэталёва,
Адказвалі строга:
— Ваенная тайна.
Часцей было многа!..

Калі б толькі зналі
Тупыя галовы,
Што снайпер
Іх вёў

Дваццацідвухгадовы!
.....
Кавыльняы далі
Ты помніў,
Качэўнік!
Ды роднымі сталі
Мячэўнік,
Карчэўнік!..
Стэп клікаў,
У снах
Слаўся мяккім абрусам.

Прыйшоў ён калмыкам,
А стаў —
 беларусам!..

МАЦІ З БЕРАЗІНЫ

Праскоўі Андрэеўне Віліткевіч

Мокры снег на садах, на хацінах,
Луг раскіс, хлюпаціць ля ракі.
Хмара сумна вісіць на ялінах,
Хмару колюць іголки-штыкі.
А на кручы, на беразе правым
Чалавек покажаўся. Пабег.
Кулі цокнулі над пераправай, —
З галавы шапка ўпала на снег.
Пакацілася з берага, з лёду,
І панесла яе ўжо рака.
Чалавек падхапіўся
Ды з ходу —
У гушчынь хмызняка, сасняка.
А варажы стралок, недарэка,

Паглядзеў, апусціў аўтамат.
Ён рашыў, што забіў чалавека,
І быў гэтаму «подзвігу» рад.
Толькі чуюцца вёслаў усплёскі
У глухмені начной і сырой.
З вёскі Месціна, ціхае вёскі,
Прабіралася лодка ракой.
І глядзелі бярозы, каліны,
Як старая страчала яго.
Ды пякучыя тыя слязіны
Палі ў хвалю, нібыта агонь.
Маці ўсё выглядала, чакала
Сына многа начэй, многа дзён.
А другога вось так абдымала,
Нібы ёю народжаны ён.
І хоць сэрца гарыць, нібы рана, —
Ў сыне новым уцеху знайшла.
І павезла яна партызана,
Каб да роднага смерць не прыйшла.
Толькі вывесці сына з-пад куль бы,
Сыпле смерць тыя кулі наўкол.
Даць яму беларускае бульбы,
Пасадзіўшы гасцінна за стол.
І раскrojіла хлеба буханку,
Еў салдат, запіваў малаком.
Падарыла салдату вушанку,
Грэў камінок яго аганьком.
Ён пражыў тут не доўга, дарэчы,
Ды здавалася, быццам у сне:
З волі маці-калмычка на стрэчу
Падыходзіць к Беразіне.
...Пехатой абыду ўсю планету,
На вяршыні спаткаю зару,
Гучна голас мой грымне па свету:
«Мая маці — мая Беларусь!»

ГЭТА БЫЛО Ў МАГІЛЁВЕ

Была цяплынь, нібы ў Італіі...
Світалі кулі над пагоркамі.
Грымотай танкавай баталіі
Аглушан парк Максіма Горкага.
Між чорных жэрлаў танкаў Гітлера
Стаяў, працяты кананадаю,
КВ, —
Не мог зрабіць ён выстрала,
Не мог папоўніцца снарадамі.
Ужо не быў ён грознай сілаю,
Не быў адплатай непазбежнаю...
Хацелі немцы адбуксіраваць
Наш танк у логаву за рэчкаю.
Ён уключыў матор.

І бураю

Рвануўся ў часць сваю далінаю;
КВ жалезнаю віхураю
Размёў, скрышыў гайню звярыную!
А чатырох танкістаў Гітлера,
Грымотнай летняю парою,
Як заарканеных, без выстрала,
Да нас прыгнаў перад сабою!

ХЛАПЧУК І КАРНІКІ

Ён па сцяжынцы, ўзбоч прагалінкі,
Імчаўся хутка на кані.
Хлапца на матацыклах карнікі
Дагналі:
— Стой! Каня спыні!

І, абкружыўшы сінявокага,

Крычалі:
— Партызаны дзе?
— Вунь там... Адгэтуль недалёка.
Я пакажу...
— Няхай вядзе!..

І паскакаў хлапчук сцяжынаю
На вараным кані сваім.
Маўкліва, стужкаю змяінаю
Паўзлі фашысты ўслед за ім.
Ды страх хлапчыну не агортвае,
Глядзіць на сцэжку з-пад рукі.
І ўсё каня жвавей прышпорвае,
К абрыву скача, да ракі.

З сядла упаў, нібы падкошаны...
Матацклісты ж з круцізны,
Затармазіць ужо не могучы,
Зляцелі ў вір Беразіны.
Усе ў рацэ яны загінулі...
Устаў з зямлі герой-хлапчук.
А ветрык лашчыў вочы сінія
І калыхаў віхрасты чуб.

БАЛАДА ПРА ПАРТРЭТ

Ведаць будзе ўся мая сям'я,
Як ляжаў маўкліва ў снезе я.
Паваліла куля ў мёрзлы лог, —
Я хацеў узняцца, ды не мог.
Лес.

Сняжынкі падаюць на плёс.
Дастаюць вяршыні да нябёс.
Ледзь кіўне галінкаю сасна, —

З неба зорка падае адна.
І другая коціцца уніз...
«Вось бы мне яе на абеліск», —
Думаў я, змірыўшыся з бядой.
Зорка зноў
 упала прада мной.
Галаву прыўзняў —
 убачыў свет.
Тут згадаў я:
 Леніна партрэт
У мяне ў кішэні...
Як жа, брат,
Данясеш ты ў свой яго атрад?
Трэба ж,
 каб у штабе партызан
Быў Ільіч
 сярод лясных палян.
Дык няўжо не здужыш
 смерць прагнаць?
«Як не здужу?»
 Я намогся ўстаць.
Кроў на снезе.
 Гэта кроў — мая.
Зноў імкнуся
 ўстаць са снегу я.
«Не магу інакш.
 Мне дваццаць год.
І яшчэ... са мной
 партрэт Яго!»
На калені ўстаў.
 Зіма з палёў
Вее ў твар:
 «Брат, упадзеш ты зноў...»
Шлях крычыць:
 «Цягнуце хлопца ўніз!..»

Зорка ж у яго на абеліск!»
Зорку я кідаю проста ў снег —
Я жывы яшчэ, я — чалавек!
Дапаўзу ў атрад пад шум бароў,
І сваіх парадую сяброў.
Вось тады мой вырашыцца лёс!
І пайшоў па лесе,
і папоўз.
Па сумётах,
як па рэчцы ўброд,
Я прабраўся.
Вось і мой узвод.
Камандзір пытае:
«Будзе жыць?..»

На грудзях маіх партрэт ляжыць.
Я дайшоў.
Я выканаў загад.
Камандзір сказаў:
«Трымайся, брат!»

МАЯ БІЯГРАФІЯ

Полымя вайны прыстрэшы ліжа,
Родны край ад болю спахмурнеў.
Калмычонак з Волгі — Чорны Міша —
Беларускі ў сэрцы носіць гнеў.
Ў сцёганцы, з трафейным аўтаматам, —
Помста над чужынцам паўстае...
«Ой вы, хаты, дарагія хаты,
Хаты спапялёныя мае!»
Цешыцца, бунтуе вораг п'яны
Ад гарэлкі ці ад слёз жанчын...
— Хэндэ хох! — як выстрал нечаканы,

Голас Мішы чуецца ўначы.
... Туга захінуты ў завею,
Да чыгункі прабярэцца цень.
І над змрочнай выспай развіднее —
Зноў цягнік варожы узляцеў!
Наваколлем, ад фашыстаў чорным,
Слых паўзе халодны, нібы жаж:
«Гэта зноў прыходзіў Міша Чорны!
Помстаю яго адзначан шлях!»
Кожны след абнюхала гестапа,
Па слядах пагоня — тут і там.
Воўчыя усіх хапаюць лапы:
— Ві ест Міша Чорны,
Партызан?
Хцівы паліцай хавае вочы, —
«Ён?

Не ён?» —

Абрыдла варажыць.

— Эй, пастой! — і стаў чарней ад ночы.
— Вось вам... на памінкі... і крыжы!
Грымнула, як гром,
Значыцца, пытаньняў больш няма.
Больш узрываў — значыць меней катаў —
Беларусь пацвердзіла сама.
... У даўніх зводках патануў вучоны,
Стос у стос расклаў усе франты:
Дзе сягоння гэты Міша Чорны?
— Чуеш, Міша,
Дзе сягоння ты?
Сын і брат
Зямлі шчаслівай нашай,
Дзе ты бавіш дні свае цяпер?
Песня беларуская лясная
Кліча не даклічацца цябе.
... Кліч пачуты быў — данесла ціша.

У Элісту мчаліся лісты.
Вось ізноў з сябрамі Чорны Міша:
— Добры дзень, о, добры дзень, браты!..
У Элісту ліст сябры напішуць.
Устрывожыць сэрца родны кліч.

Зноў у Беларусі Чорны Міша.
Не пазнаць знаёмае зямлі!
Пахне медуніцаю і мятай,
І знаёмы голас мне пяе:
«Ой вы, хаты, дарагія хаты,
Хаты уваскрэсшыя мае!»

ЛЮБЛЮ Я МАЛЕНЬКІХ ДЗЯЦЕЙ

І я салдатам
Пахадзіў па свеце,
Не раз граміў няпрошаных гасцей,
Каб радаваліся і дужэлі дзеці.
О, як люблю маленькіх я дзяцей!

Я быў салдатам.
Дагаралі стрэхі,
На сотні вёрст ляжаў счарнелы снег,
Дзіцячага не чуў гадамі смеху.
З тае пары люблю дзіцячы смех.

Я быў салдатам.
Сцюжы замяталі
Дарогі спапялелыя вайны.
Тады ніколі дзеці не спявалі.
Як я люблю, калі пяюць яны!

Я быў салдатам.
Помню дымны вецер,
Магілы пабрацімаў дарагіх,
І не забыў, як паміралі дзеці.
А я люблю іх дужых і жывых.

Я быў салдатам.
Праз агонь і холад
Ішоў да Перамогі напралом.
Дзяцей касіў блакадны люты голад,
А я люблю іх бачыць за сталом.

Я быў салдатам.
У свінцовым гуле,
У полымі варажага агню
Вясёлыя тады замоўклі гультні.
Як я люблю дзіцячую гультню!

Я быў салдатам.
Не забыць ніколі
Атаку нашу і гарматны гром...
Дзяцей фашысты расстралялі ў школе.
А я люблю дзяцей за букваром.

Я быў салдатам.
Помню ў сорака пятым
Дзень Перамогі і фашызму крах.
Я з цяжкім развітаўся аўтаматам
І ўзняў дзіця высока на руках.

Я шмат салдатам
Пахадзіў па свеце,
Таму люблю мацней і гарачэй,
Калі вакол мяне смяюцца дзеці
З іскрынкамі даверлівых вачэй.

СПОВЕДЗЬ КАЛМЫКА

Я запрашаю ўсіх.
Для вас, мае сябры,
Заўсёды дзверы — насцеж.
Хачу, каб і ў мяне
І у сяброў маіх
Быў вечны спадарожнік —
Мір і шчасце.
Ды чуеш! Зноў гудзе
Паходная труба,
І заіржалі неспакойна коні,
І кіцель баявы
Мне жонка падае,
І дзеці ціха ўсхліпваюць
Спрасоння.
І як калісьці, зноў
Іду я у паход,
Каб кліч трубы
І гром капытны слухаць.
Не дам цябе я ў крыўду,
Мой народ.
Я ў бітве і пясняр,
І воін, моцны духам.
... Ідзём плячо ў плячо...
Над намі скрозь сцягі.
Ў палынным мроіве
Гайдаецца планета...
І нараджаецца
У сэрцы песня-гімн,
І коціцца, плыве
Яна над светам.
Любімы мой хатон.
Гляджу я ў вышыню —
Арлы над стэпам

Кружацца вясною.
Люблю я цішыню.
І ў той жа час заўжды
Напагатове я трымаю зброю.

НАСУПЕРАК ЧАСУ

Я знаў цябе яшчэ тады,
Калі вайны гулялі хмары.
Прайшлі гады...
Але й гады
Цябе не здолелі састарыць.
Вякі праскачуць наўздагон,
Падзеі блытаючы, даты...
Уздыбіцца твой верны конь,
І скажа коннік барадаты:
«Ў баі ніводзін з нас не здаў!»
І я цябе, мой друг, пазнаў.

ДА АПОШНЯЙ АТАКІ

Быццам коннік у прыпар,
Стамлёны
(Ацяжэла ў сядле галава) —
Так калышацца ў полі трава,
Да зямнога схіліўшыся лона.
Не да неба,
Дзе ясна і вольна,
Цягнуць рукі свае кавылі —
Нельга жыць ім
Без роднай зямлі,
Без яе
І засохнуць няўмольна.

З глыбіні
Узнімаюцца сокі
І па жылках травінак цякуць.
Там, у нетрах,
Пад глыбай пяску,
Вечнай сілы
Жывыя вытокі.
І земля
Поіць жоўтыя травы
Мацярынскім сваім малаком.
Выйдзі ў стэпы, зірні —
Навакол
Узнімаецца дружна атава...
Так і я:
І ў юнацтве, і сталы,
Не на неба глядзеў —
На зямлю.
І ва ўсім,
Што зрабіў і зраблю,
Мне заўсёды
Зямля памагала.

Ў дні вайны,
Калі ціхія пожны
Засланяла ад сонца імгла,
Ты, зямля мая, мне памагала
Уцалець да атаки апошняй.

Вось таму і сягоння я ў сіле.
У зямлі — неўміручасць мая
І карэнні мае.
Лёгка дыхаю я
Чыстым водарам роднай Расіі.

ХЛЕБ

Максіму Танку

Яго вялікасць едзе ў печ няспешна,
Давай жа, гаспадынька, не драмі.
І чыгуны — інакш ім нельга, грэшным, —
Да сценак печы ціснуцца плячмі.
Дарогу аржаному караваю!
О жар бярозавы,
О жар вялікі — под!
Асілак сеў,
Тужэе, падростае.
Пашыў кафтан — і зноўку у паход.
Што за кафтан!
Скарынка залаціцца,
Да бохана лапата падплыла
І — ў свет!
Туды, дзе белізной дыміцца
Вясёлы круг святочнага стала.
«Вялікасць Ваша,
Мы служыць гатовы, —
Пра жыта дбалі і ў завею, ў дождж».
І ўсміхнуўся залатагаловы:
«Бярыце нож,
Хай гаспадарыць нож!»
Павесялелі і зямля і неба:
Сябе хлеб людзям усяго дарыў...
Я слаўлю хлеб, цану я знаю хлеба:
Без хлеба не жылі б асілкі-змагары!

БРАТЫ

Заіру Азгуру

То не Пушкіна любімага карэта, —
Чабана дамок паходны...

Кавылі

Бачылі, як стрэў калмык у тое лета
У стэпе сына беларускае зямлі.
Мова Пушкіна, праменістая ліра
Акрылілі чалавека ў дальні шлях,
І калмык паднёс кумыс, частуе шчыра
Госця дарагога ў срэбных кавылях.
І пілі з адной духмянае піялы.
Гаварыў калмык: «Частуйся, родны брат...»
Добрае пітво яшчэ смачнейшым стала,
І шчырэйшым стаў шырокі далягляд.
Домбра на сямі ладах звінела міла,
Упляталі ў тую песню птушкі звон.
Шматгалосую ўзнялі арлы на крылах,
І ляцеў цюльпанаў шолах наўздагон.
Ветры ў тую песню ціха слалі, слалі
Залатыя промні, кветкі, кавылі.
І грымела ў стэпе:

— Слава людзям, слава,

Слава розуму і працы на зямлі!
І пазнаў калмык, чабан той пасівелы,
Пабраціма з Беларусі, дружбака:
Ён душы агонь, навуку сваю ўмела
Перадаў натхненне, мудрасць, іскры тыя,
Без якіх пагасне сіла ў мастаку;
Перадаў і сэрца, рукі залатыя
Чалавеку працы, брату-стэпняку.
І гайдалі песню кавылі і травы,
І яна ўзлятала ў сонейка арлом.
— Беларус чароўны, хай жа твая слава
Пераселіцца і ў мой калмыцкі дом.
Вобразы герояў выкрасаў ты сэрцам,
Удыхнуў у мрамур ты сваю душу.
Подзвіг даў і славу, даў ты і бясмерце
Мужнаму Гастэлу, дзеду Талашу.

Удыхнуў у бронзу воблік ты Купалы,
Коласа, Харужай — ім у бронзе жыць.
Напаіць бы родных з гэтае піялы,
Джамбаю духмянай,

добрай напаіць...

Абняліся зноўку моцна пабрацімы
Ў стэпе, дзе арлы ўзляталі да нябёс,
Беларус, калмык — сына адной Радзімы,
На вякі з'яднаў братоў адзіны лёс.

ВЯРБЛЮДЖЫЯ КОННІКІ Ў ПАРЫЖЫ

Дождж.
Ён ізноў па дахах перыць,
Ручай у рыне зазвінеў...
Ледзь толькі выйшаў я з кватэры,
Як хмары — гуртам на мяне.
І не злічыць іх легіёнаў,
Паўзуць, як ворагі, яны...
Я прыгадаў Напалеона
І бітву ля Беразіны.
Нібы былое бачу бліжай:
Гарматы ціша спавіла...
Вярблюды й коннікі ў Парыжы, —
Разбіты ворагі датла.
Глядзяць французы — што за
цуды! —

Раскосых бачаць казакоў.
Белабародыя вярблюды
Нясуць паважна седакоў.
Ваяка мудры наш — Талтаеў —
Шчаслівы быў у тых дні:
І раніца тут залатая,
Плыў палкаводзец на кані

З ім побач...

Слаўны выгляд ранкам
У палкаводца, добры ён...
Глядзяць з усмешкай парыжанкі,
Нібыта Кажуць наўздагон:
«Вас, пераможцы, мы не судзім,
Бо з вас ніхто не вінават...»
Конь белы,
Белыя вярблюды
І цвёрды ў коннікаў пагляд.

Народнаму паэту Беларусі П. У. Броўку

Калі ў дарозе часам сумны еду,
Тады звяртаюся да вершаў я тваіх...
Чытаю ўголас іх на мове дзеда —
І на душы цяплее ўраз ад іх,
Нібы калмыцкай джамбы раптам я
адведаў.

МІХАІЛ ХАЊІНАЎ

ПАЭЗІЯ НАРОДАЎ СССР

ЖУРАЎЛІ НАД СТЭПАМ

Ханінаў М. Жураўлі над стэпам: вершы / аўтарызаваны пераклад з калмыцкай А. Пысіна; рэд. П. Ф. Прыходзька. Мінск: Маст. літ., 1977. 128 с.: з іл. [Паэзія народаў СССР]

ЯК ПАДОБНЫ ПІЛЬКАЎСКІ ВЕЦЕР З ЦАГАНУРСКИМ ВЕТРАМ

Скрып і стук за блізкаю кібіткай,
там ці не кабыла трэцца грываі?
Лёгкі шоргат —
па траве сухой і колкай
мыш прабегла палахліва?
Зверху футра цёплае упала —
маці загарнуць мяне
зноў парашыла,
Звон вуздэчкі...
Скакуна мой бацька поіць...
Чараціна
Зноў звініць ля возера глухога,
з зоркамі на блізкім небасхіле —
Сосны нарананскія...
Іх цені проста к сэрцу
ноччу падступілі.
Прывязаць бы трэба мне кібітку, —
вечер пількаўскі і астраханскі,
То не ён...
Радкі Максіма Танка
я чытаю дома, на світанні...

ЧЫРВОНЫ ЦЮЛЬПАН

Як надыдзе мой час, — вы запомніце,
дзеці:
Не лічыце памершым мяне, пахаваным.
Буду кожнай вясною ў абноўленым свеце
Падымацца над стэпам чырвоным
цюльпанам.

Вы запомніце, дзеці, скажыце унукам,
Што іх дзед не сумуе
 пад дзёрнам пясчаным,
Што ён цягнецца к сонцу,
 к хвалюючым гукам,
Што ўзышоў ён у стэпе чырвоным
 цюльпанам.

Вы запомніце, дзеці, — ад вас не хаваю,
Што я з мараю звыкся аб лёсе жаданым:
Не імкнуся быць птушкай,
 што ў небе спявае,
А хачу на зямлі я успыхнуць цюльпанам.

Не пакіну я вас, — вы запомніце, дзеці,
Я знайду сабе месца за ціхім курганам.
Будуць свежыя травы у сонечным леце,
Буду вам усміхацца чырвоным цюльпанам.

ТРЫ АДКАЗЫ

Калі за Смаленскам —
 ні ўстаць, ні прысесці, —
Ляжаў я ў балоце, падбіты вайной,
З’явіўся з пытаннем Лёс перада мной:
«Што найдаражэйшым ты лічыш на свеце?»
Ледзь чутна прамовіў я: «Хлеба кусок».

Калі заблудзіў я у стэпе, ў бур’яне,
І звалены быў я спякотай густой,
З’явіўся з пытаннем Лёс перада мной:
«Якое найбольшае маеш жаданне?»
Сказаў я: «Калмыцкага чаю глыток».

Калі ачуняў я, падняўся з пасцелі,
І ўсе за сталом мы сямейным паселі,
Лёс з тым жа пытаннем, і я адказаў:
«Таму, хто боль зведаў і смерць адагнаў,
Патрэбней за ўсё — слова добрага друга».

ГАНАРОВАЕ ЗВАННЕ

Мы ехалі ў таежную Сібір...
Дарога прывяла нас да пасёлка,
Дзе побач неба і зямная шыр,
І снег у твар — як вострыя іголки.

Гаспадары у клуб нас прывялі,
Народу паказалі з відавоку:
Глядзіце, вось пісьменнікі прыйшлі,
Да нас яны, шаноўныя, здалёку.

Народ нам восплескаў не шкадаваў,
Мне слова даючы для прывітання,
Маскоўскі літаратар запытаў:
— Ці ганаровае ты маеш званне?

Пакуль пытанне ўцяміў я як след,
Мой мінскі сябра, глянуўшы задорна,
Сказаў:

— Ханіноў Міхаіл... Паэт...

Па клічцы партызанскай —

Мішка Чорны.

І тут па зале:

— Братцы, гэта ж ён!

Ды ён жа — камандзір мой,

Мішка Чорны!

З ім не адзін варожы гарнізон

Мы ў Беларусі, як на жорнах,
сцёрлі.

Ці помніш, камандзір, той гул бароў,
Дняпро і Сож... І рэчку Проню?..
— Я помню ўсё, і вас, маіх сяброў,
І Магілёўшчыну ў пажарах помню...

І мне і вам ніколі не забыць
І страты боль, і перамогі свята.
І — змоўк. Не мог я болей гаварыць,
Было дыханне чымсьці сята.

Стаяў маўкліва, не знаходзіў слоў,
І разумеў няёмкасць адчування.
А людзі пляскалі ў далоні зноў,
Дарылі восплескі
за хваляванне.

Мой партызанскі сябра нёс букет
І зноў даводзіў некаму паўторна:
— Няпраўда, званне мае ён —
паэт,
І наша баявое званне — Мішка Чорны!

ТРЭЦЬЯЕ ЛПЕНЯ

Чэрвеньскі шлях...
шлях змагання, надзей, праваты,
Быццам толькі з катойні,
ўвесь крывёю заліты.
Як засмяглыя птушкі,
просяць варонкі вады
У нябёс,

што зеніткамі густа прашыты.
Па дарозе такой
вельмі цяжка ступаць,
Хоць і ўперад ідзём:
толькі ж ведаюць воіны —
Партызан і салдат, —
іх не могуць стрымаць
Ані танкі, ні міны,
ні тыя выбоіны.
Чэрвеньскі шлях
не спыняецца з-за перашкод,
Так бурліць, так кіпіць, —
беларуская блізка сталіца.
Па-дзяцінаму плачуць дамы,
і на ўсход
Свіслач, быццам дзяўчо,
па руінах імчыцца.
Трэцяе ліпеня...
Цесна пад Мінскам шляхам,
Што зліліся ў адзін.
І праз гул несціханы
Ракатанне матораў
чуецца нам,
Поклічны голас:
«Прыйдзі, вызваленне чаканае!»
Я задыхаюся,
ў ботах трафейных бягу,
Вось прада мною ўскраін
дымам прапахлыя хаты.
Ворагу выбітаму
сёння сказаць я магу:
Не, не ўратуецца ён,
не ўцячэ ад расплаты.
Ссунуўшы шапку,
ў поце, ў крыві,

Дзе вы, браты мае лясныя,
Дзе партызанская сям'я?
Дзе кулямётчык мой з Урала?
— Казлоў загінуў як салдат —
З-за той мяжы, з-за перавала
Ўжо не вяртаюцца назад.
А дзе, таварышы, Каўшырка,
Мой падрыўнік з Беразіны?
Партрэт вялікі ўвысь і ўшыркі:
«Героем паў у час вайны».
А дзе разведчык Пракапенка?
Спяшаўся да ракі сваёй.
З той песняю, што недапета,
І ён загінуў,
Наш герой.

Яны грамілі гарнізоны,
Бясшумна зняўшы ўсе пасты,
І адсякалі эшалонам
То «голавы»,
А то «хвасты».
Засведчылі б зямля і неба:
Страчалі ворага як след.
Калі ж у тым была патрэба,
То ўмела замяталі след.

Адважна дзейнічалі, смела,
І ведаў беларускі бор,
Што група трох джыгітаў мела —
Ад трох рэспублік,
Трох сяцёр.

Пайшлі аднойчы па парошы,
І выбухі былі чутны:
То грывнуў эшалон варожы,
Ды не вярнуліся яны.

Баёў гарачых і паходаў
Не засланілі вы, гады.
Я помню — камандзір узвода
З жальбой дакладваў мне тады.

І слухала ўся наша рота
Цябе, таварыш Жураўлёў:
— Пайшлі яны цераз балота
К чыгунцы Гомель — Магілёў...

Я ведаю: на месцы бою
Ўзышлі вы вечнаю травой.
Калі ж вам неба дождж дае,
То ёсць слязінкі ў ім мае.

Даўно здаў зброю баявую,
Каханне слаўлю і вясну.
Ды па начах, калі пішу я,
Ўсё бачу прад сабой вайну.

І адчуваю боль у сэрцы,
І бачу вас, мае сябры;
Стаіце вы, як на паверцы,
У партызанскім тым бары.
І зноў мне, камандзіру роты,
Паведамляе Жураўлёў:
— Пайшлі яны цераз балота
К чыгунцы Гомель — Магілёў...

У стэп іду, дзе спеюць травы.
Альбо пяром раблю я штрых, —
Я думаю — у кожнай справе
Мне не хапае іх, траіх.

Гляджу на слупы, што пакрочылі полем, —
Не могуць адзін аднаго абagnaць.
А я ўспамінаю з журбою і болем
Сваіх пабрацімаў, якіх не спаткаць.
Нібы не слупы, — а салдаты ў паходзе,
Не збочаць з дарогі, ні кроку назад, —
Пасталі ў калону пры светлай пагодзе
І ціха пайшлі ў залаты лістапад.

Так сёння шарэнга маўклівых слупоў
Мне зноў нагадала дарогу баёў...
Як быццам бы зараз мы выйшлі з атакі,
Варожы разбілі, змялі гарнізон.
Яшчэ дагарэць не паспелі баракі,
Скарэжаных дотаў не ўлёгся бетон.

Я бачу іх твары — людзей маёй роты,
Вось строем праходзяць байцы і сябры.
Калона к калоне — лясная пяхота,
І сцяг партызанскі — пад колер зары.

Я помню таго лесніка на паляне,
Плячыстага дзеда — быў трапны стралок.
«Я з вамі пайду, два сыны-партызаны,
А трэці на фронце... загінуў сыноч».

Ну што яму скажаш?.. Мы адпачывалі.
Гарэнічы — нашы. Зноў заўтра у бой.
Мы чысцілі зброю. Мы ціха спявалі
Пра вочы і ўсмешку каханай сваёй.

Я бачу вас кожнага, бачу вас разам,
Мае пабрацімы, лясная радня.

Як хочацца справы ўсе кінуць мне часам
І зноў асядлаць і прышпорыць каня.

Імчацца па сцежках, што добра вядомы,
Каб нават не ўгнаўся і дожджык сляпы,
І дзякаваць сонцу, і ветру, і грому,
І дзякаваць вам, палявыя слупы.
Усё гэта ўспомніў — лясы і балоты,
Хоць стэп прада мной і звычайны курган.
Успомніў я хлопцаў, салдат маёй роты,
Маіх магілёўскіх сяброў-партызан.

КЛІЧАЎ

Паэма

Да Ольсы ціхіх берагоў
Лячу, спяшаюся здалёку.
Сустрэну Беларусь я зноў
У пошумным зялёным змроку.
І зноў у памяці — вайна:
З агню і полымя да хвалі
Тут беглі за сасной сасна
І, не дабегшы, паміралі.
Трава, ігліца, цёмны мох
Прапахлі дымам і крывёю.
У гэтым краі — з чатырох
Жыць засталіся толькі трое.

Даўно аціх вайны пажар,
І Ольса ў марыве світаньня
Плыве ў паводцы светлых мар,
Нібы дзяўчо пасля спатканьня.

Пасёлак жыў між дрэў і траў,
І шэры птах гады адлічваў.

Тады, у сорак першым, стаў
Сталіцай партызанскай Клічаў,
Грымотна выбух абпаліў
Бязрозку пад акном роддома.
У рукі зброю ўзяў актыў
І прама ў бой — з бюро райкома.
Граната і гранёны штык
Далей працягвалі размову.
На рубяжах смяротных тых
Крывёй пісалі пастанову.
І, з партыяй з'яднаўшы лёс,
Па закліку свайго райкома,
Той нёс тапор, той зброю нёс
Па сцежцы, што здаўна знаёма.
Прымаў народных мсціўцаў бор,
Маўклівы, велічны і грозны.
І з партызанамі ў дазор
Выходзілі дубы і сосны.

І вось ён, Клічаў, прада мной,
Вітаем мы — салдат салдата,
І ён і я гатовы ў бой.
Руіны...Папялішчы...Хата,
Счарнелая, з-за палыноў
Глядзіць з трывогай і журбою,
Як маці, што сваіх сыноў
Даўно чакае з поля бою.

Магчыма, сцішанай парой
Сустрэне і мяне хаціна
І прывітае ўсёй душой
Як брата, ўнука альбо сына...

Далёка мой кавыльны стэп,
Дзе месяц свеціцца падковай.

Тут маладзік — барвовы серп
Над партызанскаю дубровай.

Вось мы разведку правялі,
І быў загад аб наступленні.
І пакаціўся па зямлі
Гром ярасны, гром вызвалення.
Ішлі на ворага — у бой
Лясныя мужныя салдаты,
І з імі ў праваце адной —
Бярозы, вуліцы і хаты.

Нам сталінградскі чуўся гром,
Нам чуўся гул «кацюш» натхнёны.
Над Ольсай, Сожам і Дняпром
Ляцелі ў прорву эшалоны.
Не раз ішлі праз посвіт куль
І праз варожую блакаду.

Шмат заваёўнікаў адсюль
Мы не пусцілі к Сталінграду,
Нам Клічаў, быццам Сталінград,
У Ольсе ўбачылі мы Волгу.
І арміяй стаў наш атрад,
І верым мы у перамогу.

Прабіты кулямі ў баях,
Абпалены ўжо неаднойчы,
Над Клічавам трапечка сцяг
І свеціць людзям днём і ўночы.
Святло высокае плыве
На далячыні гарызонту.
Радзіма нас цяпер заве
Героямі ляснога фронту.

Ўжо бачым дзень вялікі той:
Зямлю ад ворагаў ачысцім
І разам з арміяй сваёй
Парадам прыйдзем урачыстым...

Даўно аціх вайны пажар,
І Ольса ў марыве світаня
Плыве ў паводцы светлых мар,
Нібы дзяўчо пасля спаткання.

КУЛЯМЁТЧЫК МУТУЛ

Ноч летам хутка так плыве,
Не мае часу прыпыніцца.
Ў бясмарным небе,
 ў сіняве
Мільгне над лесам бліскавіца.
Не бліскавіца то зусім,
Не вільгаццю вятры падзьмулі,
То зноў пад позіркамі тваімі
Трасічны след варожай кулі.
На перасохлыя палі
Не хлыне лівень вадаспадам,
Зноў глыбы чорныя зямлі
Грымотна ўздыблены снарадам.
А часам ты ўявіць гатоў
Пры добрай ранішняй пагодзе:
Няма вайны, няма баёў,
І ўсё звычайнае ў прыродзе, —
Палае ўсход, а не пажар,
І гром грыміць,
 а не гарматы,
Сыходзіць параю папар,
Чакае зранку: дзе араты?

Дымок сышоў, апаў з галля
 Ўстрывожаных бяроз і клёнаў.
 І зноў уздрыгвае зямля
 Пад крокам рот і батальёнаў.
 Па бляску воч не прачытаць,
 Каму з сяброў у нашай роце
 Зусім нядоўга ўжо ступаць,
 А хто яшчэ паўсвета пройдзе
 І да Берліна данясе
 Свой гнеў, спрасованы ў абойме.
 Магчыма, сёння йдзём у бой мы
 І з бою вернемся не ўсе.
 Дзе ж вораг, сілаю якой?
 Разведка мусіць нам данесці,
 Ці ён за гэтаю гарой,
 Альбо далей стаіўся дзесьці?
 Ды вораг адазваўся сам
 (Ужо не трэба данясенне), —
 Засаду рыхтаваў ён нам
 І біў на поўнае знішчэнне.
 Спачатку —
 вогненны налёт,
 Спачатку грывнулі гарматы.
 І кулямёт,
 як з-пад варот,
 Пакласці ўсіх ён быў бы рады.
 Няма калі лічыць нам страт,
 Байцоў загінула нямала.
 Гарыць на бліндажы накат,
 Рака,
 як вогненная лава.
 Уперадзе палітрукі,
 І мы па закліку, па знаку
 Ўздымаем вострыя штыкі
 Ў сваю апошнюю атаку.

А з кулямётчыкаў адзін
Мутул

з «максімкам» у абдымку.

Ён, і баец і камандзір,
Налева павярнуў «максімку».
Хаця «максімка» хоча піць,
Хаця ўжо дыхае ён жарам,
Ды трапна б'е і будзе біць
Кінжальным

флангавым ударам.

Прабіліся мы да вады,
У абароне — рэчка з намі.
Не, не патрэбны нам брады,
І ўплаў не пусцімся мы самі.
А за спіною астраўка,
Шматка маленькага — плацдарма,
Кіпіць Бярэзіна-рака,
Рака са славай легендарнай.
Нас ворагу не ўзяць ніяк,
Тут абарона без агрэхай.
Арэшак моцны, як кулак,
Змог скалаціць камбат Арэхай.
Зямля аглухла ад стральбы,
Ад агнястрэльнай перапалкі.
Свае непрабіўныя лбы
Снарадам падстаўлялі танкі.
І загадаў тады камбат
Знішчаць бутэлькамі з бензінам.
І танкі папаўзлі назад,
Шлейф чорны цягнучы ў нізіну.
Мы ў акружэнні колькі дзён,
Прайшлі ў баях мы гартаванне.
Ужо не полк, а батальён
Вядзе з фашыстамі змаганне.
І зноў, нібы на палігон,

Ідзе за танкамі пяхота.
Ужо не полк,
 не батальён —
У абароне толькі рота.
Не батальён,
 не рота —
 ўзвод,
І то здразелы ўжо, не поўны.
Узрылі, быццам агарод,
Снарады бераг наш
 і пойму.
Праз несціханы гром і гул
Свой голас падае «максімка».
Змяніў пазіцыю Мутул
Пад кулямі, як невідзімка.
З укрыцця лёгкага свайго
То густа строчыць ён, то рэдка.
Дрыжыць пад пальцамі ў яго
Слухмяна-чуйная гашэтка.
Адсюль б'е вораг і адтуль,
Сцягнуў ён танкі і пяхоту.
З палка ўсяго
 адзін Мутул,
Калмык-качэўнік
 з кулямётам.
Прашые куляй навывлёт,
І зноў пасля чаргі кароткай
Спяшаецца да новай кропкі
Вандроўны спрытны кулямёт.
І сціх —
 ні ўперад, ні назад,
Знямела ў паядынку зброя, —
Упаў наведзены снарад
І выбухам накрыў героя.
На полі бою феерверк

Дарма наладжваў вораг потым...

Ў баях наступных ажыве

Мутул

з «максімкам»-кулямётам.

Спалохае чужынцаў лес

І нават куст за паваротам:

Не раз ім здасца, што ўваскрэс

Мутул

з тым самым кулямётам.

На захад вораг пабяжыць,

І будзе летам бегчы, ўзімку...

Рака, легендай асвяжы

Мутула

і яго «максімку»!

ЛЕС

То курган,

То брацкая магіла,

Падступае пушча да вады.

Тут маё юнацтва ў бой хадзіла,

Тут мае засталіся сляды.

Ўжо дзесяткі год не свішчуць кулі,

Сон-трава

ўсцяж даўніх рубяжоў.

А зязюля шэрая кукуе,

Лічыць тых,

хто з бою не прыйшоў.

Пасталелыя занадта рана,

Не саромімся мы сівізны.

Зноў вядзе былога партызана

Сцёжка,

што лягла у час вайны.

*

Лес стаяў над небам веснавым,
Воблакі драмалі на галлі,
Велічна, шырока перад ім
Рэкі

паўнаводныя

плылі.

Сонца грэла дрэвы і траву,
Людзі шчасце ладзілі сваё.
Ды аднойчы неба сіняву
Чорнае

заслала

вараннё.

Хлынула варожая арда:
«Мы — паны, а вы — рабы!»
Памутнела светлая вада,
Застагналі сосны і дубы.
Днём і ноччу вораг лютаваў,
Вынішчаў усё жывое спрэс.
Грознай сілай перад ім паўстаў
Партызанскі

волатаўскі

лес.

Не маглі ні куля, ні снарад
Сэрцы

воінаў лясных

дастаць.

Вакол лесу абцугі блакад
Вораг пачынаў мацней сціскаць.

*

Спарадзіла гнеў

трывога,

Не схіліў

лес
галаву;
Дзе захопніку дарога —
Ён кладзе яму
пад ногі
Непраходную дрыгву.
Лезе вораг азвярэлы,
На паўнеба дым і гром;
На шляху — упокат дрэвы,
Бы прамчаўся буралом.
Лес ваюе, наступае
І сваіх не лічыць ран.
І чужынца падстаўляе
Пад удары партызан.
А пасля шумеў над збродам:
— Вось і лёг касцямі ты, зброд,
Бо заўсёды лес — з народам,
З лесам заўсягды — народ!

*

То курган, то брацкая магіла,
Падступае пушча да вады.
Тут маё юнацтва ў бой хадзіла,
Тут мае засталіся сляды.
Загаілі сосны свае раны,
Ды жывая памяць ёсць у дрэў.
Аб мінулым дрэвы-ветэраны
Ўдаль праносяць спеў раскалыханы, —
Я прыслухаўся
І — зразумеў.

УСПАМІН

I

Вайна

Кубік мне прышпіліла ў пятлічку,

Планшэтку і зброю дала.

Шаснаццаці год маладая калмычка

Мяне на вайну правяла.

Разгублены погляд і вочы з журбою,

Смаляная вабнасць касы.

Я гэта прыпомніў за дымнай гарою,

Ля вогненнай той паласы.

Гарэлі будынкi і дрэвы палалі,

У неба ляцелі стрыжы.

Па грудзі ў зямлі на зямлі мы ўстаялі

На дадзеным нам рубяжы.

І вораг сваёй захлынуўся крывёю,

Назад адкаціўся і змоўк.

Я ўспомніў хатон свой і ўсё, што з любоўю

Ў акопе прыгадваю зноў.

...Ах, вочы, абмытыя першай расою,

Як смольныя косы нясе!

Сяджу і ўздыхаю.

А побач са мною

Ў журбе аднагодкі мае.

Валжанін Сярога — успомніў аб Любе,

Аб Айшы — нукусец Тлеген.

І стэпам і сонцам прапахлые губы

Мае прашапталі —

Кермен.

Яшчэ паўгадзіны —

Пачнецца сутычка,

І жорны вайны загрымяць.

Ды я не аб гэтым, мая ты калмычка,

Жадаю ў пісьме расказаць.

II

Сядзім на беразе ракі
Ў вярбовым светлым цені,
Пясочкам драім кацялкі
І моўчкі летуценім.
Аб чым?

Таі ці не таі —
Усе, як ёсць, кахаюць.
Паблізу свішчуць салаўі
І хлопцам спачуваюць.
Няма забвення ад пакут,
Баліць душа і цела.
...Мой родны край, мой родны кут,
І чыйсь пагляд нясмелы.
Зюзюляй поўня на суку
Кукуе гулка-звонка.
Шкрабу цвіком па кацялку —
Выходзіць профіль тонкі.
Запал лірычны дружбаку
Руку натхнёна водзіць.
Сяргей на медным кацялку
Адно імя выводзіць.
Схіляецца ён зноў і зноў
І шептам паўтарае:
«Навекі, любая Любоў,
З табой я, дарагая!»
«Айша» — шкрабе нажом Тлеген,
Стралою серца раніць.
Ну, як мяркуеш ты, Кермен,
Ці я ад іх адстану?
Цвіком я крэмзаю, гляджу,
А літары ўсе — коса:
Імя я звонкае пішу
Суседкі чарнакосай.

«О лейтэнант, шкадуй сябе!» —
Шчабечуць птахі хорам.
— Здаюся я, Кермен, табе,
Іду ў палон бадзёра!

III

Развіталіся мы с вёскай Сошняю
І на захад узялі кірунак.
Мы сябрам пакінулі апошняе —
Кацялкі свае, як падарунак.
Кацялкі з прыгожымі імёнамі,
З нашымі салдацкімі пісьмёнамі.
І жагналіся ўслед нам прадзеда,
Стоячы ў густым дарожным пыле.
Наляцелі зноў фашысты набрыддзю
І ўсю вёсачку датла спалілі.
Цені кошак над былою вуліцай,
Печаў абгарэлыя шкілеты.
Пагарэльцы крочылі сутулена,
Падбіралі годныя прадметы.
Ў попеле — знаходка відавочная;
Кацялок — такі выпадак зручны —
З сілуэтам дарагім дзявочым
І калмыцкім імем паўнагучным.
Кацялкі знайшліся і астатнія,
Так старанна чысцілі іх рукі:
Што на свеце знойдзецца больш вартае
Сціплага салдацкага дарунка?
Хоць счарнелі печы і застылі,
Дружба ў сэрцах ярка разгарыцца.
Волга і Аму смаян паілі,
А яшчэ калмыцкая крыніца.

АРАНЗАЛ

Сорак першы.
Мой шлях не з вакзала,
Я насустрач вайне праз агні
Паляцеў на сваім Аранзале —
Танканогім калмыцкім кані.

На паўнеба —
Дым чорны пажара,
У пажары калоссяў сцяна.
Аранзал легендарны з «Джангара» —
Продак даўні майго скакуна.

Сустрадаў я вайну у барвовым
Палыханні на Беразіне.
У баі пабываў я суровым
На калмыцкім маім скакуне.

Баявымі адзнакамі — раны,
Іх жывіцай гаілі бары.
Да свайго будана партызаны
Запрасілі мяне,
Як сябры.

Ваявалі,
Паклонаў не клалі
Кулі той, што ў баі не міне.
На прывале
Аднойчы назвалі
Камандзірам узвода мяне.

Не шукалі спрыяльнага часу,
Білі ворага ноччу і днём.
Анідзе я не разлучаўся

Са сваім партызанскім канём.
І пад Клічавам,
І пад Сушай,
І ў тых вёсках, якіх не назваў,
З бою ў бой
У спякоту і сцюжу
Йшоў са мною мой конь Аранзал.

Давяраў я яму і дарогам,
Што ў агонь і пад кулі вялі.
Ледзь жывога, на повадзе доўгім
Ён цягнуў мяне ў лес
Па зямлі.

Не забыць: мы выходзілі з бою,
І я ўпаў паміж соснаў старых.
Конь спыніўся, стаяў нада мною
І паветра вушамі ён стрыг.

Я схапіўся за стрэмя рукою,
Прашаптаў ледзьве чутна:
— Імчы!..
Заспявалі вятры над ракою,
Нібы ў стэпе маім джангарчы.

Дабрыню і сардэчную ласку
У бядзе я не раз адчуваў.
Беларуская маці Параска
Боль гаіла мне зёлкамі траў.

І прыйшло тое майскае ранне,
І абдымкі, і слёзы былі.
Аранзала ўрачыстае ржанне
Вы пачулі тады,
Кавылі!

Перамогу зямля адзначала,
Там, дзе кветкі, —
Не трэба прамоў!
І памчаліся мы з Аранзалам
У калмыцкія стэпы дамоў.

Міма вёскі,
І міма мястэчка,
Толькі вецер і свіст у вушах.
Залатыя пярсцёнкі вуздэчкі
Усцілалі нам музыкай шлях.

Родны край паўстае ўвачавідкі:
Вось яны, вось яны, вось яны,
Стэпы, травы, улусы, кібіткі,
Маладых скакуноў табуны.

І сцяжынка вяла Аранзала
Да кібіткі, што роднай лічу.
А душа перш за ўсё пажадала
Далажыць аб усім Ільічу.

Як жывы,
Ленін
На п'едэстале,
Ён да стэпу і сонца прывык.
У грудзях маіх сэрца спявала,
І маўчаў я, шчаслівы калмык.

Дзе я ні быў бы, стэпу даль са мной
І светлым днём і ў цішыні начной:

То дзеўчынай прыгожай паўстае,
То сагайчыхай з стройнасцю яе;

То з'явіцца, як маці, па вясне
І прыгатуе чай калмыцкі мне;

То жонкаю, як ціхі вецярок,
Узвеецца, праводзіць за парог;

А то дачкой узыздзе у акне
І ўсё чакае сцішана мяне;

А можа, я і сам, о стэпе мой,
Стаю цбльпанам, што ўзышоў вясной?

Магчыма, што перад табою я —
Малое рыжае верблюдзяня?

Ці то я хлопчык у тваіх вачах,
Што скача, ажно вецер у вушах?

Не ведаю, душой я стэпавік,
І так жыву,
І думаць так прывык.

Неба Калмыкіі летам,
Зноў на нябеснай раллі
Густа над полем, над стэпам
Яркія зоркі ўзышлі.

Толькі агнямі засвеціцца
Луг, што папасам прапах,

Бачу Вялікай Мядзведзіцы
Срэбны маўклівы чарпак.

Мусіць, з маленства знаёма
Ўсё, што запала ў душу.
Выйду я ў сад каля дома,
Ўдаль прад сабой пагляджу.

Доля салдацкая, дзе ты?
Ўспомню цяпер па начах,
Як мы з Мядзведзіцай гэтай
З пушчы знаходзілі шлях.

Зорны чарпак прыкмячаю,
Быў часцяком ён пусты.
Зараз напоўнен ён чаем,
Чаем калмыцкім густым?..

ІЗ ДРУГИХ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕВОДОВ

Народнаму паэту Беларусі П. У. Броўку

З думай людзей сваё сэрца злівае
Шчодры паэт у хвалюючых песнях.
Гэтак садоўнік дрэўца саджае,
Каб радасць плады яго людзям прынеслі.
Неба зачэпіцца ціха за крону,
І загайдаюцца светлыя гукі.
З'яднаны мы працаю мірнай, натхнёнай.
Месяц, як яблык, нам просіцца ў рукі.

БАЛАДА ПРА ГНЕЎНЫЯ ХМАРЫ

Спяць натоплена дарогі
Ў цішыні густой палёў.
А ўжо хмары, як трывога,
Ў гурт збіраюцца ізноў.

Хмарам бачацца магілы,
Тыя горасці і зло,
Што з табою, сябра мілы,
Зведаць суджана было.

Знаюць хмары, помняць хмары
Ўсё, што нельга нам забыць...
І дагэтуль у абшарах
Навальніца дзён тых спіць.

Гром... Забліскалі ўспаміны,
Быццам вострыя клінкі...

Першай бомбай, першай мінай
Ранен ранак ля ракі.

Стогне неба гневама бою,
Быццам змучаны баец.
І, налітыя крывёю,
Хоціць хвалі Мухавец.

Брэст, снарадамі парыты,
Змоўк на дымным рубяжы,
Быццам хлопчык той забіты,
Што запылены ляжыць.

Хмары, ранення ў рукі,
Ужо вайну каторы раз
Просяць, моляць, як разлуку:
«Забінтуй крывавых нас...»
А вайна, што гоніць бегма
Ў люты бой за раццю раць,
У адказ: «Не хопіць снегу,
Каб усіх забінтаваць».

Хмары, ранення ў ногі,
Саслабелыя зусім,
Моляць, просяць на дарогу
Даць бы мыліцы хоць ім...

А вайна, замест адказу,
Лезе ў гневе на дыбы:
«Дзе вазьму я дрэў — адразу
Мыліц столькі нарабіць».

Ды на злосць вайне праклятай
Хмары просяць у зямлі:
«Ты нам дай, прышлі салдатаў,
Каб сады ізноў цвілі!».

І тады па ўсёй Расіі
У бяссмерце, на вякі,
Быццам хмары агнявыя,
Паплылі яе палкі.

З громам-грукатам удары
Рушаць грозную сцяну...
Партызанаў просяць хмары —
Памагчы ўзарваць вайну.

Просьба хмар густых пачута —
След хаваюць верасы...
Паўстаюць ў помсце лютай
Партызанскія лясы.
Навальніцаю вялікай
Загрымеў усцяж паход:
Тут і рускія, калмыкі,
Беларусы — увесь народ.

За магутным крокам ратным
Да Берліна ад Крамля,
Як пасля дажджоў спагадных,
Зарунела зноў зямля...

Ахінуліся дарогі
Цішай, пахамі лугоў...
«Што ж вы, хмары, для трывогі
Мо збіраецеся зноў?!»

Цяжка хмарам чуць такое,
Ды ўздыхнулі нездарма:
«Нашай памяці спакою
З той вайны яшчэ няма.
Нам бы цёплымі дажджамі
Долу ліцца спакваля.

Ды, на жаль, яшчэ пад намі
Дзе-нідзе дыміць зямля.

Хто-нікто пра сорак пяты
Ўжо забыцца нават змог...
Ходзіць факельшчык пракляты
З новым факелам трывог.

А каб лютыя дарогі
Не ўсцілалі зноў дымы,
Напамінкам Перамогі
Навальніцу носім мы».

НАД ОЛЬСАЙ-РАКОЙ

Паэма

Ранак зімовы. Ні ветру, ні сцюжы.
Узлесак. Рачулка. І поле з бакоў.
Бой пачынаем пад вёскаю Суша.
Тут да мяне камісар Шчарбаков:
— Таварыш, райком выклікае.
Разам і пойдзем — нам сцежка адна.
Не ўсё зразумеў я: нагода ж якая,
Мажліва, што нават за мною віна?
Усё перадумаў. Быў шлях мой жышчэвы
Звычайны, грымотны: ужо год на вайне.
Кажу камісару нядобрыя словы:
— Узвод мой ваюе, а вы вось мяне... —
Мы ўсе паважалі свайго камісара,
Па-добраму дзіўны, усмешкай свяціў.
— Паклікала партыя, дожджык ці хмара,
А мусіш з'явіцца, на покліч ісці!..
Без шыльды райком наш пад хвойя густою,

Між хлопцаў знаёмых і сам сакратар
З прозвішчам Заяц. Паправіў ён зброю
На поясе. Строгі асмужаны твар.
— Таварышы! — чулася ўсё ж хваляванне, —
Кубанку ён скінуў, чупрыну адвёў. —
У партыю нашу, такое пытанне, —
Прымаем мы сёння герояў баёў... —
І вось я і ўласнае прозвішча чую,
І словы, як рэха, у сэрцы маім.
Я ўстаў, падцягнуўся, уперад гляджу я,
Як быццам пад сцягам стаю палкавым.
— Выходзіў ён з многіх баёў пераможцам, —
Дакладвае членам бюро сакратар. —
Мы помнім жа добра той бой пад Замошшам,
Дзе вораг адчуў партызанскі ўдар.
Смела і ўмела камандуе ўзводам... —
Няўжо ён і гэта сказаў пра мяне?
А вось і аб нашым паходзе «падводным»:
Баржа варожая

на дне

ў Беразіне!

Свіслач. Тры міны. І мост узлятае
З громам насустрач нябесным мастам.
То пра каго ж сакратар апавядае?
Свіслач. Тры міны... Да гэта ж я сам.
— Мусіць і хопіць аб тым, як ваюе,
Толькі яшчэ будзе некалькі слоў:
З кім у сям'і партызанскай сябруе,
Хто сёння ў ліку ягоных сяброў? —
І сакратар усміхнуўся: — Не выдам
Пэўна, я тайны вялікае тут:
Сябры яго — рускі Саша Дзямідаў,
Узбек Турсункіеў і Вася якут...
Сам жа калмык ён, Міша наш «Чорны»,
Як па-лясному яго мы завём.

Тут ён ваюе за стэп свой прасторны,
За стэп свой кавыльны,
за родны свой дом.

Вось жыццяпіс баявы партызана,
Будзе ён камуністам сапраўдным, лічу... —
Болем азваліся ўсе мае раны,
Плакаць,
Не! Заспяваць я хачу.
Толькі райком акрэсліў рашэнне,
Грымнуў снаряд, і другі прасвістаў:
Вораг відаць, узлаваўся страшэнна,
Што камуністам я стаў.
Грукат каціўся з блізкага бою,
У думках трывога: а як там сябры?
Сказаў сакратар нам:
— Бярыце сброю!
Уперад! —

і рэха пайшло па бары.
Я ўзвод адшукаў. А варожая куля
Знайшла, сцебанула
Мяне па назе.
Ад камандзіра атрада, гляджу я,
Мой сувязны па-пластунску паўзе.
Загад: адысці, і двума ўзводамі
З боку рачулкі нанесці ўдар.
Боль у назе. Адпаўзаем сумётамі.
След мой — з крывёю, не бачыць яе санітар.
Вось і рачулка, кусты і алешнік.
І падымаю я ўзводы свае;
Мусілі зноў мае хлопцы залегчы,
Вораг нам ходу далей не дае.
Кулі трасірныя над галавою,
Буйнакаліберны б'е кулямёт.
Лазню мы бачым перад сабою,
Гэта ж ён — з лазні,

не лазня, а дот!
«Цягнеш нагу? Відаць табе мала?» —
Куля адна нада мной прасвістала.
Другая сіпела: «Яшчэ ты жывы?
Чакай, скоро будзеш без галавы!»
Неяк самотна і неяк трывожна,
І можа таму, што ляжу і ляжу,
Страх, невядомы дасюль спадарожнік, —
Побач са мною, глядзіць у душу.
Б'е батарэя. Бодем вярэдзіць
Думка: залеглі не ў час:
Нельга марудзіць, бо апярэдзіць
Вораг,

і рыне на нас.

Хлопцы мае, сябры баявыя,
Пластам ляжаць, як і я.
Гэтак прыліп да долу грудзьмі я,
Што чую, як шэпча зямля:
«Ты ці не ты гэта, волат Джангара,
Дзе твая сіла, адвага і спрыт?
Хай на сем локцяў ад твайго ўдару
Ўніз галавою вораг наш сыдзе,
джыгіт!»

Сам жа сябе я таксама ўшчуваю,
Страх адганяю, путы ягоныя рву.
І адчуваю, што ажываю,
Розум вярнуўся ў свой дом — галаву.
Сэрца маё, што ты мне скажаш?
А лепей паслухай гаспадара:
У грудзі не грукай, ты не скачка,
Утаймавацца пара!
Можа і загінуць цяпер давядзецца,
Толькі мне першаму трэба ўставаць:
Кубак крыві я пралью — не вядзерца,
Ганьбы не маю — нечага будзе змываць.

Каску-дулху я паправіў, раменьчык
Пад барадою тужэй зацягнуў.
І аўтамат мой — брацік мой меншы
Скокнуў з варонкі, уперад зірнуў.
У аўтамаце семдзесят куляў,
Семдзесят ворагу і аддадзім.
— Рота!

Слухай каманду! —

гукнуў я. —

У бой!.. перабейкай... хутчэй...па адным... —

Бой я апісваць доўга не стану:

Вельмі імклівай атака была.

Што я запомніў у сцэне батальнай?

Бачыў я ў небе арла.

Ён не лунаў, не кружыў, а звычайна

Так, пралятаў, нібы сувязны.

Стэп мой далёкі, што сніў я начаі,

Усплыў прада мною ў цюльпанах вясны.

Вось і на снезе ўзыходзяць цюльпаны,

Не, гэта кроў пабрацімаў маіх.

Часу няма перавязваць нам раны,

Мёртвыя,

вы пачакайце жывых!

З намі райком у паходнай калоне,

Сцяг над калонай здалёку відзён.

Дзень векапомны сёння ў раёне:

Апошні

варожы

змялі гарнізон!

Гэта наш гулкі салют Сталінграду,

Курскай, яшчэ невядомай дузе.

З Партыяй побач

Савецкая ўлада

У партызанскай калоне ідзе.

Лес Церабольскі — палац наш.

Славуты

Дойлід яго ў час далёкі ўзвёў.
Зорная столь
На калонах магутных,
А пад нагамі дыван верасоў.
Ды, як калісьці ў час старажытны,
Варым мы бульбу ў звычайным катле,
Солі ў нас скупа, трэба б разжыцца,
Хлеб не заўсёды ёсць на стале.
Думкі аб хлебе...
Райком засядае:
Заяц,
 Вікторчык
 і Шчарбакоў.
Скура вясна ўжо... А з ёй пасяўная, —
Многа вінтовак
 і мала плугоў.
Роздум нялёгкі, турботны.
А толькі —
Верце райкому, поле і луг:
Трэба —
 і зробіцца плугам вінтоўка,
Як становіўся вінтоўкаю плуг!
... Даўно я расстаўся з сям'ёй партызанскай,
На сцежках былых цішыня і спакой.
Райком мой
 над Ольсай-ракою застаўся,
І сэрца на ўліку
 над Ольсай-ракой.
Бачу райком свой
З калмыцкага стэпу,
Бачыў з В'етнама і іншых краёў.
Раіцца з ім
 маю патрэбу,
Зверыць дакладнасць крокаў і слоў.
Сам пастарэў я, — райком не старэе,

Без сівізны ён і барады:
Праўда,
 Сумленне,
 Давер і Надзея
Юныя сёння,
Як і тады.
Свет наш прыгожы, свет наш без войнаў
Дзецям і ўнукам пакінуць хачу.
Сціплаю пясняй, жыццём неспакойным
Узнос свой
 партыйны
 райкому плачу.
.....Даўно я расстаўся з сям'ёй партызанскай,
На сцежках былых цішыня і спакой.
Райком мой
 над Ольсай-ракою застаўся,
І сэрца на ўліку
 над Ольсай-ракой.

Михаил Хонинов и поэт Алексей Пысин. Беларусь, 1960-е гг.

НА БЕРЕГУ УХЛЯСТИ

Рассказ

В белорусском густом лесу река Ухлясть тихо катит свои воды, спокойна, словно лицо задумавшегося человека. Наши партизаны после боев порой отдыхали у этой реки.

Села по ее обоим берегам в сорок первом оказались на пути сражения двух войск. Остались развалины сожженных домов с торчащими печными трубами.

Сейчас, в середине лета 1943 года, мы на берегу этой реки находимся в немецком окружении четырнадцатый день. Целый день идут бои.

Когда-то, еще в сорок первом году, мы сражались за эти места. И вот теперь, два года спустя, отрезанные противником от Хачинского леса, наши отряды были вынуждены занять оборону вблизи этой реки.

Немцы подтягивали танки и готовились к решающему удару. Измученные, изнуренные, мы готовились к прорыву. Ночью, перед наступлением, я с двенадцатилетним мальчиком Хонгором проверял посты вокруг расположения отряда.

— Неужели в селе никого не осталось в живых? — с грустью проговорил Хонгор, показывая на облитые лунным светом полуразрушенные стены домов да черные остовы труб. — Плохо, когда нет ни отца, ни матери...

Я тревожно посмотрел на мальчика:

— А я кто?

— Виноват, батя. Вы ж мне, как родной.

Мальчик обнял меня за шею. Потом мы легли у берега и стали всматриваться в сторону селенья. Знакомые места, вероятно, напоминали мальчику раннее детство, а я, конечно, представил себе ту памятную ночь два года назад.

Изгнав из села немецкую карательную роту, мой отряд занялся тушением пожара. В то время, когда мы уже хотели уходить, до нашего слуха долетел приглушенный крик. Прислушались. Крик доносился как раз из того сгоревшего дома, возле которого мы со-

бирались. Мои ребята быстро разобрали обрушившуюся кровлю, раскрыли дымящийся пол и в темном углу погреба нашли потевшего сознание мальчика, ноги которого были зажаты досками.

— Товарищ командир! — обратился ко мне старшина Петр Козлов. — Вот, чуть дышит. Что делать?

— Немедленно к врачу!

Через неделю мальчик, поправившись, ехал на лошади рядом со мной. Судьбу его родителей мы узнали позже у жителей села. Отец с первых дней ушел в армию, а мать погибла во время пожара в доме. Братьев и сестер не было. Мальчик долго не мог вспомнить своего имени. Тогда я дал ему калмыцкое имя Хонгор и усыновил его. С тех пор уже год мы с ним все время вместе.

В Могилеве был большой немецкий гарнизон. Хонгор раз в неделю ходил в город, расклеивая на главных его улицах партизанские листовки, оставляя газеты. Полицаи не могли поймать его, называя чертом.

— Как тебя старшина зовет? — спрашиваю я однажды у мальчика.

— Хонгор Михайлович Черный, белобрысый калмык с синими глазами.

— А какие вопросы он тебе задает?

— Для чего человек родился, спрашивает?

— А как ты отвечаешь?

— Для жизни – отвечаю я.

— Правильно.

— Для чего птица родилась? — спрашивает.

— На это какой ответ?

— Для полета, – отвечаю я.

— Правильно.

— Ну, а для чего ты родился? — спрашивает.

— Чтобы песню петь...

Мои думы были прерваны шепотом Хонгора:

— Батя, посмотри, какая луна в воде плавает.

— Вижу... У калмыков есть такая песня, послушай...

Луна круглая, как чаша,

Бывает пятнадцатого каждого месяца,

Когда нет отца и матери...

Остальное я рассказываю своими словами...

— Батя, спой вполголоса.

— Нет, Хонгор, нельзя. Когда выйдем из окружения, спою. А сейчас наберем во фляге воды. Будешь еще воды?

— Нет, напился.

— Ну, человек, рожденный для жизни, пойдем. Пора немцам давать «концерт».

Зайдя в блиндаж, я посмотрел на часы: уже скоро пять.

— Давай поцелуемся, — сказал я, целуя Хонгора в обе щеки, и дал команду: «Огонь!».

Хонгор, подняв ракетницу, выстрелил.

Белый огонь осветил немецкие окопы, мы увидели поднимающихся с земли партизан, и тут же услышали крики «ура».

Бой начался. Под натиском нашего огня немцы отошли к болоту Железняки. Стрельба оглушала и мешала мне командовать. Я сам еле слышал свой голос. Кругом раздавались взрывы, дым застилал глаза. Ржание лошадей, стоны раненых, падение деревьев — все это было страшным зрелищем. Второй раз я скомандовал: «Огонь!». Хонгор послал три ракеты синего цвета. Это был сигнал нашим штурмовикам идти в рукопашную. Бой пошел вплотную. Не поймешь, кто в кого стреляет, кто кого на штыки поднимает. Шум, крики.

Мы с Хонгором возле подбитого «тигра» начали менять диск, как вдруг мальчик выронил автомат и упал.

— Хонгор, ты жив? — на мой крик мальчик не ответил.

В это мгновение я услышал поблизости голос командира партизанского полка Демидова.

Схватив Хонгора, я поспешил к нему.

— Это кто? Хонгор? — спросил кто-то сзади.

— Да, Хонгор, — подтвердил я, не зная, кому ответил.

Оказалось, это был Прокопенко, заместитель командира партизанского полка.

— Миша... Я ранен, не выживу... Ради бога, застрели меня, — умолял он. — Если попаду к немцам, замучают...

Я расстелил плащ-палатку и кое-как положил на нее Прокопенко.

— Умираю, — чуть слышно сказал он, — не возитесь со мной, выходите сами.

Пошупал его пульс: не бьется. Закрыв тело Прокопенко редкими ветками, я вновь взвалил на спину Хонгора и поспешил к своим...

Вернулся в бой...

Так 15-й полк семнадцать дней сражался в Хачинском лесу с немецкой моторизованной дивизией и, разгромив врага, вырвался из окружения. Но война не бывает без потерь. Понесли мы большие потери. Сколько товарищей осталось в том лесу...

Через четыре дня после выхода из окружения мы вернулись и похоронили Хонгора на берегу реки Ухлясть. На том самом месте, где сидели с ним в ту лунную ночь перед боем. На его могиле установили ствол нашей противотанковой пушки, тоже отдавшей «жизнь» за Родину, и оградили сосновым штакетником. Они вдвоем остались охранять покой этой тихой реки.

... Хонгор был белорусским сыном. Мы с ним не расставались. По моим рассказам он знал наизусть элистинские улицы, красивые дома. Он мечтал увидеть Элисту, калмыцкую степь.

Последними словами Хонгора были:

— Батя, мы не умрем. Фашисты умрут!

Так и случилось. Мы не погибли.

Нет, не погиб богатырь Хонгор...

НА БЕРАЗЕ УХЛЯСЦІ

Апавяданне

Пасля шматдзённых баёў наш партызанскі полк адыйшоў да лясной беларускай рэчкі Ухлясьць.

Некалі, яшчэ ў сорок першым годзе, мы змагаліся за гэтыя мясціны. І вось цяпер, праз два гады, адрэзаныя ворагам ад Хачынскага лесу, нашы атрады вымушаны былі заняць абарону якраз паблізу гэтай рэчкі.

Немцы падцягвалі танкі і рыхтаваліся да вырашальнага ўдара. Мы таксама рыхтаваліся да прарыва і чакалі добрай на тое нагоды. Такі выпадак здарыўся. Вырашана было прарывацца на світанні. У ноч перад наступленнем я разбудзіў Хангора. Хлопчык хуценька падскочыў:

— Што, баця, ужо?

— Не яшчэ. Пойдем са мной, праверым пасты.

— Няўжо там нікога не засталася з жывых? — з сумам прамовіў Хангор, паказваючы на паўразбураныя сцены дамоў і чорныя каркасы труб, палітыя месячным святлом. Я ведаў: гэта была яго родная вёска.

Хлопчык памаўчаў, а пасля прадоўжыў:

— Цяпер у мяне нікога з родных не засталася...

— Пачакай! Пачакай! Што ты гаворыш?! А я тады хто?!.

— Вінаваты, баця. Вы ж мне як родны...

Хангор абняў мяне, ласкава ўткнуўшыся носам у маю няголеную шчаку.

У гэтую хвіліну ў неба ўзвілася нямецкая ракета. Мы прыпалі да зямлі, пасля асцярожна папаўзлі да берага, дзе раслі кусты. І абодва сталі ўглядацца ў бок паселішча. Знаёмыя мясціны, верагодна, нагадалі хлопчыку ранняе дзяцінства. А я, канешне ж, уявіў сабе гэтую памятную ноч два гады назад...

Выбіўшы з вёскі нямецкую карную роту, мой атрад заняўся тушэннем пажара. Калі мы ўжо хацелі сыходзіць, да нашых вушэй данёсся прыглушаны крык. Прыслухаліся. Крык даносіўся якраз з таго дома, каля якога мы збіраліся. Мае хлопцы хутка разабралі

дах, які абрушыўся. Адкрылі падлогу, што дымела. І ў цёмным куту падвала знайшлі ледзь жывога хлопчыка.

— Таварыш камандзір! — звярнуўся да мяне старшына атрада.
— Вось яшчэ адзін партызан, ледзьве дыхае... Што рабіць?

— Нясіце хутчэй да доктара!

Месяцы праз два хлопчык, акрыяўшы, пачысцеўшы з твару, сімпатычны, ехаў на кані побач са мной. Пра лёс яго бацькоў мы пазней даведаліся ў жыхароў вёскі. Бацька з першага дня вайны пайшоў у армію. А маці немцы расстралялі за тое, што яна хава-ла ў сваім доме яўрэйскую сям'ю. Братоў і сясцёр у яго не было. Хлопчык, перанёсцы цяжкую псіхічную траўму, доўга не мог успомніць сваё імя. Тады я назваў яго Хангорам. І ўсынавіў яго. З тае пары мы ўвесь час з ім разам. У свабодны ад баёў час я шмат расказваў Хангору пра свой родны горад Элісту. Спяваў яму калмыцкія песні. Вучыў яго калмыцкім словам. У баях Хангор тры-маўся смела, нават адчайна, і быў незаменным разведчыкам.

— Як цябе старшыня заве? — пытаюся аднойчы ў хлопчыка.

— Хангор Міхайлавіч, белабрысы калмык.

— А яшчэ што гаворыць?

— Гаворыць, што немцы ў лістоўках надрукавалі пра мяне. Абцягаюць шмат грошай таму, хто зловіць калмыка і калмычаня.

— Ну, а ты што?

— А я кажу, што мы ім яшчэ зробім...

— А якія пытанні ён табе задае?

— Навошта чалавек на свет нарадзіўся? — пытаецца.

— А як ты адказваеш?

— Для жыцця, — кажу я.

— Правільна.

— Навошта птушка нарадзілася, пытаецца.

— А на гэта які адказ маеш?

— Для палёта.

— Правільна.

Дзіўна здараецца ў жыцці. Вось так, раптам, нечакана, пацяку-ць думкі, і ў памяці абуджаецца ўсё да дробязяў...

Мае думкі былі перарваны шопатам Хангора.

— Баця, зірні, які месяц у вадзе плавае!

— Бачу. У калмыкаў ёсць такая песня...

— Баця, праспявай ціхенька.

— Не, Хангор, нешта не хочацца пець. Вось калі выйдзем з акружэння, праспяваю. А калі разаб’ём немцаў, паедзем у Калмыкію. Ты там шмат песень пачуеш. Недалёка ад Элісты, дзе я нарадзіўся, якіх толькі птушак няма! Асабліва паблізу Цаган-Нур...

— А што гэта такое?

— Цаган-Нур? У перакладзе — Белае Возера. А цюльпаны якія там растуць! Усіх колераў — і белыя, і чырвоныя, і жоўтыя, і сінія... Паглядзіш навокал, быццам у полі жывы дыван расцелены. А табуны якія! Сам Будзённы прыезджаў да нас адбіраць коней.

— А колькі коней у табунах бывае?

— Па рознаму... Шмат. Але болей 9999 не бывае. Гэта заброненая лічба. Павер’е ў нас такое існуе: калі будзе роўна дзесяць тысяч, то ўсё стада разбяжыцца, як на крылах разляціцца.

— Баця, раскажы яшчэ што-небудзь.

— Не, Хангор, пасля. А зараз набярэм у фляжкі вады. Будзеш яшчэ піць?

— Не, напіўся.

— Ну, тады пойдзем, пара фрыцам канцэрт даваць. Зайшоўшы ў бліндаж, я паглядзеў на гадзіннік: хутка пяць.

— Давай пацалуемся, — сказаў я, абдымаючы Хангора.

Выйшаўшы з бліндажа, я даў каманду: “Агонь!”.

Хангор, падняўшы ракетніцу, выстраліў. Белы агонь асвятліў нямецкія акопы. Мы ўбачылі партызан, якія падымаліся з зямлі і тут жа пачулі крыкі “Ура!”. Пачаўся бой. Пад націскам нашага агня немцы адыйшлі да балота Жалязнякі. Стральба аглушала і мяшала мне камандаваць. Я сам ледзь чуў свой голас. Вакол зіхацелі агні, дым засцілаў вочы. Іржанне коней, стогны параненых, трэск падаючых дрэў — усё гэта было страшэнным відовішчам. Другі раз я скамандаваў: “Агонь!”. Хангор паслаў тры ракеты сіняга і зялёнага колераў. Гэта было сігналам нашым штурмавікам ісці ўрукапашную. Бой пашырыўся ўглыб. Не зразумееш, хто каго на штыкі падымае. Мы з Хангорам пабеглі да закапанага ў зямлю “тыгра” і

пачалі мяняць дыск у яго аўтамаце. Ратам Хангор выпусціў аўтамат з рук і паваліўся долу.

— Хангор! Ты жывы? — закрычаў я.

— Гэта хто, Хангор? — запытаўся нехта ў мяне ззаду.

— Так, Хангор, — адказаў я, не ведаючы, каму гавару.

Хангора перавязалі. Куля патрапіла яму ў грудзі. Ён трызніў. Часам гаварыў калмыцкія фразыц, значэнне якіх разумеў толькі я адзін. Бліжэй да вечара на кароткі час да яго вярнулася прытомнасць. Ubачыўшы мяне, ён ціхенька прагаварыў:

— Баця, мы не памром, а фашысты загінуць...

Гэта былі яго апошнія словы.

Праз чатыры дні пасля выхаду з акружэння мы вярнуліся і пахавалі Хангора на беразе ракі Ухлясць. На тым самым месцы, дзе мы сядзелі з ім у тую месячную ноч перад боем. На яго магіле ўстанавілі ствол нашай супрацьтанкавай гарматы, таксама аддаўшай “жыццё” за Радзіму, і зрабілі з сасновага штыкетніка агароджу. Так яны ўдвух і засталіся ахоўваць спакой гэтай ціхай маленькай рачулкі.

З тае пары прайшло нямала гадоў, але Хангор заўсёды як жывы ў маёй памяці. І калі я гляджу на добрыя справы падлеткаў, я гавару:

— Не, не загінуў Хангор. Ён жывы і зараз у справах сваіх равеснікаў з другога часу, другога пакалення.

II. «И КАЛМЫК С БЕЛОРУСОМ — БРАТЬЯ»

В музее Великой Отечественной войны. П. А. Вилиткевич,
М. В. Хонинов, С. Г. Сидоренко. Беларусь, Минск, 1967 г.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, ХОНИНОВ МИХАИЛ ВАНЬКАЕВИЧ, родился в селе Цаган-Нур Малодербетовского района (улуса — *Р. Х.*) Калмыцкой АССР (Астраханской губернии — *Р. Х.*) в 1919 году 1 января.

По национальности — калмык.

Отец — Ванькаев Хонин Ноганович, крестьянин-бедняк. До 1929 года работал по найму у кулаков, а с 1929 г. стал колхозником, работал чабаном. Отец умер в 1938 году, мать — в 1935 году.

Неполное среднее образование получил в своем родном селе Цаган-Нур, а затем окончил *Астраханский* (Калмыцкий — *Р. Х.*) техникум искусств имени Бройдо в 1936 году.

С 6 лет с отцом пас отары у кулаков, был погонщиком быков на пахоте. Труд познал с малых лет, значит, и жизнь — через труд.

Мои анкетные данные.

С ноября 1936 г. по сентябрь 1939 г. — артист Калмыцкого государственного драматического театра.

С октября 1939 г. по июль 1941 г. — служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 646 стрелковом полку 152 стрелковой дивизии ЗаБВО (курсант, помкомвзвода, комвзвода).

Июль 1941 г. Западный фронт. Командовал стрелковым взводом в районе города Демидов Смоленской области.

С августа 1941 г. по апрель 1942 г. — подпольная работа в партизанской группе в Смоленской области, затем в Белоруссии — в деревнях Журовка, Боровой Мост и Местино Березинского района Могилевской области.

Таким образом, действительно участвовал в партизанском движении в Белоруссии в период Великой Отечественной войны с 1 января 1942 г. по 1 июля 1944 г. согласно удостоверению № 446003, выданному исполкомом Кличевского районного Совета депутатов трудящихся Могилевской области от 19 марта 1970 г.

С 1 мая 1942 г. по август 1942 г. — начальник штаба отряда партизан в Березинском районе Могилевской области.

С сентября — комвзвода в 208 партизанском отряде имени Сталина в Кличевском районе Могилевской области.

С апреля 1943 г. — командир отдельно действующей роты 15 партизанской бригады Кличевского соединения Могилевской области.

3 июля 1944 г. участвовал в освобождении столицы БССР — Минска, а затем и Западной Белоруссии. В действующей армии командовал партизанской ротой до августа 1944 г.

За период партизанской борьбы (1080 дней) убил и ранил 300 фашистов, пустил под откос 2 железнодорожных эшелона с живой силой и техникой, спас жизнь многим тысячам граждан СССР от расстрела и угона в Германию.

С октября 1944 г. по август 1946 г. — военный руководитель в школе ст. Ададым и УВСП-385 Назаровского района Красноярского края. Воинское звание — лейтенант.

С сентября 1946 г. по август 1947 г. — начальник снабжения геологоразведочной партии в том же районе.

С сентября 1947 г. по ноябрь 1949 г. — заведующий снабжением и заведующий складами стройматериалов Назаровского угольного разреза.

С декабря 1949 г. по июль 1950 г. — заведующий Центрально-материальными складами военно-строительных работ № 540 в том же районе Красноярского края.

С сентября 1950 г. по август 1953 г. — прораб строительства совхоза «Рубцовский» Алтайского края.

С октября 1953 г. по июль 1957 г. — прораб, инженер-строитель Успенского элеватора Локтевского района Алтайского края.

С августа 1957 г. по 18 сентября 1958 г. — диктор Калмыцкого радиовещания при Совете Министров Калмыцкой АССР.

С 19 сентября 1958 г. по февраль 1962 г. — директор Калмыцкого государственного драматического театра имени Б. Басангова.

С марта 1962 г. по август 1967 г. — литературный консультант Союза писателей Калмыкии.

С 1 сентября 1967 г. по 30 июня 1969 г. — слушатель Высших литературных курсов СП СССР при Литературном институте им. А. М. Горького.

С апреля 1969 г. и по сей день — нештатный корреспондент журналов «Крокодил» и «Огонек».

С мая 1970 г. по ноябрь 1971 г. — директор Калмыцкого краеведческого музея имени профессора Н. Н. Пальмова, г. Элиста.

Почетный комсомолец Калмыцкого Обкома ВЛКСМ и почетный колхозник колхоза «Советская Белоруссия» Кличевского района Могилевской области, лауреат премии журнала «Огонек» за 1969 г.

За доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, награжден орденом Боевого Красного Знамени (22 июня 1949 г.), медалью «Партизану Отечественной войны» I степени (7 июля 1948 г.), медалью «За победу над Германией 1941–45 гг.» и юбилейными медалями: «XX лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Награжден Почетными Грамотами РСФСР от 26 октября 1959 г., БССР от 16 января 1969 г., Калмыцкой АССР (дважды) от 19 августа 1959 г. и от 27 декабря 1968 г.

В кандидаты в члены ВКП (б) вступил в феврале 1944 г. в Кличевском подпольном РК партии Белоруссии. В 1946 г. в период культа личности Сталина был в Сибири отчислен. В кандидаты вступил снова в 1958 г. в Элисте. Член КПСС с 1959 г., № партбилета 11734607. Член СП СССР с июня 1961 г. Член Литфонда СССР с 1964 г.

Продолжаю заочно учебу в Литературном институте им. А. М. Горького, нахожусь на 4 курсе.

Семейное положение: Аралова Буга Босхомджиевна — жена, Хонинова Римма — дочь, 1955 г. рождения, Хонинова Эльза — дочь, 1956 г. рождения, Хонинов Айта — сын, 1960 г. рождения.

Проживаю в г. Элиста Калмыцкой АССР, ул. Куйбышева, дом № 49, тел. 6–23–67.

Стихи начал писать со школьной скамьи, с 12 лет. Первое мое стихотворение «Табунщик» печаталось в областной газете «Красный калмык». Мой первенец родился в седле под цокот копыт, под звон недоуздка. И с тех пор я — в седле... поэзии, и все яснее слышу под цокот копыт шаги времени, под звон недоуздка слышу битье сердца современника своего...

Литературная деятельность

Основные произведения (сборники)

1. «Байрин дуд» («Песни радости»): стихи на калмыцком языке (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960).
2. «Светят огоньки», стихи в переводе на русский язык (Элиста: Калмиздат, 1961).
3. «Мана цагин улс» («Люди нашего времени»): рассказы и очерки (Элиста, 1962).
4. «Мини домбр күңкнхлэ» («Когда звенит моя домбра»): стихи (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964).
5. «Ээлтэ улс» («Душевные люди»): рассказы на калмыцком языке (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966).
6. «Цаган-нуурин айсмуд» («Цаган-нурские мотивы»): стихи на калмыцком языке (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966).
7. «Гимн человеку»: стихи в переводе на русский язык (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966).
8. «Серебрится ковыль»: стихи в переводе на русский язык (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966).
9. «Шүлгүд болн поэмс» («Стихи и поэмы»): стихи и поэмы на калмыцком языке (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967).
10. «Мини тегин хавр» («Весна моей степи»): стихи и поэма на калмыцком языке (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969).
11. «До последней атаки»: стихи в переводе на русский язык (М.: Советская Россия, 1969).
12. «Битва с ветром»: стихи и поэма в переводе на русский язык (М.: Советский писатель, 1970).
13. «Хвои и цюльпаны» («Сосны и тюльпаны»): стихи в переводе на белорусский язык (Минск: Беларусь, 1970).
14. «Под небом России»: стихи на калмыцком языке (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971).
15. «Все начинается с дороги»: стихи в переводе на русский язык (М.: Современник, 1972).
16. «Хавал-бахвал»: стихи в переводе на русский язык (М.: Правда, 1973, библиотека журнала «Крокодил»).

Пьесы:

«Белый месяц» — историческая драма.

«Председатель колхоза» — современная драма.

Переводы:

Янка Купала — избранная лирика, переводы с белорусского на калмыцкий язык (Элиста: Калм. кн. изд-во, 1962). Стихи Я. Коласа, К. Крапивы, П. Бровки, М. Танка, А. Кулешова, А. Астрейки, П. Панченко, А. Велюгина с белорусского языка, стихи монгольских, бурятских, русских поэтов (В. Маяковского, М. Светлова, А. Безыменского, Яр. Смелякова, Ал. Николаева и др.) в переводе на калмыцкий язык опубликованы в разное время в газете «Калмыцкая правда» и в альманахе «Свет в степи».

М. В. Хонинов.

г. Элиста, 1973 г., 6 февраля.

Р. С. Боевые характеристики (партизанские) см. в книге А. С. Демидова «В атаку поднимался первым» (Элиста, 1967), страницы 126–132.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Я — сын потомственного животновода-батрака. Родился в 1919 году, по-калмыцки в год Овцы, в первый день января.

В своих степях с малых лет научился пасти животных, летом готовить им корм. Владелец билета ударника № 1 Калмыцкого Обкома комсомола.

В 1936 году, окончив *Астраханский* (Калмыцкий — *Р. Х.*) техникум искусств, работал актером Калмыцкого государственного драматического театра и был в истории своего народа одним из первооткрывателей национального театра. За четыре года сыграл более тридцати ролей в классических русских и калмыцких пьесах. В 1957 – 1962 гг. работал директором этого же театра.

Мое первое стихотворение «Табунщик» появилось на родном языке в 1935 году.

Военную закалку получил во время службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Забайкальском военном округе. Начал Отечественной войны встретил 13 июля в степях Смоленщины в должности комвзвода 646 стрелкового полка 152 стрелковой дивизии в районе города Демидов.

После многодневной блокады кольцо немцев удалось прорвать лишь малой группе наших бойцов, сам же я, прикрывая своих, остался контуженным на поле боя и несколько дней пролежал в траншее. Смоленская крестьянка из деревни Сенино Мария Стрельцова быстро подлечила советского командира и вернула в строй. Я пошел в тыл врага, в леса Белоруссии. В белорусской деревеньке Местино в ноябре 1941 г. организовал подпольную антифашистскую борьбу и к весне 1942 г. подготовил людей к открытой борьбе с немецкими оккупантами. Подпольная группа была интернациональная. Хонинов Михаил, калмык, командир и начштаба. Вилиткевич Петр, белорус, комиссар группы. Члены группы: Иванов Толя, он же Турсункиев Исмаил, узбек, Саша Ситников, русский. Связные, местные жители: Вилиткевич Антон, председатель колхоза, впоследствии расстрелян немцами; Широкопыт Семен, колхозный кузнец. Подпольщики собирали оружие для организации отряда. Отряд насчитывал 75 человек, большинство из числа деревень Местино, Мирославка, Жалино и др. Отряд разгромил в деревне Остров вражеский гарнизон, несколько волостей, в том числе и в селе Селиба.

Затем в составе крупного партизанского отряда № 208 я командовал диверсионным взводом, а с мая 1943 г. в составе 15 партизанского полка руководил отдельно действующей ротой на Могилевщине под кличкой Миша Черный. Рота уничтожила 1500 фашистов, взорвала десятки мостов на шоссе и железнодорожных магистралях. В воздух, под откос летело немало вражеских эшелонов с живой силой и техникой, горели кострами 70 автомашин с боеприпасами, с солдатами и офицерами.

В начале 1942 г. со своим взводом прикрывал дорогу со стороны г. Березино при разгроме крупного немецкого гарнизона в местечке Погост. Наш взвод сражался в течение четырех часов

против одной немецкой роты и сжег одну автомашину с солдатами и офицерами. Своих людей я вывел без потерь и обеспечил планомерный отход всего состава отряда после успешной операции.

В середине апреля 1942 г. при разгроме немецкого гарнизона в деревне Колбча Кличевского района со своим взводом на рассвете штурмовал дзоты противника и водрузил там партизанский стяг.

С мая по октябрь 1943 г., командуя партизанской усиленной ротой, действовал между Днепром и Сожем. Фашисты нашу роту называли «дикой дивизией». Гарнизоны находились в постоянном страхе, мелкие и средние гарнизоны объединялись в один крупный гарнизон, ближе к городу.

За короткий срок мы провели большую работу в деревнях с крестьянами, и в нашу боевую роту из числа местного населения пришли 430 человек, в бою и от мирного населения взяли 305 винтовок, 7 станковых пулеметов, одну 45-миллиметровую пушку, 5 ротных минометов, 11 автоматов, много патронов и снарядов. Такой прилив свежей людской силы и достаточное количество оружия позволили роте вести смелые операции по разгрому живой силы и техники врага. Так, в июле 1943 г. задачу, поставленную командиром Могилевского партизанского соединения Савелием Герасимовичем Сидоренко-Солдатенко, — парализовать шоссейную дорогу Могилев — Довск, по которой немцы давали подкрепление для фронта на Орловско-Курской дуге, выполнили полностью. Силами своей роты методом минирования и засадного боя уничтожил свыше 70 автомашин, обломки разбитых машин стали могилами для своих хозяев — гитлеровских солдат и офицеров.

В конце августа 1943 г. роте удалось спровоцировать две артиллерийские части противника, которые завязали между собой бой на шоссейной дороге Москва — Варшава, между деревнями Свенск и Прудки Славгородского района Могилевской области. Одна из них двигалась на подкрепление в сторону фронта, а другая — шла навстречу первой на расформирование после боев на фронте. Немецкие пушкари дрались до тех пор, пока основательно не потрепали друг друга артснарядами. С большим позором обе части еле живы «поползли» в Могилев на излечение.

Особо в своей послевоенной биографии хочу отметить два эпизода из многочисленных военных батальи партизанской роты, которая действовала под моим командованием в тылу врага.

В октябре 1943 г. рота в составе своего 15 партизанского полка 17 суток находилась в блокаде. На переднем крае линии фронта в небольшом Хачинском лесу, на стыке Быховского и Славгородского районов, рота героически отражала в день по 8–10 атак. На поле боя от огня роты убитыми и ранеными немцев оставалось до батальона, а иногда и больше.

Образцы героизма рота показала у лесной речушки Ухлясть на «Горбатом мосту». «Горбатый мост» стал «горбатым» кладбищем для немецких танков и бронемашин. При прорыве блокады пулеметчики и автоматчики роты штурмовали оборону врага и обеспечили выход партизанского полка.

От штаба 153-й стрелковой дивизии 50-й Армии, генерал-полковника И. В. Болдина через командира Могилевского партизанского соединения С. Г. Сидоренко-Солдатенко рота получила боевое задание — «оседлать» минское шоссе в четырех километрах западнее г. Березино в районе деревни Глухой Ток. Это было 1 июля 1944 г.

Партизанская рота артиллерийским и минометным огнем не допустила отхода механизированных частей немцев, кроме того, там же дала четырехчасовой бой. Созданная железная «пробка» позволила советской дивизии произвести окончательный разгром и пленение уцелевших в бою гитлеровцев.

3 июля 1944 г. 50-я Армия генерал-полковника И. В. Болдина, в составе которой была наша партизанская рота, освободила столицу Белорусской Советской Социалистической Республики — Минск и продолжила победный путь по земле дружественной Польши.

Личное единоборство с фашистскими захватчиками

Лично пустил под откос два вражеских эшелона, отправлявшихся на Сталинградский фронт.

Станция Тошица Могилевской области. Август 1942 г. При крушении первого эшелона были разбиты 19 вагонов с гитлеровцами, а паровоз поврежден. Четверо суток по этой железнодорожной линии вражеские поезда двигались с большими перебоями.

Вторично на этом же участке самодельной партизанской миной (к mine был подложен снаряд крупнокалиберной пушки) в 800 метрах пустил под откос еще один эшелон. Этот эшелон был гружен боевой техникой. Взрывы раздались в двух местах под платформами. Обломки разбитой техники были отправлены немцами в г. Минск. Охрана поезда погибла под обломками вагонов.

В июле 1942 г., когда 208 партизанский отряд почти 5 недель находился в окружении в Кличевском лесу, по заданию партийного бюро и командования отряда с агитационными листовками проник в расположение немецких войск, которыми командовал Гиль, в деревню Биорда. В результате из войск Гиля на сторону 208-го партизанского отряда перешли 50 солдат разных национальностей из европейских стран. Кроме того, точно и своевременно произвел разведку и доложил своему командованию.

В ноябре 1942 г. при разгроме гарнизона в местечке Свислочь, переплыв первым реку, заминировал большой деревянный мост в четырех местах под сильным огнем противника и взорвал. Мост был окончательно выведен из строя. После взрыва немцы уже не смогли восстановить его.

С группой в 2–3 человека пробирался в расположение гарнизонов оккупантов и «выкрадывал» солдат и офицеров. Так было в г. Пропойске (ныне Славгород) Могилевской области. Там полностью разоружил полицейский отряд во главе с Мажеем. 120 человек с оружием доставил в партизанский лес из гарнизонов Пропойска, Ректы, Палок, Свенска. Позже еще 50 полицейских с оружием перешли на сторону партизан.

В июле и августе 1943 г. между Пропойском — Ректой — Дов-

ском взорвал 3 воинские автомашины — фургоны с боеприпасами, уничтожил 40 немецких солдат и офицеров, в том числе одного капитана и начальника участка шоссе на дороге Пропойск — Рогачев.

В конце августа 1943 г. в деревне Куликовка Славгородского района вступил в бой с тремя немецкими офицерами, расстрелял их наповал, забрал трехместный мотоцикл с важными штабными документами.

В апреле 1942 г. близ деревни Мирославка на реке Березина потопил немецкий буксирный пароход с баржами. Потопленный пароход с баржами до окончания войны находился на дне реки.

В моей боевой характеристике, выданной Белорусским штабом партизанского движения, записана следующая цифра: убил и ранил до 300 гитлеровцев.

При описании настоящей автобиографии военно-партизанского периода жизни (1941–1944 гг.) пользовался личными характеристиками, наградным листом, архивными справками Партархива Института истории партии ЦК КП Белоруссии от 6 июля 1966 года № 170, от 25 июля 1966 г., заверенными зав. сектором Партархива Института истории партии при ЦК КПБ В. Давыдовой.

Я счастлив, что в раннем возрасте получил в своих степях трудовую закалку, а затем на службе в Красной Армии — военную. Не могу утаить и такую радость от читателей, что при своей жизни я стал не только писателем, но и героем литературных произведений. О моих партизанских похождениях написаны документальные (и художественные — *Р. Х.*) повести: «В атаку поднимался первым» Александра Демидова (Элиста, 1967), «Искры под пеплом» Андрея Дугинца («Молодая гвардия», 1970). Документальные очерки написали Давид Кугультинов («Его звали Михаилом Черным»), Петр Брайко («Потомок Алого Хонгора»), Александр Исбах («...И друг степей калмык...»), Владимир Михановский создал «Балладу о Горбатом мосте» (поэма) и т. д.

За ратные подвиги в Отечественной войне награжден орденом Боевого Красного Знамени, медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За победу над Германией 1941–45 гг.» и др.

Окончил двухгодичные Высшие литературные курсы и Литературный институт им. А. М. Горького.

Главным в жизни писателя считаю произведение, книгу. Есть книга — есть писатель. Вышло в свет более 20 книжек на калмыцком, русском и белорусском языках. Родителям все дети любы, так и писателю — все его творения. И как у отца есть любимцы, так и у писателя. Поэтому из своих литературных детей я могу назвать такие книги стихов и прозы, вышедшие в разные годы в издательствах Москвы, Минска и Элисты: «Гимн Человеку», «Серебрится ковыль», «Весна моих степей», «До последней атаки», «Хвои и тюльпаны», «Отцова земля», «Орлы над степью», «Хавал-бахвал», «Помнишь, земля смоленская» (роман), «Подкова», «Музыка в гривах», «Миша Черный — это я!» (документальная повесть) и др.

Являюсь спец. корреспондентом журналов «Огонек» и «Крокодил». Редакционная коллегия «Огонька» за цикл стихов «Под пенье думбры» присвоила мне звание лауреата премии журнала за 1969 г.

Принимал участие в Днях советской литературы на Тюменщине, на Дальнем Востоке, в Красноярском крае, в Азербайджане, в Белоруссии и в других областях и краях.

В своей биографии труда и боев от души хочется отметить признание народом моего скромного вклада в общую нашу Победу над врагом и в строительство коммунистического общества: Почетный комсомолец Калмыкии, Почетный колхозник четырех колхозов Могилевщины, Почетный гражданин города Березино, член Союза писателей СССР, член КПСС (кандидатом в члены ВКП (б) был принят в 1943 году в Кличевском подпольном районном комитете партии Белоруссии). Награжден Почетными Грамотами Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР (1969), Президиума Верховного Совета РСФСР (1959), Президиума Верховного Совета БССР (1969), ЦК ВЛКСМ (1978), МНР (1972).

Биографическая справка обо мне — о жизни и творчестве — есть в Белорусской Советской Энциклопедии (Минск, 1974. Т. XI, с. 25).

< 1978–1979 > Из личного архива М. В. Хонинова.

«В СТЕПИ КАЛМЫЦКОЙ Я РОДИЛСЯ...»

Из автобиографической прозы

— Надо же тебе, Мутул, родиться в такое смутное, страшное время, когда по всей России бушевала война, когда голод и холод захватили надолго нашу бедную калмыцкую семью. Невзгоды, словно косой, косили бессильных и уносили в могилу. Трудным для жизни был 1919 год, год Овцы. Зачем нужна была наша старая кибитка этой проклятой беде? Ведь никому она не мешала. Стояла вдали от всяких дорог. Семья без хлеба, без еды. Чтобы испечь на сковородке детям пышку из одной чашечки муки, надо было работать у богача целый день, стирать и выделывать овчины под шубы.

Когда плохо живешь, всякая хворь наступает на человека, а с хворью шулма-черт подкрадывается к душе человека — вырвать ее. Чтобы шулма-черт на тебя не обращал никакого внимания, хтонские старики нарекли тебя именем Мутул, что значит плохой, — так с горечью не раз мне говорила моя мать Баин.

Она думала, что богом так суждено — всем беднякам трудиться на богача. О счастье каждый бедный человек мечтал, а когда оно сбудется, он и не знал.

Да, я родился 1 января в калмыцкой кибитке кочевой.

Когда начинается Новый год, я всегда про себя шепчу эти строчки:

*Я родился в краю полудиком
Под печальный метели мотив,
Своим первым залиvistым криком
Голос вьюжной зимы заглушив.*

Семья была большая, одних детей было восемь! Меньшая часть детей не выдержала холода и голода — умерла. Пятеро выстояли. Самым младшим оказался я.

Кибитка наша из кошмы была худая, дырявая. Она походила на ободранную волком овцу. Ветры пели вольно со всех сторон.

Летом песок, зимою снег засыпали нас. Вокруг тагана-очага мы, босо-голые, с раздутыми животиками, с заплаканными глазами с раннего утра до позднего вечера толпились. Кизячный дым, как и табачный, едкий. Пока он не выходил через верхнее отверстие, висел, словно туман, по всей кибитке.

Мать и отец трудились на богачей.

Я не помню, когда было сытым мое детство; мои старшие братья тоже о том не помнят.

Одевались мы, точнее, ходили покрытые чем-нибудь: кто кошмой, кто половиной овчины или мешковиной.

Мать из старых, поношенных шуб, выпрошенных у хозяев, сшила две шубы на пятерых: трое старших и двое младших носили по очереди их, а ночью ими укрывались вместо одеяла. Об обуви понятия мы не имели. По снегу и грязи бегали, как птенцы. Огромная семья — десять ртов — не имела ни коровы, ни коня. Даже за кибиткой и собака не лаяла. Но кибитку, какой бы она ни была, я не сужу. Всему виной были бедность, судьба.

*Кибитку, пропахшую дымом,
Из грубой и теплой кошмы
Жилищем неповторимым
Считали столетьями мы.*

*Ее осудить мне нельзя,
Она мне запомнилась главным, —
Ведь в ней
В девятнадцатом славном
Для счастья и я родился .*

Врезалось в память мою, как мама нас, двоих малышей-сыновей, во время дойки коровы привязывала волосяным арканом к кибитке, чтоб мы не попали под ноги сердитых быков и нетелей.

*Быки луну тревожили рогами,
Шел вкусный дух*

от каждого телка...
Я,
 заливаясь горькими слезами,
Просил корову —
 дай мне молока!..
Волосяной веревкой —
 вот досада! —
Привязывала к двери мать меня,
Чтоб я не лез
 к быкам сердитым
 в стадо,
С пилкой деревянной семеня. <...>
Уже за полночь
 возвращалась мама
И разлучала с нянею меня.
Страна моя на ноги становилась,
Кругом вершились мудрые дела...
И,
 словно солнце юное,
 катилась,
Упав из рук уснувших,
 пиала...

Помню, мать еще рассказывала, покусывая от боли губы.

Во время цветения тюльпанов, во второй половине апреля того же 1919 года, когда мне было три с половиной месяца, наши хотонцы кочевали от одного пастбища к другому, навьючив свои кибитки на верблюдов. Караван шел всю ночь, пастбище оказалось далеко. Перед рассветом мама уснула на вьюке, а на верблюде ехать приятно, тепло, словно в колыбели, и... уронила меня.

Верблюд — умное животное, на живое никогда не наступит, всегда перешагнет. Когда старая верблюдица, на которой ехала мама, слегка поскользнулась на молодых ковылях, мама проснулась и закричала: «Стойте, я уронила ребенка». Караван остановился. Когда караван останавливается, верблюды сразу ложатся.

Мама в слезах повела людей по следу каравана искать меня. Рас-
свело. Отец впереди всех скакал на горячем коне. В безоблачном
небе кружился орел. Отец понял, что орел видит добычу. Не там
ли лежит маленький сынок? Он погнал коня быстрее, крича, чтобы
орел не снизился к земле. И вот отец поднимает меня из зарослей
буйно цветущих ярких тюльпанов.

Говорят, что я, глядя на молодое солнце, улыбался, а оказав-
шись на руках отца, что-то бесконечно лепетал: «а-а-га-га».

И так меня нашли.

Мама считала, что меня задавили верблюды большими ногами.

Отец громко кричал кочевникам: «Что значит упавшему с вер-
блюда на землю не больно, вот подтверждение, — передавая меня
в руки матери. — Этот маленький мужчина хохочет с солнцем».

Этот случай я воплотил в следующих строках.

*А в весеннюю перекочевку,
Примостившись верблюду на вьюк,
Меж горбов я качался неловко
И у матери выпал из рук.
Я упал на пырейную землю
(мать-земля не была мне тверда),
Всей душою сыновнею внемля,
Что мне травы шептали тогда.
Голос трав, долетевший до слуха,
Мне до самого сердца проник.
Материнское чуткое ухо
Уловило мой жалобный крик.
И, когда наклоняясь надо мною,
Поднимала меня моя мать,
Мне шептали тюльпаны:
«Весною
Здесь всегда мы тебя будем ждать!..»
Повидал я и дальние страны
И со смертью был с глазу на глаз,
Но весною степные тюльпаны
Снова кланялись мне каждый раз...*

Моя спина до сих пор помнит злой кнут тундутовского (ныне село Городовиково) богача, некоего Цибулина. Я у них пас то телят, то свиней. С тех пор, как я увижу кнут, так и закрываю глаза. Детская память чутка и крепка на всю жизнь человека.

Пока в нашем хотоне Цаган-Нур не произошла коллективизация в 1929 году, наша семья кочевала по степи от пастбища одного богача до пастбища другого богача.

Цаган-Нур. Это означает Белое озеро. Оно расположено чуть выше Сарпинских низменностей, в ста километрах от Сталинграда.

Сам Цаган-Нур, хотон, где я родился, небольшой; он состоял из нескольких мазанок и кибиток. Последних было значительно больше, чем землянок.

Прежде чем установился здесь колхоз, распространилась весть о том, что большевики создают в степях коммуны, где должны все люди есть из одного котла, причем русскую еду, с собой носить в сумочках и ложку и миску (калмыки до революции ложкой ничего не ели, все пили из пиалы). Кто имеет скот и другие ценности, должны сдать коммуне бесплатно и безвозвратно. Чтобы люди поверили этому, кулаки и середняки массово забивали свой скот и прятали туши под снег. Многие бедняки позабывали последние коровенки. А у моего отца нечего было забить.

Кулацкая провокация жила недолго.

Организовали крепкий колхоз. И народ не питался из одного котла, и ложки, миски не носили в сумочках за плечами.

Здесь я получил неполное среднее образование. Мы, пионеры, не были в стороне от колхозных и общественных дел. Помогали взрослым во всем. Летом школьники, все без исключения, трудились на стрижке овец, на сеноуборке и хлебоуборке. Бригадиры полеводческих бригад были безграмотными; обязанность учетчика выполняли мы, учащиеся школы. Любили мы все виды работ, никакой усталости не чувствовали.

Я был учетчиком на сенокосе. Учет вел в седле. Стоя на стремянах, мерил деревянной саженью скошенные лиманы и, не сойдя с седла, считал, кто сколько скошил гектаров.

С четырех лет я уже ездил на смирном коне под учительством старшего брата Эрдни, а в шесть лет самостоятельно вскакивал на спину резвого скакуна и скакал по степи, припадая грудью к конской гриве.

На полевых уборочных бригадах основным транспортом были волы, кони и верблюды. Волы тянули плуг, на лобогрейках шли верблюды, на пару на железных граблях, а на токах таскали каменные катки кони.

Среди тягловых сил самым капризным, крикливым животным был верблюд. Как не захочет работать, ляжет он на месте, хоть ты бей чем угодно, хоть тяни его на волах, — ничего не действовало.

Почему-то мой старший бригадир Санджи Альджаев поручал мне обучать диких лошадей и капризных верблюдов, и они как-то меня слушали, ходили на граблях, тащили сенокосилки: выполняли все виды работ. Через два-три дня я их передавал как «укрощенных» для дальнейшего прохождения трудовой службы бригаде. Однако эта лихая, смелая работа не всегда гладко проходила.

Однажды бригадир добился от председателя колхоза разрешения зарезать на питание непослушного и никому не поддающегося четырехгодовалого, жирного, с прямыми горбами верблюда. Верблюда привязали к столбу, а он крутился вокруг столба, подгалкивая его то одним, то другим боком, чтобы свалить и умчаться в степь.

На большой точилке, на которой точат косы косилки, точил нож тот, кто должен был резать верблюда.

Верблюд — умное животное. Глядя на людей, стал плакать по-настоящему, жалобно, как лебедь, потерявший верного друга. Стали капать на землю тяжелые слезы.

Люди переговаривались: понял, что его будут резать.

Мне стало жалко верблюда. Ведь ему тоже хочется жить и поэтому он плачет. Понял я это по-своему и тоже заплакал.

Подошел ко мне бригадир, спрашивает:

— Ты что, Мутул?

— Я его мясо не буду есть, сейчас побегу домой.

Люди засмеялись.

— А что с ним делать?

— Он же не хочет трудиться...

— Бу-уде-ет, — я в голос еще пуще заревел.

— Что, желаешь его обучить? — наклонившись низко ко мне, спросил бригадир ласково.

— Да-а! — я ему в ответ закричал.

Верблюда отвязали от столба и отдали в мое распоряжение.

Мужчины хором сказали, как обучишь его, он будет твоим верблюдом.

Запрягли они капризного верблюда в грабли и вожжи дали в мои руки. Я его направил на лиман Татур, где лежали богато скошенные травы. Верблюд поначалу послушно, мерно, широкими шагами пошел, куда я его направил. Достигнув сенокосного загона, я грабли опустил на землю. Когда забренчали зубья грабель, мой спасенный от ножа верблюд со страшным испугом понесся вдаль, в безлюдную степь. Сыромятные вожжи впились в мои руки, от металлических грабель такой шум раздавался, что уши глохли. Никак не мог повернуть скотину обратно, на культстан бригады. Несколько раз выговаривал: «Что ты делаешь? Я тебя спас от смерти. Иначе ты кипел бы в большом бригадном котле...». А верблюд не понимал, носился пуще прежнего. От грабель зубья летели со звоном в воздух, почти половина их вылетела.

Только к вечеру сумел повернуть верблюда на стоянку бригады. От бешеного бега животное так вспотело, что было похоже на мышь, выскочившую из воды. При каждом верблюжьем выкрике летели из его рта куски пены, величиной с кулак, ими он облепил оглобли граблей, будто ватой. Так часто приходилось приучать животных к труду.

В 1934 году за труд на уборке сена и в овцеводстве (летом я был арбичом у отца-чабана) директор совхоза «Большой царын» С. Д. Алексеев мне вручил билет ударника Калмыцкого обкома комсомола под номером 1.

О, как увлеченно мы работали на любом месте, когда старшие товарищи доверяли нам выполнить какую-либо работу!

Это стихотворение родилось еще тогда, но переработал я его в 1950-е годы.

*До чего же хмельна работа!
До чего же остра коса!..
Потемнели от злого пота
Парусиновые небеса...
Необъятна степная глыба.
Эй, мальчишки, кто всех сильнее?
Солнце, словно большая рыба,
Бьет по спинам хвостом лучей.
Покраснела тугая кожа,
Сила в мускулах велика!..
На кибитки стога похожи,
Замечательные стога!.. <...>
Дорогие мои одногодки,
Труд лелеял наши сердца!
Удивительная походка
У любого была юнца.
Мы о подвигах не шумели,
Нам другое велела страна:
В степь влюбленные с колыбели,
Мы ее побуждали от сна.
Я для вас,
 дорогие мальчишки
Память поднял свою на дыбы,
Я дарю вам «Ударника книжку» —
Эстафету хорошей судьбы!*

Окончив неполную среднюю школу в Малых Дербетах, я поступил в 1934 году в Калмыцкий техникум искусств. Когда я приехал на грузовике в белокаменную Астрахань, радости моей не было предела. Порою про себя удивлялся, как я попал сюда, в этот прекрасный русский город Астрахань, прямо с телеги на шумную улицу. Для меня это была живая сказка — учиться в городе.

Когда я сидел в светлом помещении техникума, иногда шептал про себя:

*Я к телеге своей приник,
Прощался, словно с живой...
Гарцевал в степи грузовик,
Как калмыцкий конь вороной;
Слышал песню грузовика
Нескончаемо на ветру,
И напомнила мне слегка
Эта песня мою домбру .*

Астрахань — это город моей юности, где я познавал богатую культуру русского народа. Часто бывал в музеях и театрах. Преподавали нам русские наставники с большой любовью и уважением.

Будучи студийцем, в ноябре 1936 года стал одним из первых артистов, которые открыли Калмыцкий государственный драматический театр. Техникум окончил в 1937 году. Сыграно было немало ролей в классических, советских и калмыцких пьесах. Все спектакли шли только на калмыцком языке. Каждый спектакль имел аншлаг, как в городе, так и на сельских подмостках.

Велика была тяга наших калмыков-степняков к большой культуре русского народа.

Играл я любовника в пьесах Мольера, характерного Вурма Шиллера, весельчака Егорку в «Мятеже» Фурманова, комическую роль в «Чууче» Б. Басангова, но самой любимой ролью я считал роль инженера Кочина в «Очной ставке» братьев Тур и Шейнина.

Увлекался не только самобытным калмыцким танцем, украинским гопаком, негритянским танцем, с особым желанием исполнял в паре с Татьяной Басанговой комическую польку.

Артисту, как и бойцу, необходима смекалка и находчивость. В спектакле по вине партнера или чьей-то нерасторопности бывает накладка, провал целого явления или картины. По сей день не забывается один случай в спектакле «Сганарель» Мольера. Артист, исполняющий роль Сганареля, вышел на поединок с Лелием (эту роль героя-любовника играл я) и растерялся: у реквизитора забыл взять шпагу. Паузу я заполнил следующей фразой, которой не было в пьесе Мольера: «Чего стоишь ты, как чурбан? Бери столовый

нож, вступай со мною в бой». Сганарель взял нож и стал носиться вокруг меня, как конь, ужаленный осой. Тут Селия, возлюбленная Лелия, быстро бросила между нами платок. Так мы провели бой, и наш спектакль вышел из воды «сухим».

Актёрская находчивость была верной союзницей.

Солдатская находчивость во время борьбы с врагом нужна была каждый день.

Стихи начал писать с двенадцати лет, со школьной скамьи. Редко выходила школьная стенная газета без моих длинных стихов. В стихах первым долгом восхвалял учителя, хотя учителя в начале тридцатых годов были слишком строгими: за незнание и нерешение той или иной задачи ставили ученика в угол, сильно стыдили. Несмотря на все это, свои добрые чувства к учителю за то, что он нас учит писать, решать задачи, я выражал любовными стихами. Также бичевал неуспевающих, стоявших лицом в угол.

Через несколько десятков лет вспоминаю школьную жизнь добром, с открытыми глазами и сердцем. Как старались учителя, чтобы мы, дети, учились, любили школу. Они мечтали так же, как наши матери и отцы, о том, чтобы мы в будущем стали образованными. «Кто-то из вас, когда вырастет, будет учителем. Кто-то будет агрономом или врачом...». Так часто говорил мой любимый учитель Манжи Кеглдженов. А я с задней парты поднимал руку: «Хочу быть трактористом». Потому что в нашем селе тогда впервые с большим шумом появились сталинградские колесные трактора. Мы за ними бегали, дотрагиваясь на остановках руками до зубцов колес.

Что я видел утром, то писал стихами днем, а вечером уже читал их в школьном клубе. Однажды я увидел недалеко от школы верблюда и верблюжонка. Написал стихотворение о верблюде, о том, что взрослый верблюд шел впереди верблюжонка, съедал всю лучшую полынью, а малышу ничего не оставлял. Заканчивалось оно так: это несправедливо — большому все съесть, а малышу ничего не давать.

Это стихотворение я прочитал своему директору школы Намыру Лиджиеву. Учитель выслушал меня внимательно, задал мне несколько вопросов по этой теме.

— Ты видел этих животных? Как они паслись?

— Видел. Даже подбегал я к верблюжонку, подгонял его к густой полыни.

— Хорошо. Кто из них понравился тебе?

— Верблюженок.

— Хорошо. Кто из них красивей — верблюды или верблюженок?

— Верблюженок.

— Вот, дружок, — положив руку на мое плечо, учитель продолжал, — прежде чем писать стихи, надо выбрать, что краше. В данном случае красивее был верблюженок, чем тот старый верблюд. В верблюжонке — будущая сила, смелость, мужество. Он перерастет старшего, будет молодцом.

Потом я понял смысл красоты. Учитель был прав. Я всегда искал красоту в природе и в человеке.

В 1935 году Москва наградила многих лучших животноводов Калмыкии. Тогда у меня родилось стихотворение «Табунщик», и оно было напечатано в газете «Внучата Ленина», где был редактором мой школьный учитель и большой советчик Намыр Лиджиев. Напечатав стихотворение, он мне сказал:

— Теперь ты поэт. Это самое лучшее стихотворение из всех прежде написанных. С этого стихотворения делай подсчет своих сочинений. Читай родной фольклор. Читай много Пушкина, Есенина, Маяковского.

И, действительно, со стихотворения «Табунщик» я начал свою писательскую биографию.

*Степь в зеленом
Негаснущем пламени...*

*Всадник молча
В пространство глядит.
Орден гордого
Красного Знамени
У него
На широкой груди.*

*В степь нахлынула
Утра мелодия.
Травы дикие
Гимны поют...
Рядового табунищика
Родина
Наградила
За доблестный труд!*

Очень короткую, но мудрую беседу с учителем Намыром Лиджиевым я запомнил на всю жизнь.

Как я испытал и понял, человеческая жалость — начало гуманности. Овладели моим сердцем три плача верблюдицы.

Первый случай.

В нашем хотоне мужчины хотели зарезать верблюжонка. Когда повалили верблюжонка на зеленый луг, прибежала мать-верблюдица и заревела, как человек. Она стала на колени перед человеком с ножом и забрызгала слезами землю. Вместе с ней и я ревел, просил пощадить малыша. Человек не выдержал плача верблюдицы, отпустил верблюжонка, а сам скрылся за кибиткой. Верблюжонка и верблюдицу я погнал в степь .

Калмыки — потомственные животноводы с древности. Они хорошо знают повадки животных и их «думы» и желания.

То же самое у животных: чувствуют ласку и заботу людей. Ягнята, жеребята, телята и верблюжата так и бегают за взрослым человеком, дай, мол, молока, хлеба или каких-то сладостей, овощей.

Верблюд — такое животное, которое умнее других. Но и он — капризный и обидчивый, как человек. К нему надо иметь большую ласку, а не показывать палку, которая хорошо подходит к быкам.

Второй случай с верблюдицей.

Колхозная молодая верблюдица возненавидела, точнее, «забраковала» свое новорожденное дитя. Она не стала подпускать верблюжонка к своим соскам. В таком случае калмыки верблюдицу привязывают недалеко от кибитки, а сами тут же всем хотонном устраивают настоящее представление. Играют на домбрах и

скрипках. Танцует и поет стар и млад всю ночь напролет. На расвете участники поют протяжную песню, обращаясь к верблюдице. Завтра мы все с места поднимемся, пойдем по степи искать лучшие пастбища. Люди пойдут с детьми. Овцы поведут за собой ягнят. Лошади поведут за собой жеребят. А ты, дорогая великанша, с кем ты пойдешь? Одна? С кем ты пойдешь? Одна? С кем ты пойдешь? Одна?

Верблюдице желание людей стало понятным. Набухло ее вымя. Ее медленные звуки слились с многоголосием людей, она как бы подпевала им, роняя слезы. В это время молодые люди в нарядной одежде подвели верблюжонка к матери. Она не спеша вытянула шею к малышу, понюхала, нет ли постороннего запаха, приблизила к нему соски.

Третий случай. Задрали волки верблюжонка в степи. Я видел, как мать-верблюдица оплакивала погибшее дитя. Она плакала душераздирающе, два-три дня не ела и не пила воды. Старый чабан рядом с ней стоял в слезах.

Эти верблюжьи страдания и горе отразились в некоторых моих стихах: «Заплакала верблюдица, как человек», «Мой верблюжонок Амбу».

Первым другом степняка является конь. Конь и калмык — это неразлучные друзья в степи. Калмык с конем дойдет до края света, конь понесет его, куда желает наездник.

В калмыцком народном эпосе богатыри, предводители боевых дружин Джангара, одерживают одну победу за другой над иноземными захватчиками. Тут половину успеха на ратном поле обеспечивают легендарные скакуны. Конь по указанию богатыря вовремя доставляет его на место сражения. Во время битвы ловко, умело и смело подставляет свои сильные ноги. Подбадривает богатыря, подсказывает ему, как встать на седле, на гриве и крупе при ударе пикой. Если хозяин ранен, то немедленно его уносит с поля боя на вершину горы — дает возможность бойцу подышать чистым воздухом и перевязать рану.

Конармейцы-городовиковцы на конях били врага в гражданскую войну .

В Отечественную войну в тылу врага я не расставался с резвым, умным конем. На нем часто мне приходилось лететь на фашистов с обнаженным клинком или с автоматом.

*В сорок первом
В мерцании зарев
Поскакал я навстречу войне
На моем золотом Аранзале —
Длинноногим калмыцком коне. <...>
Под Смоленском и у Могилева,
В Приднепровье, на Березине
Я участвовал в битвах суровых
На калмыцком моем скакуне. <...>*

*И повсюду:
Под Минском, под Пинском
И в местечках, что я не назвал,
В непрерывном бою исполинском
Шел со мною мой конь Аранзал.*

*На коне легендарном, былинном
Часто пули щадили меня.
Он однажды на поводе длинном
Меня выволок из-под огня.*

*Вместе шли мы дорогой одною,
Почернелой,
Сожженной войной.
Не забыть,
Как, склоняясь надо мною,
Стриг ушами он воздух лесной.*

*Я схватился за стремя рукою,
Прошептал еле слышно:
— Тащи...*

Ветры пели вдали за рекою,
Как в калмыцкой степи джангарчи. <...>

*Мы победу в сражении длинном
Добывали
Над силами зла.
И заржал Аранзал над Берлином,
И застыл, закусив удила.
И я понял:
Победа пришла!*

*И достал я парадную сбрую
И седло с золотою каймой.
Поскакал с Аранзалом,
Ликуя,
Я в калмыцкие степи домой.*

*Конь скакал по лесам белорусским
И по русским равнинам вперед.
Семь колечек его недоуздка —
Семь отлично настроенных нот.*

*Всю дорогу звенели, звенели —
Словно флейта в оркестре звенит, —
Чистым звоном весенней капели
С барабанною дробью копыт...*

Тем для писателя много. Все темы достойны воплощения, если произведения написаны мастерски, выразительно. Надо искать красоту, добро, без чего человеку нет смысла жизни на земле. Но самая главная и никогда не стареющая тема для меня — это человек и его труд.

Человек — гвоздь жизни и нашего общества. Без человека-гвоздя жизнь покоробится, пропадет, как доска полая. Человек любит жизнь. Когда перестает любить жизнь — человек кончается.

Значит, он не был гвоздем жизни. Чтобы быть гвоздем жизни, причем покрепче металлического гвоздя, человек занят работой. Труд, как заботливая мать, его кормит и продлевает ему жизнь, делает его еще красивым, сильным, творцом бессмертного дела.

После воздуха и воды моей необходимостью в жизни <стал> человек. Есть он на земле — я есть, есть я на земле — он есть.

Человек, труд — эти два слова мне видятся, как одно целое. В одиночестве они — ничто.

На десять душ всего один работник, —

Отец водил отары кулака.

Он —

землекоп,

и каменщик,

и плотник,

профессий миллион у батрака.

Все он обязан делать,

делать,

делать! <...>

К нам в степи революция пришла.

Родитель мой остался в прежнем чине —

Гонял степным раздольем тучный скот.

Как в мире и положено мужчине,

Трудился... но уже не на господ!.. <...>

Отец,

Твой род не вымер,

не зачах...

Пусть ты не был «важною персоной»,

Зато держал всю землю на плечах!

Человеку присуще бороться — побеждать зло, чтобы добро торжествовало, и им пользовался человек.

«Я обязан,

я должен его победить.

Стройка. Стройкой я очень любовался в детстве.

Когда степняки собирали, вернее, ставили кибитку, сначала деревянную часть каркаса, а затем ее прикрывали кошмой сверху и с боков, мне это казалось большим строительством, умением человека. Притом два-три человека это делали в течение получаса. Я имел право так думать в детстве, потому что я рос в степи и, кроме кибиток, других строений не видел.

Вспоминается анекдотичный случай в степи среди моих калмыков до Октябрьской революции. Один калмык прожил до глубокой старости, не выезжая из своего захолустного хотона. Внучку этого старика выдавали замуж в другой хотон, который находился в двадцати километрах. Хотонцы единогласно решили послать деда внучки, этого старика, возглавить хурюм-свадьбу и поехать в хотон жениха.

Хмельной старик вдруг увидел на небе сияющую луну и говорит: «Ба-а, что я вижу на небе... Ту самую луну, которая плывет над нашим хотоном. Оказывается, она проходит и над их хотоном». Говорил он эти слова вправду. Потому что старик на самом деле считал, что луна светит только над его хотоном, и она опускается совсем недалеко, за его хотоном, за горизонт.

Со стороны жениха поняли слова с подковыркой: старик издевается над ними, будто луна светит только над его хотоном, а они живут во мраке.

Здесь выручил старика его хотонец-сказитель, мол, старик пошутил: «Он у нас всегда такой балагур, особенно на свадьбе».

Хорошие, меткие, вовремя сказанные слова разрядили напряженную атмосферу, иначе была бы драка.

Наверное, если не свершилась бы Октябрьская революция в нашей стране, то у отсталых, темных, заброшенных царизмом народностей подобный анекдотичный случай был бы не единственным.

Хорош малец, объездивший весь свет, чем пролежавший свой век старик на кровати. Эта мудрость мною выражена в следующих строчках:

*Я следую отцовскому завету,
Поездивший по миру человек,*

*Пусть молод он, умней того, кто свету,
Проснав в кровати зиму все и лето,
Предпочитает стариковский век.*

Но никогда я не был сторонним наблюдателем добра и красоты, того, что люди делали. С малых лет активно включался — что есть сил — в то, что делали старшие. За тринадцать лет проживания в Красноярском и Алтайском краях трудился на разных работах. Был землекопом и лесорубом, буровым рабочим и бойцом-горноспасателем, военруком и снабженцем, грузчиком и плотником-столяром. В работе я не мерз, рубашка всегда была мокрая.

Кстати, о профессии плотника. На этой строительной работе я на глазах своих друзей, с кем работал, стал бригадиром, нормировщиком, мастером-прорабом, инженером и архитектором, не кончая учебных заведений. Строил животноводческие помещения, строил административные и жилые дома, руководил работой по строительству зерноскладов и элеватора на алтайских целинных землях. Там же по моему проекту построены районная больница и школа.

Плотник. Эта профессия в самом начале мне принесла не добро, а печали.

Дело было так.

1941 год. Ноябрь. С большим трудом, с риском и с редкостными приключениями пробрался из смоленских степей в белорусские леса с целью создать антифашистскую группу в деревне. Центром такой деревни я избрал Журовку, вблизи города Березино. Журовка от войны сильно пострадала, больше половины ее построек сгорела. Люди жили в наскоро сколоченных временках. В деревне много мужчин, но каждый из них занят рубкой своих хат. Лес по выбору возили из бора, <деревья> прямые, как свеча.

Здесь, в деревне, находилось несколько товарищей из разбитых наших частей. Многие из них уже успели сделаться «женихами», то есть пошли в примаки. Мастеровые устроились у погорельцев плотниками, иные слесарничали, из гильз снарядов «сорокапятки» делали кружки, ложки, поварешки, а из больших калибров мастерили ведра, чайники.

Главное — теперь надо определиться и мне, а потом начать постепенно свою работу. За что взяться? Моя гражданская специальность — артист. Эта специальность во время рубки хаты не нужна. Люди кругом работают с топорами и пилами. Хотя я никогда не работал с топором, отрекомендовался одному погорельцу плотником. Хозяин лет тридцати, не больше, с густой светлой шевелюрой, среднего роста: «Кали маешь робить топором, ходи ко мне работать».

Тесал одно, средней величины, бревно с утра почти до полудня на один кант. Устал, намозолил руки и искривил дугой бревно. Чуть не ударил раза два, промахнувшись, по колену: лес был уже мерзлый. Одним словом, испортил материал, виновато молчу. Хозяин сказал: «Так не годится». Он выкатил это бревно на самый край и велел мне корить бревна, точнее, облысить их для натягивания шнура. Из-за того, что я не справился с прежней работой, меня мучили обида, совесть. На этой работе я у него побыл пять дней. Норму почти выполнял. Но хозяин был недоволен моей работой. Чувствую, что он вот-вот скажет, хлопец, довольно тебе работать, иди куда угодно, у меня бульбы мало. Да, не хотелось уходить из этой деревни, здесь думал уже кое с кем поговорить и подружиться. И, действительно, бульбу мы «мололи» отлично: еле-еле хватало каждому ведра. Хозяин меня передал Антону Эйсману, жителю другой деревни. Вернее, избавился он от меня, лишнего рта.

Но у Антона я отличился строительным дарованием. Правда, из рук несколько раз срывался топор, отскакивая от сучьев дерева. И в каждом случае слышал голос Антона: «Покрепче держите топор». С ним валил лес, быстро научился пилить на корню, крыжевать, обрабатывать материал на делянке, грузить и подвозить на специальных санках к месту работы. Потом рубил пятистенный большой дом на «русский» угол. Без брака тесал бревна на один, два, три и на четыре канта. Умел брать четверти. Я рос в собственных глазах.

Но Антон был большой мастер. Он обрабатывал материал быстро и чисто, смотреть на него было любо со стороны.

Самым радостным событием было то, что я, без досадных

приключений, начал делать углы: похлопал по моему плечу сам мастер. Думал, теперь я не пропаду нигде, раз за короткий срок мы вдвоем срубили целый дом. Сердце радовалось, что наравне с профессионалом чего-то я достиг в этом деле. И обиды журавские исчезли совсем.

Итак, дом Антона Эйсмана из меня «сделал» и лесоруба, и плотника. И эти профессии я усовершенствовал потом, после войны, в сибирских краях.

В деревне Антона Эйсмана, Боровом Мосту, я не сумел организовать подпольную группу: деревня состояла из нескольких дворов, не нашел надежных людей, не было их тут.

Я подался дальше подыскать подходящую деревню и надежных людей. Такая деревня нашлась, и в ней оказались добрые люди. Рассказ об этом позже.

Труд тебя ставит на твердую почву крепко. Можно идти, идти смело к людям: что делают люди — и ты делай, притом только хорошо. Тебя все заметят и полюбят. Люблю рукотворное создание: мосты, дома, дворцы и животноводческие кошары. Строители так же, как и хлеборобы, заслужили самые добрые пожелания, почести. Они людям создают благо, тепло и уют.

Это стихотворение родилось, когда я был прорабом строительства.

*Тем,
чьи руки в буграх мозолей,
У кого характер
рукам под стать,
В дар эту песню несу,
как хлеб с солью,
Как чашу кумыса хочу подать.
Землю долбящие,
камни кладущие,
Солнце вставляющие в глазницы рам,
Вам,
на плечах несущим грядущее,*

*Всю нежность свою
 отдаю, мастера! <...>
Стены встают,
 отутюжены строго.
В каждой квартире уют и свет...
Если бы был я господом-богом,
Я б жизни вам дал по четыреста лет.
Но я не бог —
 в чудесах не искусен,
Хотя и колдую у звездных костров,
Поэт я,
 возвращенный Советской Русью,
И песнями славлю моих мастеров!*

Середину моей биографии занимает военный период. Великая Отечественная война.

«Занимает» — это слово, может, звучит слишком мирно. Вернее, война заблокировала навсегда мою цветущую молодость, и я по сей день с ней бьюсь, выполняя миссию мирной профессии писателя в создании новых произведений.

Война! Как услышу это слово «война» или прочитаю где-нибудь, или вывожу пером сам, будто я вижу — с живого человека течет горячая кровь. Закусываю губу, волосы встают дыбом. На экране, в кинокартине или на подмостках театра, когда я вижу битву на ратном поле, у меня навертываются слезы, проклиная войну. Не только про себя, когда иду по мирным улицам наших городов и сел, а страстно, во весь голос, стихами говорю со своими читателями. Ибо

*Я был солдатом,
Видел все на свете
И смерть встречал лицом к лицу не раз.*

Пусть меня не посчитают мои потомки нескромным за эти мои слова: на фронте и в тылу врага я не плелся в хвосте, за чужими спинами, а всегда шел в атакующей шеренге, и часто — на штыки.

А еще больше надо любить родную землю, чтобы на ней цвело наше потомство, чтобы наши внуки и правнуки не просто вспоминали бы о нас, а считали бы настоящими земными богами, обеспечившими им мир и счастливую жизнь.

Я счастлив тем, что за эту землю вместе с сыновьями русского, украинского, белорусского, казахского и других народов рука об руку сражался на полях войны.

*В дни войны, когда Гитлера танки
Шли стеной, все сжигая дотла,
Мне родная земля помогла
Уцелеть до последней атаки.
Потому и сегодня я в силе
И покоя душе не прошу,
Мои корни в земле, я дышу
Чистым воздухом милой России .*

Но война есть война. Огонь любит без конца дрова, а война — кровь. Когда погасишь огонь, дрова не горят. Когда победишь войну, кровь не льется. В войну много рек переплывал, однако всегда из воды выходил мокрым, но не сухим. А вот из рук врага или из кровопролитного боя каждый раз выходил с большим трудом, на волоске, «сухим», без крови.

Мои побратимы говорили, что я родился в рубашке.

Приходилось мне поддакивать друзьям, но в то же время неустанно говорил им обратное, что в борьбе с врагом следует использовать все свои арсеналы: умение, смелость, смекалку, хитрость, ум — любые способности, которыми ты располагаешь. Одним словом, обезвредь врага любыми способами, а сам оставайся невредимым, чтобы в последующие дни еще больше истребить его. Эти патриотические качества советского человека вырабатывались днями, месяцами, годами.

Умнее и умнее становишься, когда выходишь, совсем измотавшись, из тяжелого боя. Когда жизнь-горло мое приближалось к лезвию ножа, я не терялся, не пасовал, а как-то овладевало мной

спокойствие, хладнокровие, проявлял выдержку, как в музыке — паузу.

Таких тревожных, опасных моментов было много...

<1978–1979>

ВОСПОМИНАНИЯ. ДРУЖБА, ВЫДЕРЖАВШАЯ ИСПЫТАНИЯ

С Могилевщиной связаны незабываемые годы моей жизни. Здесь в суровые дни Великой Отечественной войны вместе с русскими, украинскими и белорусскими друзьями в партизанском отряде отстаивал свободу Родины. Помню, как горели деревни, города.

Какими же стали памятные места теперь?

И вот через восемнадцать лет я снова в Белоруссии, на Могилевщине, среди дорогих мне братьев по оружию, по борьбе за счастье, за то, чтобы никогда больше гром войны не потревожил величественную тишину густых дубрав и широких полей.

Невозможно передать радостное волнение, невозможно удержать счастливых слез. Есть ли что-нибудь сильнее, выразительнее, чем безмолвное объятие воинов!

Вместе с белорусскими друзьями я совершил поездку по партизанским тропам...

Лесная поляна. Здесь когда-то стоял дом лесника, а рядом находилась партизанская база.

Летом 1942 года фашисты рвались на юг страны. Подпольный обком партии решил активизировать в Кличевском районе действие партизан, чтобы отвлечь с фронта фашистские силы и задержать продвижение врага. В течение полутора месяцев шла кровопролитная битва десятитысячной партизанской армии с 40 тысячами гитлеровцев. Задача была выполнена. В одну из ночей партизаны прорвали кольцо окружения и вышли на оперативный простор. Снова полетели под откос вражеские составы...

Стоя на лесной поляне, я не переставал удивляться героизму,

мужеству советских людей, и чувство гордости за своих однополчан наполняло сердце.

Поляна стала свидетельницей, как через 19 лет собрались боевые побратимы — белорус, русский, калмык, украинец. Бывший командующий партизанским соединением С. Г. Сидоренко-Солдатенко сказал хорошую, теплую речь, а его последние слова были обращены к тем, кто отдал жизнь за нашу Родину-мать, к тем, чей прах покоится на краю поляны.

Все выразил желание пройти в бывшие партизанские землянки. Но их не оказалось. Необратимое время сделало свое дело. На их месте теперь выросли молодые стройные сосны, как бы символизируя торжество жизни, дружно тянулись к солнцу.

На бывшей партизанской поляне разместились строения крупного леспромхоза.

Когда мы покидали дорогое нашей памяти место, белорусский писатель Петр Шестериков сказал:

— От многих я слышал об этой партизанской стоянке. Сюда ежегодно с различных областей Белоруссии, Украины и других республик стекаются экскурсанты, туристы. В 1962 году здесь будет открыт филиал областного музея. Ваш партизанский лагерь будет символом борьбы за мир на земле и дружбу народов.

Хорошо сказал белорусский брат. Словно в душу мою глядел.

С трепетным волнением я ехал в деревни Колбча и Колбчанскую слободу. Когда-то через них ходили на задания наши партизанские группы.

В июле 1944 года под ударами советских войск гитлеровцы откатились к реке Березина. Партизанскому полку, которым командовал А. С. Демидов, нужно было полдня отдыха, чтобы затем совершить бросок через Березину и оседлать шоссе. Штаб полка расположился в Колбчанской слободе в доме Степана Валовика. Но фашисты узнали, видимо, об этом. Вот показался вражеский самолет. Воздушная волна взорвавшейся бомбы смела часть дома Валовика. К счастью, все командиры полка находились в другой части дома.

Подъезжая к Колбчанской слободе, я решил посмотреть на этот

дом. Прежнего не было. Степан Валовик обнял меня и рассказал, что после войны ему построили новый дом. Здесь я встретил людей, с которыми ходил на задание, лежал в засаде. Товарищи по оружию нашли свое настоящее призвание.

Собрались на вечер дружбы. Люди живо интересовались жизнью сегодняшней, орденоносной Калмыкии, задавали много вопросов. Прошлое и настоящее не покидало нас, наполняя сердца высокими чувствами сыновней любви к партии, Родине. Интересным было выступление председателя местного колхоза «Советская Беларусь» Петра Казимировича Забродского. Оказывается, в годы войны он работал в Малых Дербетах начальником райзо, награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР.

Здесь же, на вечере, возникла идея вызвать один из колхозов Калмыкии на социалистическое соревнование за успешное выполнение планов семилетки. Забегая вперед, скажу, что идея колхозников сельхозартели «Советская Беларусь» нашла горячее одобрение в пригородном колхозе имени Ленина. Колхозники двух республик уже обменялись приветственными телеграммами.

После деревень Колбча и Колбчанская слобода мы побывали в других селах. И везде руки белоруса, украинца, русского обнимали калмыка. И мои руки долго не отпускали побратимов.

...Пройдены партизанские тропы, годы жестоких испытаний, а дружба народов, как могучий дуб, растет и ширится. Рожденная в огне Октября, закаленная в битвах Великой Отечественной войны, она крепка и нерушима. И в этом залог наших побед...

М. Хонинов, писатель.

ИНТЕРВЬЮ

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

М. В. Хонинов, директор Калмыцкого драматического театра

На днях из Белоруссии от своих друзей я получил письмо. Они приглашают в Минск, где собираются партизаны Белоруссии, за-

щищавшие Родину в тылу врага. Мне не представилось возможности выехать, но мысленно я там, среди белорусских друзей, с которыми пускали под откос поезда, громили вражеские гарнизоны, рвали коммуникации фашистов.

В начале войны наша часть попала в окружение. Шесть дней мы пробивались к своим. Затем из штаба получили приказ — разбиться на группы и действовать в тылу врага.

...Однажды я, командир отдельно действующего отряда 15 партизанской бригады Могилевского соединения, получил приказ. Нужно было на 20 минут в местечке Журавич «оседлать» шоссе Москва — Варшава. Перед рассветом мы заняли шоссе. Неожиданно со стороны города Пропойска на нас вышел немецкий полк, шедший на фронт. Завязался бой. Время истекло, и мы незаметно из-под носа врага ушли в соседний лес. А немцы продолжали стрелять из автоматов и минометов. К этому времени с противоположной стороны подошел другой немецкий полк, как мы выяснили позже, он был снят с фронта для переформирования. Два немецких полка, принимая друг друга за крупное партизанское соединение, открыли ураганный огонь. Вызванные самолеты стали штурмовать свежий немецкий полк. Только через три часа, изрядно потрепав друг друга, немецкие полки поняли, что бьют своих. Мы же ушли на другое задание.

Многие из народных мстителей отдали самое дорогое — жизнь — за свободу своей Родины. Многие живы и заняты мирным трудом. По их приглашению в 1957 году я ездил в Белоруссию, побывал у друзей, в тех местах, где действовали наши партизаны. Везде меня встречали радушно, по-прежнему, по-партизански называли меня Миша Черный. Не было предела нашей радости. Приехал не только я, но и узбеки, грузины, русские, казахи, защищавшие честь Родины в белорусских лесах. На собраниях колхозники и рабочие предприятий и совхозов докладывали нам, как развивают хозяйство и культуру республики.

О тех днях немеркнущей славы многие участники партизанского движения написали книги. В частности, один из руководителей белорусских партизан тов. Демидов опубликовал книгу «Незабы-

ваемые годы». Я тоже пишу книгу и надеюсь, что она в недалеком будущем увидит свет.

Самой главный вывод, какой я сделал в белорусских лесах, это тот, что нет силы, которая могла бы поколебать дружбу народов СССР, верность советских людей идеям Коммунистической партии.

ПОЮ О БРАТСТВЕ

Михаил Хонинов, наш гость из Калмыцкой АССР, известен не только как поэт, но и как человек яркой, героической судьбы. Просим его рассказать о прожитом и пережитом.

— Биография у меня, — говорит М. В. Хонинов, — чисто пролетарская. Вырос в степях Калмыкии. В нашей семье было восемь детей, я предпоследний.

Несколько слов об одном совпадении, которое исполнено для меня особого смысла. Я родился 1 января 1919 года. Эта же дата считается днем рождения Белорусской ССР, которая стала для меня второй родиной, землей незабываемого боевого братства.

В начале войны я был командиром снайперского взвода в составе 16-й армии, защищавшей Смоленск. В одном из боев, прикрывая пулеметным огнем товарищей, спасших полковое знамя, был ранен и наверняка бы погиб, если бы не помощь местных жителей.

Организовал партизанскую группу. Кстати сказать, связным у нас был юный Миша Егоров, тот самый, который несколько лет спустя водрузил знамя Победы над рейхстагом. Мы с волнением вспоминали наш маленький отряд, когда встретились с ним в Кремлевском театре, в дни празднования 50-летия Великого Октября.

Из-под Смоленска пробрались в леса Белоруссии, влились в состав многотысячной партизанской армии. Мне поручили командовать отдельной ротой. На личном боевом счету — сотни убитых и раненых гитлеровцев. За голову Мишки Черного (так прозвали меня) фашисты сулили около 10 тысяч марок...

Белоруссия, фронтовые годы навсегда вошли в сердце и в стихи. Печатаюсь в родной Элисте и в Минске... В Белоруссии вышла моя книга (всего их 12) «Сосны и тюльпаны» с предисловием П. Бровки. С гордостью ношу звание почетного хлебороба Белоруссии.

Дни советской литературы, которые проходят сейчас на тюменской земле, дороги мне и как праздник дружбы народов.

БЕЛАРУСЬ — МОЯ ВТОРАЯ РОДИНА

Море волнуется от сильного ветра. Человек волнуется от радости. Он волнуется сильнее моря, горячее огня. Такое волнение и радость я чувствую каждый раз, когда бываю здесь, в Белоруссии. Во время работы нашего писательского форума я успел побывать на Могилевщине, которая стала для меня родной в тяжелые годы войны, когда пришлось отстаивать нашу Родину, свою ковыльиную степь, Калмыкию, находясь в славных рядах белорусских партизан. Могилевщина особенно мне близка тем, что на ее земле Кличевским райкомом КПБ я был принят в ленинскую партию...

О боевых делах партизан Белоруссии знают все люди планеты и желают знать еще больше.

Нынче, в конце января, я находился в творческой командировке в Демократической Республике Вьетнам. Около гостиницы в Ханое ко мне подошел журналист из одной капиталистической страны.

— Господин писатель, здесь говорят, что вы были партизаном в Белоруссии. Сколько вас было?

— Полный лес. Полмиллиона! — ответил я и добавил: — Без подпольщиков.

— Сколько фашистов убито партизанами?

— По два на каждого. Сюда надо добавить более 11 тысяч вражеских эшелонов, пущенных под откос, свыше 20 тысяч автомашин и танков, а еще железнодорожные мосты, гарнизоны.

Во многих местах там, в командировке, я рассказывал о ратных делах, о трудовых подвигах белорусского народа в девятой пятилетке. Вьетнамские друзья, писатели просили передать горячий

привет и добрые пожелания всем участникам творческого совещания и всему белорусскому народу. Я выполняю эту просьбу с большой радостью через газету «Звезда».

Советские писатели в Великой Отечественной войне активно действовали и пером и штыком. Вот один эпизод, который случился 1 июля 1944 года на левом берегу Березины. Подпольный областной комитет партии поручил нашей партизанской роте «оседлать» моголиевское шоссе и создать «пробку» из подбитых бронированных вражеских машин, которые отходили на Минск. Такая «пробка» была создана возле деревни Глухой Ток Березинского района. А в это время наши регулярные части переправлялись через Березину. Партизанам было тяжело, враг бросал в бой против нашей роты все новые и новые силы. В этот критический момент на помощь нам пришли наши авиаторы, воздушные штурмовики. Один из участников этой операции Иван Арсентьев, летчик, Герой Советского Союза, писатель — участник нашего творческого совещания. Мы с ним припомним как раз, какими усилиями досталась нам наша победа.

Я счастлив, что эту победу праздную уже 29 лет подряд, а вскоре, 9 мая, будет и тридцатый мой праздник. Глубоко чту славную память погибших партизан. А побратимам, которые отлично трудятся в народном хозяйстве, шлю горячий привет и поздравления в связи с 30-летием Победы над фашистскими захватчиками.

*Михаил Хонинов, калмыцкий писатель,
бывший белорусский партизан «Миша Черный».*

Михаил Хонинов — калмыцкий поэт. Во время Великой Отечественной войны он был партизаном. Участвовал во многих боях, а также в освобождении Минска.

Вот о чем рассказал поэт, когда, будучи в столице Белоруссии, принес свои стихи в редакцию нашей газеты:

— Особенно памятным был для меня день освобождения Минска. Этот день вошел в мою память глубоко и навсегда. Я и сегодня слышу голоса партизан моей роты: «Здравствуй, Минск, дорогой наш город! Мы снова с тобой!».

Я ежегодно приезжаю к своим побратимам-партизанам. И вижу, каким красивым стал Минск, как преобразилась жизнь на белорусской земле. А Свислочь, будто веселая девчонка, хохочет и беззаботно бежит вдаль. Тут-то и родилось стихотворение «Третье июля», которое я предлагаю читателям «Вечерки».

«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО, РЕСПУБЛИКУ МОЮ»

— Как художника и человека меня волнуют тема труда и тема войны. Обе они на моем писательском столе. — Так началась беседа нашего корреспондента с Михаилом Ванькаевичем Хониновым. — В меру своих сил я стремился воспеть сегодняшнего человека-труженика. С другой стороны, — подчеркнул писатель, — видя в повествованиях о прошедшей войне не только современность, но и большую науку любви и ненависти, я считал своим долгом передать нынешним, молодым, виденное и пережитое... Сейчас, в канун своего съезда, писатели итожат достигнутое. И мера у нас одна: каждому предстоит дать ответ, что сделано им в девятой пятилетке?

— Видимо, любому творчески работающему человеку присуща внутренняя потребность соизмерять свое дело с поступью страны. Вы опередили мой вопрос. Пожалуйста, Михаил Ванькаевич...

— В одном из сборников у меня есть стихи «Где б ни бывал — повсюду степь со мной». Смысл этой строчки — смысл всего моего писательского труда. Калмыкии и ее жителям, степнякам, я посвящаю свое творчество. В этом году закончил цикл очерков и рассказов. Скоро они увидят свет в издательстве «Советская Россия». Но всех их, моих героев, — гуртоправов и строителей, чабанов и полеводов, читатели уже знают со страниц местных республиканских газет и журналов. Со многими из них они смогли познакомиться и с помощью журналов «Огонек», «Дон», «Литературной газеты» или «Советской России». Рассказывать о людях, находящихся на передовой в борьбе за свершение планов партии и народа, считаю социальным заказом времени.

И в поэтическом сборнике «Отцова земля», и в книгах «Все начинается с дороги», «Орлы над степью», написанных за пятилетие, последовавшее за XXIV съездом КПСС, — продолжается рассказ о преображенной калмыцкой земле.

— А над чем Вы работаете сейчас?

— В ближайшее время предстоит выполнить сразу несколько заявок. Для журнала «Дон» готовлю публицистический очерк о людях города Каспийский. Для журнала «Огонек» — очерк о проблемах животноводства в Калмыкии. На днях в «Литературной газете» должен появиться очерк «Слово о Герое Труда» — о нашем земляке Гаре Менкенове. Я много писал о войне, но в стихах. В позапрошлом году, наконец-то, было положено начало воплощению замысла, возникшего еще лет пятнадцать назад. Им стала первая книга из задуманной трилогии, посвященной партизанскому движению в годы Великой Отечественной войны.

Вслед за романом «Ты помнишь, земля смоленская?» я хотел создать также художественное полотно. Но Всесоюзное творческое совещание писателей и критиков, посвященное теме «Бессмертный подвиг народа в Великой Отечественной войне и советская литература», что проходило в феврале 1975 года, изменило мои планы. Начались поиски. Плод их — только что законченная документально-художественная повесть «Миша Черный — это я!».

— Еще вопрос. Каковы Ваши творческие планы?

— В межсъездовский период, где только я ни бывал — на Дальнем Востоке и в Подмоскovie, в Азербайджане и, конечно, в Белоруссии. В одних местах как участник дней литературы, в других — по творческим командировкам. В начале текущего года выпала поездка в Демократическую Республику Вьетнам. Она была связана с одной задумкой — созданием поэмы «Еще горит Хатынь». Три части должны составить поэму. Вечный огонь, зажженный в разных уголках планеты, — это призыв к людям Земли снова не допустить смертоносных взрывов и пожаров. В этом идея рождающейся поэмы, смысл моей работы над военной темой

Антон Белевич

ХАТЫНЬ: БОЛЬ И ГНЕВ

<...> Из своих ковыльных степей в Хатынь приехал калмыцкий поэт Михаил Хонинов. Он тоже в суровые дни попал в окружение на Могилевщине. Потеряв надежду добраться до своих, Михаил Хонинов много дней и ночей бродил по лесам — искал партизан. Добрые люди ему сказали, что в тех лесах должны быть партизаны. А как их найти? Леса да леса кругом, а в каком из них партизаны? Голодный, ослабший, черный с лица солдат идет из дубравы в дубраву, из ельника в березняк. Давно последний сухарь догрызен, последняя щепотка махорки выкурена. И уж так измотался, так изнемог — ноги не слушаются, за валежины цепляются. Упал на сухой мох под сосной. Лежит, думает: «Что делать?.. Скажите, сосны, где партизаны? Люди воюют, оккупантов бьют, а я по лесам, по болотинам, как тот леший, скитаюсь. А у меня же винтовка. Она должна стрелять...».

И снова встает, бредет дальше. На лесной полянке подходит к старому пастуху:

— Добрый день, дед!

— День-то ничего, — отвечает пастух. — А сам ты добрый ли? Вон стрельба, гляжу, у тебя, а чего ж не воюешь?

Обо всех своих приключениях, раздумьях, скитаниях рассказал солдат старому пастуху. Подобрел тот. Набил трубку табаком, протянул солдату:

— Кури, хлопче.

Глотнул солдат дыму, а земля под ним кругом пошла, поплыли перед глазами туманные пятна. Схватился за лозину, чтоб не упасть.

— А батюшки! — всполошился старик. — С чего ж это тебя так повело, скрутило?

— С голодухи, отец. Давно хлеба в глаза не видел.

— Хорошенькое дело! А что ж не сказал сразу?

Старик достал из кармана завернутую в тряпицу горбушку, отломил половину, подал солдату:

— Кусай, хлопче. Хорошенькое дело!.. А теперь слухай...

Поверил старик бойцу, рассказал ему, как найти лес, где, поговаривают, есть партизаны, а главным начальником у них какой-то Сидоренко-Солдатенко.

Верно говорил пастух. Нашел Михаил и лес, и партизан. Тот самый партизанский командир Сидоренко-Солдатенко не так давно рассказывал мне, как советского бойца, молодого калмыцкого поэта, принимали в партизаны, как давал он клятву перед строем...

— Хорошо воевал Миша Черный.

— А кто это — Миша Черный?

— Это и есть Михаил Хонинов. Вы видали, какие у него черные брови, какой черный курчавый чуб, черные глаза, смуглое лицо? Вот и прозвали его партизаны «Миша Черный». А душа у него светлая, сердце доброе, чистое. Боевой партизан, хороший поэт, душа-человек...

Хороший поэт и душа-человек приехал из своей далекой Элисты в Хатынь. На «Кладбище деревень» он ищет то село, где жил старый пастух, поделившийся с ним последней горбушкой черствого хлеба, показавший ему дорогу к партизанам. Нет теперь на Могилевщине того села, нет и того пастуха. Их земля, их прах теперь на «Кладбище деревень».

— Не могу ходить — ноги подкашиваются, не могу глядеть — боль глаза застилает, — говорит мой давний друг Михаил Хонинов. — Душа стонет, сердце кровью обливается, как погляжу на эти немые могилы, на этого бронзового человека, на эту «Стену памяти». Все это мертво, немо, но все кричит, болью и гневом входит в душу. Буду об этом писать. Кровью сердца буду писать про дорогую мне Беларусь, про ее партизан, про живых и мертвых...

Твердо верю — напишет. Нужно ему высказать свою боль и гнев свой, этому душевному человеку и поэту из далекой ковыльной степи. <...>

Александр Исбах

«...И ДРУГ СТЕПЕЙ КАЛМЫК...»

Очерк

I

...Это было сорок лет тому назад. Шесть тысяч человек со всей огромной калмыцкой степи собрались на Олимпиаду.

День и ночь скакали люди по степи на конях, мчались на машинах, покачивались на верблюдах. За ними шли стада, а в тарахтящих повозках везли кибитки. Люди пели песни про возрожденную страну. Им не могли помешать ни жестоко палящее солнце, ни песчаный ураган — калмыцкий дождь — ливни мелкого секущего песка, несущегося со стороны Каспийского моря.

Серебряные чеканные пояса на мужских бешметах и многоцветные ожерелья на женских нарядах горели на солнце.

Сильные порывы ветра подхлестывали коней, и высокие красные шапки женщин покачивались в воздухе.

В степи, возле Элисты, была воздвигнута эстрада. Лучшие люди улусов выходили к своему народу. Они плясали, пели, играли на скрипках, домбрах, трубах, гармониках, камышовых трубах.

Старый, седой и морщинистый народный певец джангарчи пел древнюю легенду о великом богатыре Джангаре, о своей чудесной, вечно молодой стране:

*Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда — весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласые и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна...*

У каждой песни, доносящейся с эстрады, свой ритм. Звучат народные калмыцкие напевы. С утра до ночи сидели тысячи людей перед степной эстрадой, кричали, хлопали, ободряли певцов и музыкантов.

Там, в степи, и состоялась моя первая встреча с Михаилом Хониновым, совсем юным учеником Калмыцкого техникума искусств.

На эстраде была показана драматическая постановка «Улан Сар» — «Большевицкая весна» в двух частях.

Первая часть — дореволюционный период. Как дурманили калмыцкий народ нойоны, гелюнги и ламы. Она носила ярко выраженный антирелигиозный характер. Вторая часть — становление Советской Калмыкии. «Большевицкая весна»... Создание первых колхозов...

Михаил Хонинов принимал участие в обеих частях постановки.

Особенно понравился он мне во второй части. В народном костюме, шелковом бешмете, перехваченном серебряным пояском, он проносился по всей эстраде в стремительном огневом танце. Многочисленные зрители и я в том числе долго рукоплескали юному танцору.

Миша Хонинов еще не раз появлялся на эстраде.

Он читал по-русски и по-калмыцки в своем переводе стихи Александра Сергеевича Пушкина:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...
... Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.*

Потом на «бис» читал на калмыцком языке басни Крылова в переводе поэта Санджи Каляева, а в заключение прочел еще одно стихотворение, так и не назвав автора.

Мы встретились с ним в тот же вечер. И он рассказал мне о своей жизни. Об отце, прославленном чабане, и о том, как сам помогал отцу, и как любит замечательных калмыцких коней, потомков легендарного коня Аранзала из «Джангара». Рассказал и о том, как пошел учиться в Цаганнурскую школу-семилетку. Как учил его один из первых калмыцких коммунистов Кегельдженов и как привил ему любовь к литературе. Какое впечатление произвел на него замечательный эпос «Джангар». Целых двенадцать глав он выучил наизусть.

Стесняясь, рассказал он мне и том, что в 13 лет сам стал писать стихи. Вскоре рискнул послать в элистинскую газету «Ленинские внучата» свое первое стихотворение «Табунщик». К великой радости его, стихи были напечатаны. Вот и сегодня он читал их на Олимпиаде.

А потом — год в школе колхозной молодежи в улусном центре Малые Дербеты. Он хорошо учился, выступал на вечерах самодеятельности, танцевал, играл в драматических сценках, декламировал целые главы из «Джангара», современные стихи, и сам продолжал писать. Он мечтал стать артистом и поэтом. Вскоре его дарование заметили и послали в Астрахань, в техникум искусств.

Так он стал актером. А вот сегодня выступал на праздничном концерте. Если мне понравилось его выступление, он очень доволен. А стихи свои он еще прочтет мне и, конечно, сам переведет на русский язык. Мы долго гуляли в ту ночь по степи. Ветер улегся, и большая веселая луна освещала нашу дорогу.

С того дня Олимпиады, с первой встречи, мы подружились с Мишей Хониновым. И при всякой встрече с калмыцкими друзьями я узнавал о нем, хотя самого его не встречал еще много лет. Знал, что вступил он в комсомол, а когда в 1936 году в Элисте был создан первый калмыцкий драматический театр, его приняли в театральный коллектив. Он играл в пьесе калмыцкого писателя Сян-Белгина «Энчин бек», играл в пьесах русских и иностранных классиков. В его репертуаре были и Островский, и Горький, и Шиллер, и Мольер... Все эти годы он продолжал писать стихи и выступал уже на страницах республиканских газет. Печатался и в журналах «Крас-

ное знамя» и «Ленинский путь». Он хорошо знал русский язык, и некоторые стихи сам переводил с калмыцкого на русский.

В 1939 году Михаил Хонинов был призван в Красную Армию. Окончил ускоренную школу младших лейтенантов.

В 1941 году с самого начала войны принял, командуя взводом, боевое крещение на Смоленской земле. На фронте и состоялась вторая моя встреча с Михаилом Хониновым.

II

28 июня 1944 года части 2-го Белорусского фронта форсировали Днепр севернее и южнее города Могилева, перерезали железнодорожную линию Могилев — Орша и ворвались в город. Всю ночь шел ожесточенный бой. Улицы простреливались сильным огнем противника. Огневые точки расположены были почти в каждом доме. Путь нашей пехоте расчищали штурмовая авиация и артиллерия. Солдаты штурмовали дом за домом.

К концу дня 28 июня Могилев был полностью освобожден. Из сводок исчезло Могилевское направление. Появилось — Минское.

Как корреспондент «Правды» и фронтовой газеты, я находился в частях 2-го Белорусского фронта.

После Днепра наши части форсировали Березину.

Второго июля был освобожден небольшой белорусский город Червень, расположенный недалеко от Минска. Третьего июля была освобождена столица Белоруссии — Минск. В Червене произошла встреча с белорусскими партизанами.

Впереди конного отряда партизан скакал молодой командир на вороном коне. Из-под барашковой кубанки, украшенной красным бантом, выбивалась волнистая прядь угольно-черных волос.

Я его узнал сразу, хотя после первой встречи прошло девять лет. И все же я спросил у одного из партизан: «Как зовут вашего командира?»

«Миша Черный», — ответил он, улыбаясь.

Это был он, Михаил Черный, мой друг. Возмужавший, прошедший, видимо, «сквозь огонь и воду».

Каких только встреч не бывает на фронтовых перепутьях. Михаил тоже узнал меня, соскочил с коня и радостно обнял. Части непрерывно двигались вперед. И не было у нас времени для долгих разговоров. Все же Михаил успел рассказать мне о том, как он стал партизаном, как воевал в лесах Белоруссии.

Уже впоследствии я узнал обо всем этом подробно и по архивным материалам, и по документальной повести командира 15-го Могилевского партизанского полка Александра Демидова, изданной в Элисте и в значительной мере посвященной Хонинову (она так и называлась «В атаку поднимался первым»), и по более поздним рассказам самого Хонинова, уже снова через годы, при третьей нашей встрече. Но об этом речь еще впереди.

В начале войны младший лейтенант Хонинов командовал взводом снайперов в составе Забайкальской дивизии, которая героически сдерживала натиск танковых соединений Гудериана под Смоленском.

Полк, в котором воевал Хонинов, попал в окружение и в жестких боях потерял значительную часть своего состава. Командир батальона капитан Орехов, возглавивший остаток полка, решил вырваться из окружения, пробиваться сквозь линию фронта, чтобы спасти людей и полковое знамя.

Самая опасная задача выпала на долю Хонинова. Ему было приказано командовать группой прикрытия. Хонинов со своими бойцами выполнил приказ командования, сдержал не одну атаку фашистов, помог полку вырваться из окружения. Но сам был тяжело контужен и потерял сознание.

Его нашла, спасла и выходила семья смоленских колхозников Стрельцовых... В глухую белорусскую деревушку Местино он пришел осенью 1941 года. В дороге он был обстрелян немецкой засадой на берегу Березины, упал в прибрежные заросли. И снова его заметила и спасла белорусская женщина Прасковья Вилиткевич.

А в апреле 1943 года был по решению Могилевского подпольного обкома партии создан уже 15-й партизанский полк, в котором Михаил Хонинов, прославленный партизан Миша Черный,

командовал одной из боевых рот. Конечно же, при нашей встрече в Червене, Миша не мог мне подробно рассказать обо всех боевых действиях полка, о которых уже слагались легенды и о которых позже написал в своей книге Демидов.

Обо всем обещал он рассказать при следующей встрече. Когда она состоится, мы, конечно, предполагать не могли. Уже впоследствии в книге «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков» была дана высокая оценка действиям 15-го партизанского полка.

«Организаторами его являлись т. т. Демидов А. С., Нижник И. П., Вилиткевич П. А., Прокопенко Н. Г., Хонинов М. В. и другие. Боевые операции полк проводил в составе Могилевской военно-оперативной группы. На протяжении всего периода полк наносил сильные удары по тылам немецко-фашистских захватчиков: организовывал диверсии на коммуникациях, устраивал засады, совершал массовые налеты на вражеские гарнизоны и железные дороги, истреблял живую силу и уничтожал технику противника. Партизаны 15-го полка внесли значительный вклад в общее дело разгрома фашистских оккупантов, посягнувших на свободу и независимость нашего народа».

А в партийном архиве Института истории партии при ЦК КП Белоруссии сохранилось немало документов об отваге и храбрости белорусского калмыка, пользовавшегося огромной любовью и уважением партизан и населения.

Хочется привести хотя бы два из этих документов:

«В июле 1943 года Хонинов блестяще выполнил поставленную командованием задачу — парализовать шоссейную дорогу Могилев — Довск. Тов. Хонинов силами своей роты методом минирования и засадного боя разбил свыше 60 автомашин, под обломками которых десятки немецких солдат и офицеров нашли себе могилу».

«19 мая 1944 года рота Хонинова совершила ночной бросок и ворвалась в укрепление противника в деревне Гореничи. Штурм укрепления прошел успешно. Перебито до 130 фашистских солдат и офицеров».

Так воевал артист и поэт Миша Хонинов, Миша Черный, «друг

степей», как прозвали его в белорусских партизанских отрядах. Тысячу дней и тысячу ночей. А в ту червенскую встречу успел он рассказать мне о только-только проведенной, последней операции. В ту ночь на 1 июля 1944 года Хонинов со своей ротой переправился на лодке через Березину. По заданию командования партизанского штаба он должен был перерезать шоссе на Минск — между Березиной и Червенем, создать на шоссе заслон, чтобы не допустить отхода немецких частей по шоссе на запад, чтобы помочь победоносному наступлению частей Красной Армии.

Болотистая местность по сторонам шоссе не давала возможности продвижению немецких танков. В распоряжении роты Хонинова было орудие ПТР, две пушки «сорокапятки», четыре противотанковых ружья, пулеметы Максима, ручные пулеметы Дегтярева, трофейные немецкие автоматы. Хонинов и его бойцы выполнили свою задачу, разбили шесть немецких бронетранспортеров, помогли продвижению наших регулярных частей.

Об этой своей последней партизанской операции Миша рассказывал мне горячо и взволнованно.

— А стихи, Миша, — спросил я, — стихи еще пишешь?

— О, — воскликнул он, — я не могу жить без стихов. Пишу всегда, в любой обстановке.

И он, объяснив содержание стихотворения, прочел по-калмыцки набросок «Мать с Березины», много, много позже оформившийся в одно из лучших его стихотворений, переведенных Александром Николаевым. О женщине-белоруске, Прасковье Андреевне Вилиткевич, которая тогда, в сорок первом, спасла ему жизнь/

*... Я пешком обойду всю планету,
На вершину мира взберусь,
Пусть мой голос гремит по свету:
Хай живе моя мать Беларусь!..*

Но минуты нашей встречи были уже на исходе. Миша еще раз обнял меня, лихо вскочил на коня и умчался вперед.

«До следующей встречи!..»

III

Следующая, третья встреча с Михаилом Хониновым состоялась... через 23 года. Конечно, я за эти годы не раз слышал о нем, знал, что исполнилась его мечта, и он стал признанным поэтом. Читал я и книгу его стихов, переведенных на русский язык многими хорошими поэтами и изданную в Элисте («Гимн человеку»). Стихи были посвящены родной Калмыкии и любимой Белоруссии, ставшей второй родиной калмыцкого поэта. На калмыцком, русском и белорусском языках у него вышло уже немало книг. Он стал членом Союза писателей.

Много рассказывал мне о Хонинове и мой друг, народный поэт Белоруссии Петрусь Бровка, написавший предисловие к его книге, в которую вошло и стихотворение «Мать с Березины».

В этом предисловии П. Бровка писал: «В стихах его чувствуется по-настоящему биение пульса нашей жизни... У Хонинова яркие стихи о дружбе, о борьбе за мир. Много и хорошо сказано Хониновым о войне. Это не удивительно. Ведь сам он был отважным воином и, что меня особенно волнует, храбрым партизаном в белорусских лесах. Вся советская земля ему родная. И все советские люди — ему братья. Он восторженно говорит о великом русском народе, о всей нашей великой многонациональной семье».

От друзей, калмыцких писателей, я узнал, что Миша Хонинов был награжден орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны первой степени».

...В сентябре 1967 года начинались занятия очередного «призыва» Высших литературных курсов. И здесь, среди курсантов — писателей всех республик Советского Союза, я снова увидел его, боевого партизана и известного уже поэта. Со времени первой нашей встречи прошло больше тридцати лет. Но таким же огнем горели его совсем молодые глаза, такой же ослепительной была улыбка.

Третья наша встреча продолжалась два года... Бывший чабан, артист, партизанский вожак, боевой командир роты постигал мудрости философии, политической экономии, истории, литературы,

литературного мастерства. На очередном экзамене он рассказывал мне о творчестве Луи Арагона и Поля Элюара, стихи которых очень полюбились ему, особенно стихи, посвященные Сопrotивлению, борьбе с фашизмом.

И преподаватели, и товарищи по курсам полюбили горячего, неугомонного калмыцкого поэта. Поэты — слушатели курсов переводили его стихи. Немало стихов русских, белорусских, поэтов других республик переводил и он на калмыцкий язык. Особое место занимала в его переводе белорусская поэзия: Янка Купала, Петрусь Бровка, Максим Танк, Аркадий Кулешов, Пимен Панченко, Анатолий Велюгин. Это было проявление той задушевной дружбы народов, которой всегда отличались Высшие литературные курсы. Их окончили в разное время и калмыцкие писатели — народные поэты Калмыкии Давид Кугультинов и Константин Эрендженев, а также Алексей Балакаев, Бося Сангаджиева, Тимофей Бембеев.

Мы часто встречались с Хониновым после учебных часов. Он рассказывал мне о своих творческих планах.

Стихи его получали высокую оценку и на творческих семинарах.

В январе 1969 года отмечалось пятидесятилетие (!) со дня рождения Михаила Хонинова, он получил много поздравительных писем от друзей, от земляков-калмыков и от боевых соратников — партизан Белоруссии.

К Почетным грамотам РСФСР и Калмыцкой АССР прибавилась и Почетная грамота Верховного Совета Белорусской ССР.

В одном из стихотворений, переведенном на русский язык С. Липкиным, талантливым поэтом, переводчиком «Джангара», Хонинов писал:

*Белорусы — это стойкость богатырей,
Белорусы — это слезы и возмездие матерей,
Это — гордость и это твердость святой борьбы,
Это — юность партизанской моей судьбы,
Это — штаб в грозные годы у той ольхи,
Где читал я по-калмыцки свои стихи...*

А вскоре «Правда» сообщила о том, что «правление колхоза “Советская Белоруссия” (на Могилевщине) присвоило звание почетного колхозника калмыцкому поэту Михаилу Хонинову».

...После окончания курсов Хонинов вернулся в Элисту.

В Москве вышло несколько новых книг поэта: «До последней атаки» («Советская Россия»), «Битва с ветром» («Советский писатель»). И вот сейчас на столе моем лежит выпущенная издательством «Современник» к 50-летию образования СССР книга стихов Хонинова «Все начинается с дороги».

В прекрасно оформленном этом сборнике стихов, отлично переведенных русскими поэтами, нашла свое отражение вся горячая жизнь калмыцкого поэта, крепко связанного со всей жизнью своего народа.

Сочетание высокого эпоса, берущего свои истоки в «Джанга-ре», с сокровенной лирикой отличает творчество Хонинова.

В стихотворении «Аранзал» поэт пишет:

*В сорок первом,
В мерцании зарев
Поскакал я навстречу войне
На моем золотом Аранзале —
Длинноногом калмыцком коне.
Трижды ранен и принят семьей
Белорусских друзей-партизан,
Шел я в бой,
Чтоб над русской землею
Не глумился
Пруссак — «Чингисхан».
Под Смоленском и у Могилева,
В Приднепровье, на Березине,
Я участвовал в битвах суровых
На калмыцком своем скакуне...
(Пер. А. Кронгауза)*

И, конечно, одна из основных тем сборника — тема дружбы народов, любовь к Родине.

*В дни войны, когда Гитлера танки
Шли стеной, все сжигая дотла,
Мне родная земля помогла
Уцелеть до последней атаки.
Потому и сегодня я в силе
И покоя душе не прошу,
Мои корни в земле, я дышу
Чистым воздухом милой России.
(Пер. А. Грекова)*

Такой же любовью к Родине пронизаны «Стихи о Волге»:

*...Где бы ни был,
помни Волгу-Мать,
С нею тебе жить и побеждать.
(Пер. О. Шестинского)*

IV

...Михаил Хонинов — частый гость советской Белоруссии, на земле которой доблестно сражался он с немецкими фашистами.

Вот и совсем недавно побывал он у «Стены памяти», сурового мемориального комплекса в Хатыни, у вечного памятника сотням белорусских сел и деревень, которые были сожжены немецкими оккупантами.

Белорусский писатель Антон Белевич в своей книге «Хатынь: боль и гнев», рассказывая о нескончаемом потоке людей, посещающих хатынский мемориальный комплекс, пишет:

«Хатынь — это бронза и камень. Хатынь — это безмерная людская скорбь. Хатынь — это памятник всем пепелищам нашей земли. Хатынь — это символ мужества нашего...».

И дальше:

«Из своих ковыльных степей в Хатынь приехал калмыцкий поэт Михаил Хонинов...».

И он сказал Белевичу у «Стены памяти»:

«Кровью сердца буду писать про дорогую мне Беларусь, про ее партизан, про живых и мертвых».

«Твердо верю — напишет», — заключает Антон Белевич.

...А совсем недавно, рассказывая мне о своих будущих планах, Михаил Хонинов поведал, что мечтает написать большое эпическое произведение «Еще горит Хатынь». Он расскажет о хатынской трагедии, о трагедии японской Хиросимы, о трагедии вьетнамского селения Сонгми. Об этом сейчас думает непрестанно, делает первые наброски, собирает материалы.

Думает он и о прозаической трилогии, где расскажет о первых месяцах войны на Смоленской земле, о белорусских партизанах и о сегодняшней Калмыкии.

Я смотрел на энергичное, волевое лицо поэта, вспоминал его первое выступление на Олимпиаде в степи, вспоминал весь его жизненный и творческий путь, и мне верилось, что планы и мечты калмыцкого поэта-коммуниста будут воплощены в жизнь.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН БЕРЕЗИНО

Целую неделю находился у нас на Березинщине известный калмыцкий поэт Михаил Хонинов. Он посетил колхозы имени Ильича и «Ленинские дни», побывал в деревнях Журовка, Боровой Мост, Селище, Гореничи, Глухой Ток, Мирославка, Селиба и Местино, с которыми связана его подпольная и партизанская деятельность в годы Великой Отечественной войны, был гостем учеников и учителей Березинской средней школы № 1, встречался с боевыми братьями.

Все эти встречи носили теплый и сердечный характер, имели большой взаимный интерес.

На высоком уровне прошел и творческий вечер поэта. Со словами приветствия в адрес Михаила Ванькаевича обратились быв-

шие организаторы партизанского движения в районе К. А. Баранов, М. Ф. Пыж, второй секретарь райкома комсомола Г. Я. Стрижевич, секретарь РК КПБ М. М. Чепурной.

Председатель исполкома городского Совета депутатов трудящихся И. В. Казаченок зачитал решение о присвоении Михаилу Ванькаевичу Хонинову звания почетного гражданина города Березино, вручил ему свидетельство № 1 и повязал ленту. Имя поэта будет занесено в Книгу народной славы города.

Дорогого гостя приветствовали пионеры. Были поднесены живые цветы и сувениры.

В заключение, тепло встреченный присутствующими, выступил М. Хонинов. Он поблагодарил за оказанную высокую честь, пообещал всеми силами оправдать ее и прочитал несколько своих стихотворений.

С переводами произведений М. Хонинова на белорусском языке выступил Алексей Пысин, который живет и работает в Могилеве.

Вечере также приняли участие члены литературного объединения при райгазете «Знамя Ленина».

г. Березино Минской области.

ОГНЕМ И ДРУЖБОЙ ПРОВЕРЕНО...

Народный поэт Белоруссии Петрусь Бровка сказал о нем:

«В стихах Михаила Хонинова я почувствовал поэта, хорошо знающего жизнь и горячо любящего свою землю и свой народ. Так может писать человек, сам участвующий в гигантском строительстве наших дней. И еще одно в поэзии Хонинова — я вижу в ней не вообще поэта, а певца родной его сердцу Калмыкии, с образами, выросшими на калмыцкой почве, с голосом ее безбрежных степей».

Свое шестидесятилетие калмыцкий поэт отметил на белорусской земле — в городе Березино, почетным гражданином которого

он является. И еще у него есть высокие звания: почетный колхозник трех колхозов Могилевщины. В годы Великой Отечественной войны сын Калмыкии стал и сыном Белоруссии, белорусским партизаном.

Трудная военная судьба забросила его в белорусские леса. В деревне Местино, что на Березинщине, Михаил Хонинов организовал подпольную группу, которая быстро выросла в партизанский отряд. В кличевских лесах лейтенант Хонинов стал коммунистом. Командуя ротой народных мстителей, лично взорвал несколько мостов, пустил под откос два вражеских эшелона с живой силой и техникой. Не поскупились фашисты в оценке его головы: многие тысячи марок обещали за поимку неуловимого мстителя Миши Черного.

Лишь когда отгремели бои, Михаил Хонинов сменил боевой автомат на перо. Сегодня мы знаем многие его книги — более тридцати поэтических сборников, документальную повесть «Миша Черный — это я!», роман «Помнишь, земля смоленская». Его стихи переведены на языки десятков народов нашей страны и за рубежом. Высокую оценку им дали читатели, а также собратья по перу. «Эта небольшая, но глубоко волнующая повесть стоит многих эпопей, — сказал о его партизанской повести народный поэт Белоруссии Максим Танк. — Написана она кровью. Каждое слово выстрадано вместе с народом, проверено и холодом, и голодом, огнем и дружбой».

Поздравляя Михаила Хонинова с шестидесятилетием со дня рождения, мы желаем ему новых успехов в труде на поэтической ниве.

Алексей Пысин

ДОМБРЫ МНОГОСТРУННАЯ ПЕСНЯ

Калмыцкому писателю Михаилу Хонинову — 60 лет

Михаил Хонинов. Давно породнился он с нашей Могилевщиной, стал для нас родным и близким. И кажется, он все время с нами.

Вспоминается недавняя наша осень. Хонинов вновь на Могилевщине, и его каждый узнает не только потому, что он калмык. Вот идет он по Могилеву с друзьями: невысокого роста, коренастый, улыбчивый, бодрый. А друзья его: один со Смоленщины специально приехал, чтобы встретиться, другой — из одной близкой деревни, бывший секретарь подпольного райкома комсомола, третий — бывший фронтовик.

Хонинов все время перед людьми, на виду. В областной библиотеке имени Ленина проводится трехчасовой литературный вечер, посвященный творчеству Хонинова. Читатели активно и заинтересованно обсуждают его книги: роман «Помнишь, земля смоленская», документальную повесть «Миша Черный — это я!», сборник стихов на белорусском языке «Журавли над степью». На этом вечере писатель дает отчет ветеранам Великой Отечественной войны, бывшим партизанам, школьникам и студентам. После вечера Хонинов целую неделю выступает на предприятиях и учебных заведениях Могилева. Не обходится без его участия и литературный вечер в колхозе им. Энгельса Бельничского района. Вновь посещает колхоз «Советская Белоруссия» Кличевского района, где он является почетным колхозником. А потом поездка в город Березино, где М. Хонинов — почетный гражданин. И везде звучит его пламенное слово, звонкие вдохновенные строки на языках калмыцком, русском и белорусском. Звонит многострунная дombra поэта, прославляя братскую нам Калмыкию, ее широкие степи с ковыльной травой и курганами. И слышна музыка ветра в конских гривах. В песне поэта — Днепр и Ольса, дружба народов, которую он возвышенно славит. И каждый раз мы слышим сердечные слова:

*Я пешком обойду всю планету,
На вершину мира взберусь,
Пусть мой голос гремит по свету:
«Хай живе моя мать Беларусь»!*

Навсегда, по-сыновнему породнился Михаил Хонинов с Белоруссией в годы Великой Отечественной войны. После боев на Смоленщине в самом начале войны лейтенант Хонинов, вырвавшись из вражеского окружения, нашел дорогу в партизанский лес под Кличевом. О своих боевых делах в тылу врага, о своих 1080 огненных партизанских днях и ночах он рассказал в автобиографической повести «Миша Черный — это я!». Все, о чем пишет Михаил Хонинов в этой повести, происходило на Могилевщине. Все это лично пережитое, документально правдивое. И пущенные под откос эшелоны врага, и взорванные мосты, и безоруженные вражеские гарнизоны. В повести созданы запоминающиеся образы боевых друзей. Волнуют многие страницы.

Творчество Михаила Хонинова, известного советского писателя-интернационалиста, взошло и набрало силы на родной калмыцкой почве, вобрало в себя красоту и мудрость народной души. Тем она и интересная и для нас, белорусов, и для читателя всесоюзного. Многие страницы его прозы представляют поэтический калмыцкий эпос. Свой монолог ведут и деревья, и травы, и поле, они дополняют образ человека-воина, дают ему душевную поддержку и силы.

Одна из книг Михаила Хонинова вышла в переводе на белорусский язык под названием «Журавли над степью». Значительная часть стихов в ней посвящена Могилевщине, Белоруссии. Это — «Кличев», «Третье июля», «Бой на переправе», «Бывает, раны вновь заноят...», «Пулеметчик Мутул», «Лес», «Почетное звание» и другие.

Деятельности Кличевского подпольного райкома партии, боевым делам партийных работников, которые были организаторами всенародной войны против фашизма во время вражеской оккупации, посвящена поэма Михаила Хонинова «Мой райком», переве-

денная на белорусский язык и опубликованная в нашей периодической печати.

Заканчивается поэма таким проникновенным монологом:

*Столицу партизан с тех пор —
Глаза закрою — вижу сразу.
О ней поет и сосен хор,
И голос Ольсы синеглазой.
Поют о сказочных делах,
И мы припомним вместе с ними
О тех сороковых годах,
Когда мы были молодыми.
Я — сын степей,
Душою там,
В лесах, в полях,
У Ольсы ясной,
Когда брожу я в ковылях...
О, как в степи они прекрасны!..*

Вот и Михаилу Хонинову же 60. Но не стареет он сам, не стареет его песня. И он, и его песня всегда в пути.

Заир Азгур

И КАЛМЫК С БЕЛОРУСОМ — БРАТЬЯ

Автор этих заметок — известный белорусский советский скульптор, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, автор многих произведений, получивших широкую известность. Дружеские отношения связывают его со многими художниками и писателями братских республик, в том числе и Калмыкии. З. Азгур проявляет интерес к искусству и литературе нашей республики, к тем, кто создает художественные ценности.

Статья «И калмык с белорусом — братья» была напечатана в

белорусской республиканской газете «Звезда» («Звезда») 20–21 октября этого года. Предлагаем читателям ее перевод.

<...> Проходили годы, и снова услышал я этот напев гласных с неожиданными краткими звуками, снова смотрели на меня глаза, которые привыкли встречать песчаные бури. И снова зазвучали в моей мастерской стихи, афоризмы, легенды. Работал я над портретом Миши Черного. Так звали этого человека партизаны, с которыми вместе он мужественно сражался против немецко-фашистских оккупантов в нашей Беларуси. Ветераны войны, собираясь и до сих пор на местах бывших партизанских костров, где-нибудь в Кличевском или Березинском районах, вспоминают отвагу и веселую натуру Михаила Хонинова, и звучат под соснами его стихи. Михаил Ванькаевич чем-то напоминал мне моего коллегу Никиту Санджиева, хотя и был личностью совсем другой, даже оригинальной. При всей непосредственности своих жизненных наблюдений и впечатлений этот поэт доискивался какой-то своей глубины мысли, слагал свою мозаику слов. Меня тронуло до еле сдерживаемой слезы то, что он поклонился моему портрету Аркадия Кулешова, как это делал когда-то Н. Санджиев перед портретом Батьки Миная.

Заветный поэтический язык для М. Хонинова — это инструмент художественного исследования реальности.

— Художник пишет не только опытом своей сознательной жизни, а как бы всей своей биографией, начиная с первого крика в родильном доме, — говорил мне Михаил Ванькаевич. — То интуитивное и подсознательное, что руководит нами в творческом акте, не менее, чем сознательная воля, — оно и в наших генах, и в приобретенном нами опыте... Бывает, что-то берет верх: то интуиция, то опыт...

Я — опытный дискуSSIONЕР в таких вопросах, но с Мишей тогда соглашался. Видимо, когда я делаю портрет того же М. Хонинова, моими симпатиями руководит и почти что забытая мною материнская колыбельная, и моя память сердца о витебских детских «университетах». Я только не думаю об интуитивных своих

импульсах. Темпераментное наполнение созданного образа уже не разложить на элементы.

А поэт? Для него же слагать стихи — это как дышать.

Я мог бы подробно оценивать стихи М. Хонинова, которые так чудесно, поэтично перевел на белорусский язык поэт солдатского долга Алексей Пысин, да только стоит читать их полностью и в минуту определенного настроения. К тому же М. Хонинов рассказал о себе в содержательной книжке, и советую вам прочитать ее — это документальная повесть «Миша Черный – это я!».

Каждый из нас, кто имеет высокие награды, гордится некоторыми из них особенно. Так вот, Миша более всего гордился тем, что он — почетный гражданин города Березино и почетный колхозник «Советская Белоруссия» Кличевского района.

— Я всегда плачу, когда посещаю те места, — говорил он мне, этот мужественный человек, казалось бы, избавленный сентиментальной чувствительности. — Калмык — почетный колхозник «Советской Белоруссии»... Символ братства!

Михаил Ванькаевич оборвал свои слова, расчувствовался тогда и я, мы обняли друг друга, потом долго молчали.

И внешне, и темпераментом своим, и артистическим строем души Хонинов походил на моего старого друга Н. Санджиева; одно отличало его решительно — он был именно поэтической натурой. Звенела в его сердце песня, и ты всегда догадывался, что есть она у этого человека...

Говорят, будто каждому человеку родным может быть один язык — тот, на котором мать пела ему колыбельную, на котором он признается в своих чувствах любимой, на котором просит, изжаждавшись, кружку воды... Миша сразу подчеркнул, что истина эта неопровержимая, да только самые неопровержимые истины, по его словам, уточняются ходом истории. Миша Черный обессиленным попал в тылу врага в крестьянский дом, и обыкновенная женщина-белоруска спасла его, как говорят, «поставила на ноги», и он снова мог бить врага. Так вот с той женщиной, которая для Миши дорога, как мать родная, они говорили по-русски. И это было естественно, ибо язык не только объединял их духовно, а

был как бы силой, что противостоит вражьей напасти — фашизму. Минула война. Пришло время, Миша вернулся в отчий край, склонил над могилами родных голову и плакал, высказывая горе на родном калмыцком языке. И это было тоже естественно. И так он жил благодаря судьбе одинаково искренне и по-русски, и по-калмыцки, благодаря двум матерям — родной и той, что сохранила ему, взрослому человеку, который чувствовал все прекрасное и неповторимую уникальность своей жизни, эту самую жизнь. Помню его признание:

— Щемящее это чувство.

Я читаю его стихотворение «Три ответа», в котором герой поэтической баллады утверждает, что его заветное желание — кусок хлеба; тот же герой в калмыцкой степи на тот же вопрос о главном желании отвечает — калмыцкого чая он жаждет; в семейном кругу тот же человек признается, что ему нужен друг, с которым он мог бы искренне говорить обо всем в мире, грустить вместе и радоваться. Это утверждение действительно естественных и действительно человеческих ценностей — не так ли?

Братство, взаимопонимание, дружба, то, что основано на ленинских принципах, вносит восприимчиво новое в самую действительность.

С каким веселым лицом говорил мне М. Хонинов о том, как его собственные представления театрально-литературного происхождения находили подкрепление в жизни.

— Пьесу «Человек с ружьем» — знаешь? Хорошо. Так вот, когда-то я мечтал сыграть в ней роль солдата Шадрина. Жизнь сделала почти что так, как я мечтал: мне приходилось с автоматом в руках врывать в белорусские села, и меня не боялись крестьяне, ибо не нужно бояться человека с ружьем, когда он борется за правду и справедливость... — говорил он.

Миша привез мне привет от Никиты Санджиева. А вскоре и сам я, завершив работу над памятником В. И. Ленину в городе Гурьеве, навестил столицу Калмыцкой АССР — Элисту. Воочию увидел безбрежный степной простор, сам следил за тем, как парит в голубизне неба орел. Мне показали оригинальное здание калмыцкого

национального театра и хранилище богатств изобразительного искусства. Меня встречали как друга Никиты Санджиева и Михаила Хонинова. Я листал калмыцкие газеты и книги, я слушал песни, проникнутые задумчивой прелестью и сдержанно мужественные. Снова и снова думал я о той глубинной связи личной судьбы человека с социально-историческими процессами, которая стала характерной чертой нашего времени, нашей эпохи...

III ДОКУМЕНТЫ

Удостоверение партизана Великой Отечественной войны

М. Хонинов. Мемориальная доска. Беларусь, г. Березино, ул. им. М. В. Хонинова, д. 29. 08.02.2019 г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя, отчество Ханинов Михаил Ванькович (так в документе — *Р. Х.*)
2. Звание мл. лейтенант.
3. Должность, часть — ком. роты 15 п/п
4. Представляется к Ордену Красное Знамя.
5. Год рождения — 1919
6. Национальность — калмык
7. Партийность — член ВКП(б)
8. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда). На защите г. Демидов и Смоленск с июля 1941 г.
9. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — одно ранение
10. С какого времени в Красной Армии — с 1939 г.
11. С какого времени в партизанском отряде — с мая 1942 г.
12. Чем ранее награжден (за какие отличия и когда) — не награждался.
13. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи — г. Элиста, Калмыцкая АССР, Калм. гос. театр.

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Будучи командиром роты, взорвал ротой 60 немецких автомашин и 3 воинских эшелона. Лично взорвал 2 воинских эшелона, 3 автомашины и один мотоцикл, при этом уничтожил 40 немецких солдат и офицеров, в том числе одного капитана и начальника участка шоссе на дороге Пропойск — Рогачев. Разложил немецкий гарнизон в г. Пропойске и селе Ректа, в результате чего 50 полицейских с оружием перешло на сторону партизан.

Во время блокировки в Хачинских лесах в октябре месяце 1942 г. командовал ротой, находился на линии обороны 17 дней, отражая атаки гитлеровцев. Участвовал в 13 боях с немецко-фашистскими оккупантами.

Во всех боях проявил личное мужество и храбрость. Проявил активное участие в формировании 15 п/полка, сформировал 5-ю роту, набрав людей и вооружение.

Предан делу Ленина-Сталина и Социалистической Родине.

Командир п/отряда (подпись) комиссар (подпись)

Начальник штаба (подпись)

30 января 1944 г.

30.3.44

Представить к правительственной награде ордену Красное Знамя.

Секретарь Кличевского РК КП(б)Б — Заяц.

Командир ВОГ майор (подпись)

Нач. штаба ВОГ (подпись)

Достоин правительственной награды ордена Красное Знамя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30. XII. 1948 г. награжден орденом Красного Знамени.

Верно: зав. сектором партархива Института истории партии при ЦК КПБ

В. Давыдова.

Копия из личного архива М. В. Хонинова.

**ОТДЕЛ ПО УЧЕТУ И РЕГИСТРАЦИИ НАГРАЖДЕННЫХ
при Секретариате Президиума Верховного Совета БССР
19. 3. 1949 г.**

Красноярский край,
Назаровский р-н, УВСП-546
тов. Ханинову М. В.

Сообщаю, что Вы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1948 года награждены орденом Красного Знамени.

Вручение Вам награды будет организовано через Президиум Верховного Совета СССР по месту Вашего жительства.

Заведующий отделом Ф. Тарасевич

Из личного архива М. В. Хонинова.

БОЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ М. В. ХОНИНОВА

ХАРАКТЕРИСТИКА

боевой деятельности бывшего командира роты 15-го партизанского полка Кличевской военно-оперативной группы Могилевской области Белорусской ССР тов. ХОНИНОВА М. В.

г. Плещеницы 22 октября 1957 г.

Я, бывший секретарь партийного бюро, а в 1943-44 гг. начштаба партизанского полка № 15, ныне председатель Плещеницкого райисполкома Минской области Белорусской ССР Вилиткевич Петр Антонович знаю тов. Хонинова Михаила Ванькаевича с октября 1941 года по июль 1944 года по совместной борьбе в рядах белорусских партизан против немецко-фашистских захватчиков.

Тов. Хонинов М. В. в октябре 1941 года прибыл в дер. Местино Березинского района Минской области Белорусской ССР, где временно проживал в семье колхозницы Козаченок Г.

С первых дней Хонинов М. В. начал искать связи с местными патриотами и проживающими в дер. Местино и окружающих деревнях бойцами и командирами частей Советской Армии.

В короткий срок сложилась подпольная группа, одним из активнейших участников которой явился Хонинов М. В. Подпольная группа начала сбор оружия и организацию партизанского отряда. В конце апреля 1942 года партизанский отряд в составе 75 бойцов начал боевые действия. Был разбит и потоплен немецкий буксирный пароход с баржами на р. Березина, разгромлен полицейский гарнизон в дер. Остров, волость в дер. Селиба. Будучи начальником штаба отряда, тов. Хонинов принимал личное участие в боевых операциях и являл пример мужества и храбрости для всех бойцов.

В конце мая 1942 года наш отряд объединился с более крупным отрядом в один партизанский отряд № 208. В составе этого отряда тов. Хонинов М. В. принимал участие во многих боевых операциях.

Весной 1943 года по решению Могилевского подпольного об-

кома из состава партизанского отряда № 208 была выделена оперативная группа и направлена в Пропойский район для организации партизанского движения. Оперативная группа в короткий срок пополнилась за счет массового вступления в ряды партизан советских патриотов и получила наименование 15-й партизанский полк.

Хонинов М. В. был назначен командиром роты, в этой должности находился до соединения с частями Советской Армии в июле 1944 г. В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Хонинов М. В. проявил высокий героизм и храбрость.

Как боец и командир Хонинов пользовался большой любовью и уважением со стороны партизан и населения. Партизаны любовно называли Хонинова «Черный Михаил», а его роту «дикой дивизией». Командование партизанского полка поручало роте под командованием Хонинова М. В. самые сложные и опасные задания по уничтожению немецко-фашистских гарнизонов и организации диверсий на вражеских коммуникациях.

С группой бойцов в 2–3 человека Хонинов М. В. пробирался в расположение вражеских гарнизонов и «выкрадывал» солдат и офицеров. Разложил полицейский гарнизон гор. поселка Пропойск (ныне Славгород) Могилевской области и организовал переход на сторону партизан свыше 30 полицейских.

Особенно проявил себя как стойкий патриот и храбрый, самоотверженный командир Хонинов М. В. в период блокады партизанских сил в районе Пропойска крупными вражескими силами в октябре-ноябре 1943 года.

Рота под командованием Хонинова М. В. стойко обороняла мост через речку Ухлясть, отражая по 8–10 яростных атак фашистов с целью пробиться в расположение партизан. Во время прорыва партизан из блокады рота под командованием Хонинова входила в ударную группу для прорыва вражеской линии и с честью справилась с этой задачей.

За самоотверженную борьбу против немецко-фашистских захватчиков в рядах белорусских партизан Хонинов Михаил Ванькаевич достоин высокой правительственной награды.

К сему П. Вилиткевич.

Помета: Собственноручно подпись тов. Вилиткевича П. А. удостоверяю.

Секретарь Плещеницкого райисполкома *В. Цыбульский*.

НА РК, ф. П-966, оп. 2, д. 30, л. 9–10. Копия.

Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост. В. З. Атуева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 321–322.

**ХАРАКТЕРИСТИКА
боевой деятельности бывшего командира взвода
208-го партизанского отряда
Кличевского района Могилевской области БССР
Хонинова М. В.**

г. Минск 24 октября 1957 г.

Я, бывший секретарь партизанского бюро 208 партизанского отряда, а затем комиссар 208 партизанского полка с октября 1941 г. по август 1944 г., ныне директор винного завода города Минска БССР, ЩЕРБАКОВ Роман Иванович, знаю тов. Хонинова М. В. с 17 апреля 1942 года по апрель 1943 года по совместной борьбе с фашистскими захватчиками в глубоком тылу врага. Тов. Хонинов М. В., будучи в должности командира взвода, в большинстве действовал на диверсионных работах по взрыву железных дорог, мостов и в разведке. В частности, тов. Хонинов Михаил Ванькаевич в августе и октябре 1942 г. в районе Тощица Могилевской области лично пустил под откос два вражеских эшелона с живой силой и техникой. В первом эшелоне были разбиты 19 вагонов с солдатами и офицерами, а паровоз был сильно поврежден. Четверо суток по этой линии вражеские поезда двигались с большими перебоями. Вторично на этом участке самодельной партизанской миной в 800 метрах пустил под откос еще один эшелон. На этот раз эшелон был загружен боевой техникой. Взрывы одновременно раздались в двух местах под платформами. Обломки разбитой техники немцами были отправлены обратно в г. Минск. Охрана поезда погибла под обломками вагонов.

В июле 1942 года тов. Хонинов М. В., когда 208 п/о находился длительное время в окружении в Кличевском лесу, по заданию партийного бюро и командования отряда проник в расположение немецких войск в дер. Бердо (которыми командовал Гилль) с агитационными листовками. В результате из войск Гилля на сторону 208 п/о перешли 50 солдат разных национальностей из европейских стран. И, кроме того, разведка ими была проведена точно и

своевременно. Отряд из окружения вышел там, где враг не ожидал, с большими вражескими трофеями. В ноябре 1942 г. тов. Хонинов М. В. при разгроме гарнизона в местечке Свислочи первым переплыл в лодке, под сильным огнем противника минировал в четырех местах большой деревянный мост длиной 180 метров и взорвал. Мост был окончательно выведен из строя, и после взрыва фашисты больше не смогли восстановить его. В начале апреля 1942 года тов. Хонинов М. В. со своим взводом прикрывал дорогу со стороны местечка Березино при разгроме крупного немецкого гарнизона в местечке Погост. Его взвод сражался в течение 3,5 часов против одной немецкой роты и сжег одну автомашину с солдатами и офицерами, а своих людей он вывел без потерь и обеспечил планомерный отход всего личного состава отряда после успешной операции.

В середине апреля 1942 года при разгроме немецкого гарнизона в деревне Колбче Кличевского района со своим взводом первым штурмовал дзоты противника и водрузил партизанский стяг на его логове.

Среди партизан 208 отряда тов. Хонинов М. В. пользовался большим авторитетом как народный мститель, командир, организатор, агитатор среди населения, резко отличался своей дисциплинированностью и исполнением всех боевых приказов начальства.

В 208 п/о его мы звали «друг степей» (партизанская кличка), а позже, когда в 1943–1944 г. он действовал между Днепром и Сожем в 15 партизанском полку, его рота была грозой для фашистов на шоссейной магистрали Варшава — Москва. Фашисты его роту именовали «дикой дивизией», а его самого — «Мишкой Черным». Его героической борьбой восхищались не только партизаны, но и народы Могилевщины. За беззаветную преданность советскому народу и социалистической Родине и за выполнение ряда ответственных и сложных заданий в тылу врага в годы Отечественной войны 1941–1945 гг. тов. Хонинов Михаил Ванькаевич заслуживает высокой награды от нашего Советского правительства.

К сему Р. Щербаков.

Помета: Собственноручно подпись тов. Щербакова Р. И. удостоверяю.

Секретарь исполкома Минского райсовета депутатов трудящихся

Я. Ельников.

НА РК, ф. П-966, оп. 2, д. 30, л. 11–12. Копия.

Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост. В. З. Атуева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 323–324.

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

тов. Хонинова Михаила Ванькаевича, 1919 года рождения, бывшего партизана 208 партизанского отряда, а затем командира роты 15 партизанской полка Могилевского партизанского соединения, уроженца Калмыцкой автономной области, действовавшего в партизанах с первых дней Отечественной войны до июля 1944 г.

26 октября 1957 г.

Тов. Хонинов Михаил Ванькаевич с первых дней Отечественной войны, будучи участником подпольной работы в Березинском районе Могилевской области, стал активно готовить вместе с другими подпольщиками советских граждан к открытому выступлению против немецких захватчиков, действовавших силами карательных отрядов по 70–80 человек с целью насаждения «нового гитлеровского порядка», чем снискал себе славу организатора партизанского движения в Березинском районе. Личные подвиги в партизанской борьбе тов. Хонинова проявились в период с 1942 года по день соединения с Советской Армией — июль 1944 года. Не страшась смерти, он смело участвовал во всех боевых операциях 208 прославленного партизанского полка. Под кличкой «Мишка Черный» он направлялся на важнейшие участки боевых заданий, так было в бою под Кличевом, Сушей, при подрыве вражеских эшелонов, в открытых боях, при проведении рельсовой войны и разгроме гарнизонов, так было в день соединения с войсками Советской Армии, когда он своей ротой сдерживал до двух полков немцев, пытавшихся прорваться из окружения на запад.

Успешные героические боевые действия тов. Хонинова привлекли внимание не только партизан и командования 208 партизанского полка, но и руководства Могилевского подпольного обкома партии.

Когда в целях расширения пламени партизанской борьбы в феврале 1943 года из 208 партизанского полка выделялась инициативная группа партизан во главе с командиром Демидовым, комис-

саром Нижником и начальником штаба Вилиткевичем с целью засылки ее из Кличевского района в районы левого берега Днепра — Пропойский, Журавичский, Чаусский и др. районы, был включен как смелый, энергичный и стойкий в боях партизан тов. Хонинов с зачислением его на должность командира роты. Рота и в целом полк доросли очень быстро до уровня боевой части. Из числа местного населения тов. Хонинов привлек 430 человек, [захватил] в бою и [собрал у] мирного населения 305 винтовок, 7 станковых пулеметов, одну 45 мм пушку, 5 ротных минометов и два автомата «ППШ» и много патронов и снарядов.

Все это позволило ему вести смелые боевые операции по разгрому живой силы и техники врага. Так, в июле 1943 года поставленную мной задачу Хонинов — парализовать шоссеиную дорогу Могилев — Довск, по которой немцы двигали подкрепление для фронта, проходившего по Орловско-Курской дуге, выполнил блестяще. Тов. Хонинов силами своей роты методом минирования и засадного боя разбил свыше 60 автомашин, под обломками которых десятки немецких солдат и офицеров нашли себе могилы.

На участке железной дороги Могилев — Жлобин путем взрыва произвел крушение двух вражеских эшелонов. Сметка и партизанская хитрость роты спровоцировала в конце августа 1943 года две артиллерийские части, которые между собой завязали ночной бой, длившийся с вечера до утра. Позорный бой кончился крупными потерями для немцев.

Героизм тов. Хонинова проявился и в личном единоборстве с фашистскими врагами. Оказавшись перед лицом трех немецких офицеров в деревне Куликовке Пропойского района, он не растерялся, тут же применил свой постоянно исправный автомат и напав расстрелял их, подобрал при этом трехместный мотоцикл с важными штабными документами. Боевая деятельность тов. Хонинова росла с каждым днем, особенно она возросла в октябре 1943 года, когда 15 партизанская бригада была окружена в Хачинском лесу Пропойского района, где в течение 17 суток, почти на переднем крае линии фронта немцев, 15 бригада вела ежедневные оборонительные бои. Особый героизм проявили в этих боях пар-

тизаны роты тов. Хонинова. Роте приходилось отражать в день по 8–10 вражеских атак. От огня роты немцев на поле боя убитыми и ранеными оставалось до батальона, а иногда и больше.

В этом окружении, созданном немецкими фронтовыми частями, роте не раз приходилось вступать в рукопашную схватку, во главе которой всегда был ее командир тов. Хонинов, и даже тогда, когда в секторе обороны немцы пытались переправить по мосту «Горбатый мост» реки Ухлясть свои танки и броневики с целью вклинивания в боевое расположение бригады, они были огнем и штыками отброшены назад с большими для них потерями. С бешеной ненавистью немцы привлекли против партизан крупные фронтовые силы всех родов войск, в том числе и бомбардировочную авиацию. Обстановка, создававшаяся для 15 бригады и 15 полка Гришина, требовала идти на прорыв блокады немцев, в числе первой шеренги шли на штурм немцев пулеметчики, автоматчики роты, командиром которой был тов. Хонинов.

Тов. Хонинов обеспечил выход из окружения не только своей роте, но и другим батальонам бригады и полка.

Преодолев водную преграду реки Днепр, тов. Хонинов прибыл с ротой в расположение Могилевского подпольного обкома КПБ, где ему была поставлена задача разгромить гарнизон немцев в деревне Горенечи Березинского района.

19 мая 1944 года рота Хонинова совершила ночной бросок и без боя ворвалась в укрепление противника, и успешно штурмовала его огневые точки, перебито до 130 фашистских солдат и офицеров.

19 июня 1944 года на участке Могилев — Орша рота в составе бригад, полков участвовала в рельсовой войне, в ходе которой были сметены все гарнизоны охранных войск, разрушено путевое хозяйство и перебито до 25 тыс. рельсов, в том числе ротой перебито толовыми шашками 100 рельс и взорван ж/дорожный мост.

С наступлением войск Советской Армии тов. ХОНИНОВ, согласно моим указаниям, создал заслон на левом берегу реки Березина и не допустил отхода механизированных частей немцев по шоссе на запад, кроме того, дал 4-часовой бой подошедшим двум

немецким полкам. Созданная пробка позволила частям Советской Армии произвести полный разгром и пленение уцелевших от боя немцев.

Тов. Хонинов — сын калмыцкого народа — с честью выполнял партизанскую присягу, он не щадил ни сил, ни энергии, ни самой жизни для победы над злейшим врагом человечества — фашистскими захватчиками. За проявленные мужество и героизм в боях он неоднократно представлялся к правительственным наградам и присвоению воинского звания. По итогам боевой деятельности и участию в развитии партизанского движения и защите советских граждан от угона и истребления гитлеровскими захватчиками заслуживает правительственной награды — звания Героя Советского Союза.

Бывший командир Могилевского партизанского соединения, член Могилевского подпольного обкома КПБ, ныне начальник Минского областного управления хлебопродуктов

Сидоренко

НА РК, ф. П-966, оп. 2, д. 30, л. 5-8. Копия.

Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост. В. З. Атуева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 325–326.

ХАРАКТЕРИСТИКА командира роты 15-го партизанского полка ХОНИНОВА Михаила Ванькаевича

14 января 1958 г.

Товарищ Хонинов М.В. находился в полку с начала его организации и до момента соединения полка с частями Советской Армии.

За все время нахождения в полку тов. Хонинов М. В. показал себя смелым, находчивым и волевым командиром. Среди партизан и командиров пользовался большим авторитетом.

Рота, которой он командовал, неоднократно участвовала в боях с превосходящими силами противника и благодаря находчивости и умению со стороны тов. Хонинова всегда выходила из боев с победой.

Рота часто участвовала в засадах на шоссе на дорогах Могилев — Бобруйск, Могилев — Гомель и др., в результате чего были уничтожены 150 автомашин с живой силой и техникой. Взорвано 30 шоссе и железнодорожных мостов. Пущено под откос два железнодорожных состава с живой силой и техникой врага.

Летом 1943 г. рота под командованием тов. Хонинова внезапно напала на гарнизон противника в м. Пропойск, в результате был разгромлен гарнизон и взято в плен 120 полицейских с оружием и боеприпасами. Кроме этого, рота разгромила гарнизоны в м. Кульшичи, Палки и в ряде других. Было взято в плен также много полицейских, оружия и боеприпасов.

В деревне Куликовка при внезапном наскоке немцев комроты тов. Хонинов лично уничтожил трех немецких офицеров.

Рота неоднократно нападала на немецкие обозы в прифронтовой полосе и уничтожала много немецких солдат и офицеров, военных повозок и другого военного имущества.

В октябре 1943 г. в прифронтовой полосе полк оказался в окружении. В несколько раз превосходящие силы врага атаковали огневые позиции полка 17 дней, но успеха так и не добились. На роту тов. Хонинова немцы ходили в атаку несколько раз в день. Тов.

Хонинов и другие командиры со всей ротой неоднократно переходили в контратаку и отбрасывали немцев с большими для них потерями. Наконец, партизаны с ограниченным количеством боеприпасов пошли на прорыв вражеской блокады. Рота под командованием Хонинова и здесь показала образцы мужества и героизма.

Рота в 1944 г. под командованием тов. Хонинова неоднократно участвовала в боях и добивалась больших успехов. Рота была гордостью всего партизанского полка, а ее командир Михаил Хонинов пользовался заслуженным авторитетом.

При соединении партизанского полка с частями Советской Армии (июль 1944 г.) он вместе с ротой уже в действующей армии продолжал умело бить врага.

Бывший командир 15-го партизанского полка БССР

А. Демидов.

Помета: подпись А. Демидова заверена управляющим Вильнюсским райпотребсоюзом Грачевым.

Из личного архива М. В. Хонинова.

ОБРАЩЕНИЕ БЫВШИХ КОМАНДИРОВ И ПОЛИТРАБОТНИКОВ

Могилевского партизанского военного соединения Белоруссии

**в Калмыцкий обком КПСС и облисполком
с просьбой ходатайствовать перед Президиумом Верховного
Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза
М. В. Хонинову**

26 октября 1957 г.

Секретарю Калмыцкого обкома КПСС
тов. Сангаеву Э.
Председателю Калмыцкого облисполкома
тов. Утнасунову Д.
г. Элиста, Калмыцкая автономная область

Мы, бывшие командиры и политработники Могилевского партизанского военного соединения Белорусской ССР, просим Вас, чтобы Калмыцкий облисполком по случаю 40-летия Великой Октябрьской Социалистической революции ходатайствовал перед Президиумом Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза бывшему командиру роты 15-го партизанского полка, тов. ХОНИНОВУ Михаилу Ванькаевичу за его героические подвиги, которые он проявлял в годы Отечественной войны в тылу врага.

Для ясности мы прилагаем боевые характеристики тов. Хонинова Михаила Ванькаевича.

Бывший командир Могилевской
военно-оперативной группы партизанского соединения
Сидоренко С. Г.

Бывший комиссар 208-го партизанского полка
Щербачев Р. И.

Бывший начальник штаба 15-го партизанского полка
Вилиткевич П. А.

НА РК, ф. П-966, оп. 2, д. 26, л. 6. Подлинник.

Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост. В. З. Атуева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 321.

ОБРАЩЕНИЕ ЧЛЕНОВ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КАЛМЫКИИ в Калмыцкий обком КПСС с просьбой выступить перед соответствующими инстанциями с ходатайством о присвоении звания Героя Советского Союза М. В. Хонинову

5 апреля 1965 г.

Вся страна готовится к славной дате — 20-летию Победы советского народа над немецко-фашистскими оккупантами. Ценою великих подвигов всех народов нашей страны был уничтожен страшный враг человечества — гитлеризм.

20 лет со дня окончания Великой Отечественной войны, но и до сегодняшнего дня находятся все новые и новые герои, чьи имена были неизвестны, а подвиги не отмечены. Иные подвиги остались не отмеченными в силу военных обстоятельств, иные в силу культа личности. Но пока еще живо то поколение, которое выиграло войну, водрузило красное Знамя Победы на куполе рейхстага, и оно может восстановить справедливость.

В братской Белоруссии стало легендарным имя бесстрашного партизана Михаила Ванькаевича Хонинова, сына калмыцкого народа. Все его многочисленные героические подвиги подтверждены документами, свидетельствами живых и ныне овеванных славой командирами партизанских отрядов и соединений, которые рассказывают о Хонинове с восхищением. О ратных подвигах нашего земляка широко писала пресса Белоруссии и Калмыкии. Они известны повсюду.

Бюро Калмыцкого обкома КПСС в свое время поднимало вопрос о присвоении звания Героя Советского Союза тов. Хонинову М.В. Но, видимо, тогда вопрос еще не совсем назрел.

Накануне 20-летия Великой Победы мы просим Вас выступить перед соответствующими инстанциями с ходатайством о присвоении звания Героя Советского Союза Михаилу Ванькаевичу Хонинову, ныне активно и успешно работающему члену Союза писателей СССР.

Члены правления Союза писателей Калмыцкой АССР, писатели:

*Д. Кугультинов, С. Каляев, Х. Сян-Белгин,
А. Сусеев, К. Эрендженев, Л. Инджиев,
Б. Дорджиев, М. Нармаев.*

НА РК, ф. П-966, оп. 2, д. 26, л. 56–57. Подлинник.

Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост. В.З. Атуева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 326–327.

ДИПЛОМ
почетного колхозника колхоза «Советская Белоруссия»
Кличевского района Могилевской области Белорусской
ССР

Решением общего собрания колхозников колхоза «Советская Белоруссия» Кличевского района Могилевской области Белорусской ССР от 26 февраля 1968 года народный поэт Калмыкии, бывший активный партизан Кличевщины в годы Великой Отечественной войны товарищ Хонинов Михаил Ванькаевич избран Почетным колхозником колхоза «Советская Белоруссия».

Председатель колхоза «Советская Белоруссия»
Т. Серединский

26 февраля 1968 года

Из личного архива М. В. Хонинова.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА БССР
о награждении тов. Хонинова М. В.
Почетной грамотой Верховного Совета Белорусской ССР**

За активное участие в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, плодотворную работу по укреплению связей между белорусской и калмыцкой литературой и в связи с пятидесятилетием наградить калмыцкого поэта тов. Хонинова Михаила Ванькаевича Почетной грамотой Верховного Совета Белорусской ССР.

Председатель Президиума Верховного Совета БССР
С. Притыцкий
Секретарь Президиума Верховного Совета БССР
Д. Лукашевич

19 января 1969 года
гор. Минск

Из личного архива М. В. Хонинова.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ БЕРЕЗИНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

РЕШЕНИЕ

от 4 сентября 1975 г. № 5-35

г. Березино

О присвоении гр-ну Хонинову
Михаилу Ванькаевичу звания
Почетного гражданина города Березино

Учитывая большие заслуги перед Родиной и участие в освобождении от немецко-фашистских захватчиков Березинского района и города Березино бывшего партизана Хонинова Михаила Ванькаевича — Березинский городской Совет депутатов трудящихся решил:

1. Присвоить гр-ну Хонинову Михаилу Ванькаевичу звание Почетного гражданина города Березино.
2. Занести в книгу Народной Славы гражданина Хонинова Михаила Ванькаевича.
3. Наградить памятным ценным сувениром исполкома городского Совета депутатов трудящихся Почетного гражданина города Березино Хонинова Михаила Ванькаевича.

Председатель исполкома городского
Березинского Совета депутатов трудящихся И. В. Казаченок

Секретарь исполкома городского
Березинского Совета депутатов трудящихся А. А. Деревянко

Из личного архива М. В. Хонинова.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
о награждении писателя Хонинова М. В.
орденом Дружбы народов**

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Хонинова Михаила Ванькаевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 2 января 1979 г.

**IV. РИММА ХАНИНОВА:
«Я НЕ БЫЛА НА ТОЙ ВОЙНЕ...»**

Из цикла «Я не была на той войне...»

1

Мне снилась по ночам война,
Свидетелю победного конца.
Ведь мой отец вернулся невредим.
Но нет, не в степь — в Сибирь,
к домам своим.

Он выбирал всегда, где потрудней
И на войне и в ссылке долгих дней,
И мне история являла близкий лик
В судьбе моих родных так каждый миг.

Война мне снилась памятью отца —
Повторным кадром юного лица —
Во мне потом его строкой жива,
Легендой сохраненная молва.

Я не была на прошлой той войне,
И долг мой, как живущей, он вдвойне
Пред теми, кто ушел, недолюбив,
Пред теми, кто вернулся и кто жив.

Я в каждом вижу моего отца —
Они родня до смертного конца:
Ведь это им, безумно молодым,
Развеять удалось военный дым.

3 июня 1991 г.

М. Хонинов с дочерью Риммой. Элиста, май 1977 г.

В отцовском кабинете. 18 февраля 1994 г.

ОТЦОВСКИЙ ЗАВЕТ

Завет отцовский непреклонен:

дерзай, будь стойким до конца,
как куст полыни неприкаян
под жестким прессингом коня,
когда его копыта в землю
загнуть траву стремятся вниз.
Но вновь упрямая не внемлет —
опасности наперекор —
встает в который раз упорно
и тянется руками ввысь;
как средостение меж недрами и небом
(как «дышат почва и судьба», —
он прав, поэт!),
как дар, ниспосланный
животворящим хлебом, —
в том поединке поражения нет!

5 июля 1991 г.

БАЦЬКОЎСКІ ЗАПАВЕТ

Завет бацькоўскі непарушны:
Заўжды будзь моцны і трывай!
Бы палыновы куст, што з крушняў
Расце... Тапчы яго, зрываў —
Ні коні і ні людзі здужаць
Палын дарожны не змаглі.
Я чую голас яго мужны
У кожным подыху зямлі,
Мне песня палыну і лёсу —
Нібы Паэзія сама...
Цярпенне — дар нябёс дзівосны,
І лепей за яго — няма!

ЛАНДШАФТ ИСТОРИИ

(размышления по поводу)

Вероятно, в любом ландшафте истории

Есть тропы такие, что не всеми проторены:

Ведь нужно на карту смотреть

в масштабе один к одному,

Чтобы понять, кто должен, что и кому,

Хотя по прошествии лет кому разобрать

Триумфы и поражения, чтобы счет предъявлять.

Легче в жанре какой-нибудь оратории

Писать, переписывать свою и чужую историю:

Ноты послушны тогда дирижерской руке,

Как манжет сорочки смокингу (этикет).

Ноты дипломатические — для всех головная боль,

Та еще необходимость из множества чужих волей,

Когда за листом бумажным — не дерево,

а государство,

Суверенность, граница, словом, одни мытарства.

Зримое есть для зрячего — посох иль булава,

Вроде той предпосылки, что есть ковыль-трава:

Кому — сорняк, не культура, белесая погань земли,

Кому — культура в ландшафте,

где предки твои и мои.

Если за ковылями не видеть земли праотцов,

Значит ли это, что нет ее, там, за... Зов

Одинокий полнит пассивность пространства затем,

Чтоб овладеть и временем, быть, чтобы этим и тем:

Пока в живущем время ладит с его пространством,

Можно идти тогда, соизмеряясь с ландшафтом.

И, как казахский хан Нурали, в ответе своем Убаши

Перечислять набеги, походы, войны, миры...

Бедные братья джунгары, родины вам не видать:

Жузами и войсками велено вас окружать,

Перапісваць сябе ды іншых, ствараць гісторыю.
 Ноты сядзяць слухмяна, бы птушаняты ў клетцы,
 Нібыта манжэты кашулі з-пад смокінгу (па этыкеце).
 Ноты дыпламатычныя — боль для чужых галоў,
 Неабходнасць выбару для таго, хто «заўжды гатоў»,
 Калі за лістком паперы — не дрэва, а сад дзяржаў,
 Незалежнасць, надзеі, словы... А дзе мяжа?
 Здольны глядзець — пабачыць — кій у руках ці меч,
 Проста не ўсё рабіць, але ўсё — умець.
 Ёсць жа гаючае зелле, а ёсць — цалік,
 Камусь і кавыль — не смецце, а соль зямлі.
 Зямлі, у якую прашчтуры адышлі.
 Калі за травой не бачна зямлі бацькоў,
 Ці азначае гэта, што болей няма такой...
 Адзінокія напаўняюць сабой прасцяк,
 Каб авалодаць часам, каб жыць не так,
 Як раней, каб час не гуляў з прасторай,
 Каб ландшафт успрымаць спакойна і нат з пакорай.
 Нібы казахскі хан Нуралі ў адказе да Убашы,
 Пералічваць свае паходы, свае нажы.
 Брацця джунгары, дзе ваш адвечны край?
 Войскі чужацкія акружаюць, каб волю і лёс забраць,
 Каб утварыць з вас штосьці — цэлае з палавін,
 Толькі і Волгі хваляю мёртвых не ажывіць.
 А тыя, што засталіся ў Джунгарыі, да таго ж зыходу,
 Як іх лічыць — палавінай ці цэлым народам?..
 Брацця мае, джунгары, як мала вас на зямлі,
 Вецер разнёс па свеце, як жаўтацвет з галін.
 Міфаў спаленых попел будзе ляцець з нябёс.
 Бы матылёк на свечку, будзе маліцца лёс...
 Усе мы імчым па свеце ў хуткасных цягніках...
 І паміраем дзесьці... Ціха і хутка так...

 О, прыпыніся, час мой!.. Каб нарадзіцца зноў.
 Водарам палыновым пахне? Так! І вясной...

ЗАПАХ ПОЛЫНИ

Моему сыну Ильясу

Узнаю от друга и от брата,
Как давным-давно у них, в горах,
Родилось чеченское преданье,
Что кочует вольно на устах.

Некогда в Ичкерии остался
Храбрый воин, молодой калмык,
Ханский сын, и кем бы он ни звался,
К горцам постепенно он привык.

Красота горянки, дар джигита
Крепче всяких уз у кунака,
И уже из памяти изжита
Старая отцовская рука.

Хан обнять наследника мечтает —
Из степей гонцов с наказом шлет,
Но в пирах-охотах время тает,
Как под солнцем твердый горный лед.

И однажды мудрый хан, подумав,
Всаднику вручил не письмена,
А мешочек маленький, упругий,
Чтобы вспомнил сын их имена.

И, когда в шатре своем тесемку
Развязал, не ведая, калмык, —
Сразу запах он узнал тот горький,
Что единствен, как родной язык.

Запах родины, степной, полынный,
Кустиком в ладони восстает,

Сизый цвет крылом своим орлиным
Манит в вечность — в синий небосвод.

Пряный запах лишь тому приятен,
Кто сравнит и выберет одно,
Этот запах тем теперь и знатен,
Что полынит память заодно.

Караван и войско — кони, люди —
К нам идут, домой, издалека,
А на белом вожаке-верблюде
Пахнет компасно, покоится трава...

5–6 марта 2008 г.

ПАЛЫНОВЫ ВОДАР

Майму сыну Льясу

Ведаю ад сябра і ад брата
Пра паданне, што жыве здаўна
У гарах чачэнскіх. Вой ды ратай
Любяць яго словы ўспамінаць.

Колісь у Ічкерыі застаўся
Слаўны хлопец, малады калмык,
Ханскі сын, ды ханам ён не зваўся,
Ён да звання іншага прывык.

Паланёны вейкамі дзяўчыны,
Ён знайшоў і дом тут, і сяброў,
Пра бацькоў ды пра сваю Айчыну
Памяць ён у сэрцы не зьярог.

Тужыць хан стары, гады мінаюць —
Пасланцоў з лістамі не злічыць,
Колькі празвінела светлых маяў,
Колькі зімаў... Ды юнак маўчыць.

І аднойчы хан не ліст для сына,
А мяшэчак вершніку аддаў,
Блаславіў у добрую часіну,
Каб бацькоў імёны прыгадаў.

Калі ж той бацькоўскі падарунак
Развязаў, знайшоўшы вольны час, —
Водар горкі, бы рука па струнах,
Па душы хлапечай праімчаў.

Водар стэпу, родны, палыновы,
Той, што з рук не сцерці і вятрам,
Той, што з неба кліча ў шлях вясновы,
Што з душы здымае камень-страх.

Гэты водар выбіраюць тыя,
Каму смак крынічнае вады
Даражэй за віны залатыя,
Даражэй за райскія сады.

І брыдуць з чужынаў караваны,
І дамоў вяртаюцца сыны,
Праз гады сягоння адчуваю,
Як душу палоняць палыны.

Из цикла «Я НЕ БЫЛА НА ТОЙ ВОЙНЕ...»

3

Мертвые сраму не имут:
мертвым не больно давно.
Чаша на тризне не минет
смертного все равно.
Павшим на поле боя
памятник общий — мир.
Что же в юдоли горя
нравственный антимир:
Ветер песком заносит
кости и черепа.
Кто же за это с нас спросит
завтра, сегодня, вчера?..
Мертвый ничто не алчет,
не жаждет в полуденный зной.
Лишь дождь поминально плачет
который год стороной.

8–9 июня 1991 г.

БАЛЛАДА О ВОЙНЕ

Мне
 в душу
 врезался
 снарядом
 рассказ
 военных
 давних лет,
 как
 при раскатах канонады
 из боя
 вышли
 трое...
 Нет,
 один был ранен в грудь.
 И пуля
 вначале
 хлеб
 пробила
 влет:
 он был за пазухой.
 Волнуясь,
 друзья окликнули...
 Но льет
 холодный дождь
 свои потоки
 в его открытые глаза.
 И изменить
 ничто
 нельзя.
 Буханка общая,
 как сроки

уже
отмеренной
судьбы,
все тяжелей
от свежей крови,
и горбится,
как от беды,
в своем
понятии вины.
И этим хлебом
был помянут
один из трех,
солдат войны,
и этим
вовсе не обманут
обряд печальный той поры.

6 июня 1991 г.

БАЛАДА ПРА ВАЙНУ

Душу
на часткі
мне
пакроіў
Расповед
даўняе
вайны,
Як з-пад аблогі
выйшлі
трое...
Бацькі камусь або сыны.
Адзін да сэрца
бохан хлеба,

Бы скарб найбольшы прыціскаў.
Ды куля празвінела — глеба
Нявестай стала юнака.
А хлеб набрак дажджом крывавым...
Агульны, быццам вырак іх.
Вайна, бы плынь чужой ракі,
Іх несла...
А яны трывалі
І хлеб яны ўзялі з сабой,
Хоць быў ён з прысмакам каліны.
І бохан той, і лёс, і боль
Яны пароўну падзялілі.
І памянулі ім таго,
Хто больш ужо не адзавецца...
Ён з трох — адзін...
Адзін — ды ў сэрцы

Заўжды я помню
пра яго.

Из белорусских стихов

ФЛЯЖКА

*Безымянным бойцам
Великой Отечественной войны*

Здесь осколок берцовой кости
человека во фляжке разбитой,
и печально музейные гости
вновь над жизнью стоят убитой...
Кто он, воин, теперь безымянный,
или женщина, или мужчина?
Командир иль боец? Без изъяна
Долг свой выполнил. Разница ль в чине?..
Он остался в земле своих предков:
вся страна ему — мать, что помнит
всех детей своих. И не резко
о себе она вновь напомнит.
Пусть семья ее поредела,
пусть и дом не такой, как прежде,
но она обо всех радела,
та отчизна на карте прежней.
Можно вспомнить все беды, раздоры
в прошлой жизни своей семейной.
Но к чему нам ненужные ссоры,
если кость в этой фляжке военной?..
Он для нас теперь современник,
хоть недавно был найден на поле.
Чей-то родственник, наш соплеменник:
свой он нам в неизменной боли.
Словно к нам из войны обращается,

словно верует не напрасно,
словно с нами навек прощается,
с мирной жизнью, такой прекрасной...

19.02.2017 г.

Минск – Москва – Элиста.

ПЛЯШКА

*Безназоўным байцам
Вялікай Айчыннай вайны*

Тут аскепак галёначнай косткі
чалавека у пляшцы разбітай,
і гаротна музейных госці
над жыццём зноў стаяць забітым...
Хто, ваяр ён цяпер безназоўны,
ці мужчына то, ці жанчына?
Камандзір ці баец? Грунтоўны
след у памяці ён пакінуў.
Ён застаўся ў зямлі сваіх продкаў,
ўся краіна яму цяпер маці.
Ўсе суседзі, хто тое помніў,
хто не можа прах адшукаці.
Хай не тая цяпер зямліца,
хай і дом не такі, як сніцца.
Ды Радзіма з цяплом у сэрцы
будзе вечна аб ім клапаціцца.
Ці ўзгадаем бядоты-сваркі
у жыцці мінулым сямейным?
Да чаго нам гэтыя звадкі,
калі костка ў пляшцы ваеннай?..
Калі згінулы — наш сучаснік,
хоць нядаўна знойдзены ў полі.
Ён цяпер — душы нашай частка,

свой для нас у нясцерпным боли.
Быццам ён з той вайны вяртаецца,
верыць у лепшае не дарэмна,
і за ўсё навек прабачаецца,
і жадае нам мары пэўнай...

«НОЧНАЯ ВЕДЬМА»

*Памяти Галины Докутович,
штурмана 46-го гвардейского
Таманского авиаполка*

«Ночные ведьмы» — так их звали
враги за дерзостный полет,
а эти девушки метали
все бомбы в цели в свой черед.
Ночной полет, зенитки снизу,
прожектора на перехват,
идешь, как будто по карнизу:
сорвешься — нет пути назад.
А возвратишься — сил не хватит
порой дойти в казарму ту,
и засыпаешь, где сон схватит,
упав ничком здесь же в траву.
Тогда заправщик не заметил
на летном поле среди травы
одну из летчиц и наехал
машиной мощною... А вы
и после ран нашли все силы
вернуться в строй, взять и штурвал,
препятствия преодолимы —
враг наши земли штурмовал.
Полетов сто, сто десять, десять —
последний бой, последний раз
последний прах врага развеять.

Последний выполнен приказ.
...Есть фотография в музее —
глаз от нее не отвести:
какие горькие потери
на героическом пути.

18.03.2017 г.

Минск – Москва – Элиста

КОЛОДЕЦ

*Памяти детей деревни Шуневка
Докшицкого района Витебской области
Беларуси,
сброшенных фашистами
в колодец в 1943 году*

В этом колодце давно нет воды.

В этом колодце лишь камни одни:

В этом колодце не выпить воды —

Детские тени там ночи и дни.

17.02.2017 г.

Минск – Москва – Элиста

КАЛОДЗЕЖ

*Памяці дзяцей вёскі Шунёўка
Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці,
скінутых фашыстамі ў калодзеж*

Ў калодзежы гэтым няма вады,

Ў калодзежы гэтым ляжаць камяні.

Не выпіць халоднай гаючай вады:

Дзіцячыя цені — ночы і дні.

ВДОВИЙ ХУТОР

*Памяти жителей хутора Рявятичи
Берёзовского района
Брестской области Беларуси*

Не девы-березы, а вдовушки-липы
выходят в дорогу и крестятся тихо.
Не девы-березы, а вдовушки-липы
всё ждут вновь мужей и не верят в их лихо.

Ушли все мужчины на фронт, в партизаны,
ушли — не вернулись, они там остались:
навек — солдаты, навек — партизаны,
навек вдовство этим женам досталось.

И вдовый тот хутор в земле белорусской
такой же, как всюду, в войну мировую,
такой же, как хутор в земле этой русской,
и пьёт всю печаль в чаше той круговую.

Стареют те вдовушки, лист опадает —
стареют они, а мужья не стареют.
стареют все вдовушки, лист опадает —
старинными липами внуки их знают.

Шумят эти липы — к живущим зывают.
Молчат эти липы — ушедшим внимают.
Музеи войны к тишине призывают:
шуршат листья-вдовы, покоя не знают.

17.02.2017 г.

Минск – Москва – Элиста

САЛЮТ, ПОБЕДА!

И он пришел — Победы нашей час,
Добытый в яростных атаках и сраженьях,
Чтоб с Днем Победы поздравляли нас,
Как ныне поздравляют с днем рожденья.

И год один сменяет год другой:
Так часовой сменяет часового,
Свой ход сверяя с точностью простой
У памяти солдатской, как связного.

Салют, Победа, павшим и живым!
Салют, страна, героям поколенья,
Вручившим мир, как знамя, молодым,
Чтоб не распалась связь времен в преодоленье!

Они прошли с боями полземли,
Зовя ее обугленными ртами,
Четыре года приближали, как могли,
Все те, кто рядом, кто уже не с нами.

Наш век пройдет двадцатый. И за ним
Откроются архивные страницы,
Но то останется великим и святым,
Что дорого России без границы.

И друг степей воистину калмык,
Вернулся в край родной из долгой ссылки,
Он день победы понимать привык,
Как день заслуг всеобщих без отсылки.

...Век двадцать первый. Новый календарь.
Вновь, современники, победный май встречаем.
Мы также знаем на Руси, как встарь,
За все, что было, миром отвечаем.
1–2 мая 2000 г., 22 марта 2010 г.

Из цикла «Военная быль»

САН САНЫЧ

Рассказ

«Уважаемый товарищ писатель!

Пишет вам бывший партизан. Знаю, что вы тоже воевали, а после войны собираете рассказы ветеранов, чтобы написать еще одну книжку. Не знаю, понадобится вам моя история, которую хочу рассказать, или нет, но все же поделюсь, так как не дает она мне покоя до сих пор. Прошло уже с той поры немало лет, а, кажется, что недавно случилось это.

Думаю, получаете вы писем много, но прошу дочитать и мое послание до конца.

Не буду сообщать о себе подробности, как и где воевал, дело не во мне. А в мальчишке. Встретил я его в июле 1944 года, когда освобождали Минск. Дали нам тогда задание — взорвать мост через одну реку, чтобы не дать немцам пополнить свои боеприпасы, которые они подвозили по железной дороге. Вышли мы к нужному месту двумя группами: одна ушла на другой берег, а мы остались на этом берегу. Залегли надолго. Мост усиленно охранялся, поезды шли друг за другом. Не подобраться нам никак.

Так вот, когда переходили линию фронта, с нами был один мальчишка, лет десяти-двенадцати. Ничем не примечательный, белобрысый, разве что держался независимо. С нами в разговоры не вступал, да и мы его не донимали, понимали: раз ему разрешили с нами пойти, значит, тоже свое задание имеет. Вроде разведчика. С собой у него были какие-то наволочки, на продукты поменять, что ли. Маскировка, наверное. Это потом я уже узнал, что такие наволочки наверху деревьев развешивали для наших самолетов-разведчиков, указывали квадрат бомбежки.

Как только перешли нейтралку, наш сосед исчез. Да нам не до него было, все голову ломали, как задание выполнить.

На третий день мальчишка обнаружил нас. Вроде и спрятались,

а глядишь ты — нашел. Лег за кустами с нами, за охраной наблюдает, как будто и ему надо. Не спрашивает ничего, глядит и глядит.

А в это время на станцию пришел один поезд под охраной и остановился. На соседний путь сразу же за ним подошел санитарный эшелон. Открылись двери, стали кого-то выгружать, кого-то подгружать, бегодня, одним словом. Охрана отвлеклась, подошла к санитарным вагонам, стала расспрашивать, как водится.

Мальчишка наш вдруг говорит: «Дайте ВВ». ВВ, сами знаете, товарищ писатель, сокращенно — взрывчатое вещество. Мы растерялись, сразу не нашли, что сказать. Я ему сунул ВВ, не думая, как оно ему понадобится.

А мальчишка погодя вышел на перрон, прошелся не спеша, и вдруг — нырнул под поезд. В это время раздался свисток, и поезд этот стал трогаться. Ну, думаем, всё — раздавили! Нет! Увидели, как постреленок успел перебраться в ящик под вагоном, где уголь возят.

Поезд стал набирать ход. А впереди него — мост, тот самый, который нам надо взорвать. И вот поезд уже на мосту. И где-то на середине моста послышались взрывы, вагоны стали друг на друга наезжать, грохот, крики. «Подорвал себя!» — поняли мы, застыв на время. Но надо было быстро уходить. И мы снялись с места, пока нас не обнаружили.

Через полчаса догнал нас связной группы, что была на другом берегу. Она тоже стала отходить к лесу. Связной рассказал нам, что они видели, как перед взрывом с моста в реку бросился человек. Его заметила охрана, послали туда катер, чтобы выловить беглеца. Втащили его на катер и куда-то повезли.

Мы решили отбить пленного, соединившись с другой группой. Немцы привезли его в соседнюю караульную сторожку. Их было немного — человек шесть-семь. Мы их уложили сразу, когда ворвались в комнату. Они не успели даже ответить, не ожидали.

А мы все равно опоздали. Немцы прибили мальчишку к двери, а один из них бил молотком по его пальцам, все руки были в крови.

Мы осторожно сняли его с двери, кое-как перевязали, завернули в плащ-палатку и стали отходить. Нас вскоре обнаружили.

Началась перестрелка. Потеряли шестерых, но сумели уйти от погони на время.

Мальчик все время бредил, просил вызвать какого-то Восьмого. Видимо, начальство свое. Называл неотчетливо свой московский адрес, говорил, что мать работает в Наркомфине, все ее знают там, что он сбежал на войну из третьего класса. Потом затих.

Нас загнали к реке. Мы нашли в камышах подтопленную лодку без весел, кое-как погрузили раненого вместе с двумя партизанами.

А сами стали прикрывать их отход, боеприпасы уже кончались. Через какое-то время немцы потеряли нас из виду.

Мы устало шли к партизанской базе и думали, каждый про себя, как там наши товарищи? Удалось ли оторваться от погони?

Что с мальчиком? Выживет ли с такими ранами?

По прибытии доложили, что да как. Сообщили и о маленьком разведчике человеку из штаба. Тот молча выслушал, кое-что уточнил, потом сурово помолчал, махнул рукой и уехал.

А товарищей тех мы не дождались. Так и не знаем, какова их судьба. Что с ними случилось. И с мальчиком тоже.

Когда наши войска взяли Минск, я ходил по улицам, как будто что-то потерял. Случайно набрел на фотостудию. Решил сфотографироваться на память. И вдруг увидел в витрине фотографию нашего мальчишки. Не поверите! И я тоже не поверил вначале, когда увидел ее. Вбежал, схватил старого фотографа за руку и потащил на улицу к витрине. Тычу пальцем в снимок и спрашиваю, кто это?

А тот ничего не поймет, растерялся, смотрит на меня, как на сумасшедшего. А я чуть с ума не сошел от радости: все, думаю, сейчас узнаю, что за мальчишка, как зовут его, адрес домашний. Говорю, где квитанция, что там написано. А старик отвечает, нет квитанции, мальчик сам забрал свою фотографию, а эта — на витрине — для клиентов. Приходил с танкистами, с ними и ушел после съемки. Сведения на квитанции не помнит, конечно, — много людей снимается для документов, для себя, для друзей.

Я спросил, как к мальчику танкисты обращались, по имени, наверно. И тут фотограф стукнул себя по лбу, сказав, что вспомнил, да, называли они его Сан Санычем.

Значит, Александр Александрович. В десять-двенадцать лет по имени-отчеству.

После войны хотел я поехать в Москву, товарищ писатель, попробовать найти Сан Саныча или его мать, как придется. Но так и не получилось. Женился, дети, работа. Нет-нет да вспоминаю тот июль сорок четвертого года, белорусскую станцию, взрыв поезда, караульную сторожку, мальчика в плащ-палатке.

Товарищ писатель, может, вам доведется в своей Москве узнать, где теперь Сан Саныч? Жив ли он?

Хотелось бы верить, что не зря мои товарищи полегли, вызволяя из плена мальчишку тогда.

Письмо помогала написать мне старшая дочка-студентка. Она читала ваши книжки про войну. Теперь читаю их я. Тяжело вспоминать войну, но не вспоминать еще тяжелей.

Подпись моя, конечно, неразборчивая, потому что двух пальцев на правой руке нет после одной нашей вылазки на железке. Да подпись и ни к чему. Речь-то не обо мне».

26 сентября 2015 г.

САН САНЫЧ

Апавяданне

«Паважаны таварыш пісьменнік!

Піша вам былы партызан. Ведаю, што вы таксама ваявалі, а пасля вайны збіраеце ўспаміны ветэранаў, каб напісаць яшчэ адну кніжку. Не ведаю, ці спатрэбіцца вам мая гісторыя, якую хачу расказаць, ці не, але ўсё ж падзялюся, паколькі не дае яна мне спакою да гэтай пары. Прайшло з таго часу нямала гадоў, а здаецца, што гэта здарылася нядаўна.

Думаю, атрымліваеце вы пісьмаў шмат, але прашу дачытаць і маё пасланне да канца.

Не буду паведамляць пра сябе падрабязнасці, як і дзе ваяваў, справа не ўва мне. А ў хлопчыку. Сустрэў я яго ў чэрвені 1944 года, калі вызвалілі Беларусь. Далі нам тады заданне — узарваць мост праз адну раку, каб не даць немцам папоўніць свае боезапасы, якія яны падвозілі па чыгунцы. Выйшлі мы да патрэбнага месца дзвюма групамі: адна пайшла на другі бераг, а мы засталіся на гэтым баку. Заляглі надоўга. Мост моцна ахоўваўся, цягнікі ішлі адзін за другім. Не падабрацца нам аніяк.

Дык вось, калі пераходзілі лінію фронту, з намі быў адзін хлопчык, гадоў можа дзесяці-дванаццаці. Нічым не прыкметны. Бялявы. Хіба што трымаўся дужа незалежна. З намі ў размовы не ўступаў, ды і мы яго не даймалі. Разумелі: раз яму дазволілі з намі пайсці — значыць, таксама сваё заданне мае. Кшталту разведчыка. З сабою ў яго былі нейкія навалачкі, на прадукты памяняць, ці што. Маскіроўка, відаць. Гэта пасля я ўжо даведаўся, што такія навалачкі на верхавіны дрэў вывешвалі для нашых самалётаў-разведчыкаў, паказвалі квадрат бамбардзіроўкі.

Як толькі перайшлі нейтралку, наш сусед знік. Ды нам і не да яго было. Усё ламалі галаву, каб нейкім чынам заданне выканаць.

На трэці дзень хлопчык знайшоў нас. Быццам і схаваліся, але глядзі ж ты – знайшоў. Лёг за кустамі з намі, за аховай назірае, як быццам і яму трэба. Не пытаецца нічога, глядзіць і глядзіць.

А гэтым часам на станцыю прыйшоў адзін цягнік і перад ахо-

вай і спыніўся. На суседні шлях адразу ж за ім падыйшоў санітарны эшалон. Адчыніліся дзверы, сталі некага выгружаць, кагосьці загружаць, мітусня, адным словам. Ахова падыйшла да санітарных вагонаў, пачала распытваць, цікавіцца нечым, як гэта заўсёды бывае.

Хлопчык наш раптам і гаворыць: “Дайце ВР”.

ВР, самі ведаеце, таварыш пісьменнік, скарочана выбуховае рэчыва называецца. Мы разгубіліся, адразу не знайшліся, што і сказаць. Я яму сунуў ВР, не думаючы, як яно спатрэбіцца.

А хлопчык праз хвіліну-другую выйшаў на перон, прайшоўся няспешна, і раптам — сігануў пад цягнік. У гэты час пачуўся свісток, і цягнік стаў кратацца. Ну, думаем, усё — раздавілі! Ды не! Ubачылі, як падлетак паспеў перабрацца ў скрыню пад вагонам, дзе вугаль возяць.

Цягнік стаў набіраць ход. А наперадзе ў яго — мост, той самы, які нам трэба ўзарваць. І вось цягнік ужо на мосце. І недзе на сярэдзіне маста пачуліся выбухі, вагоны сталі адзін на другога наезджаць, грукатня, крыкі.

“Узарваў і сябе!” — зразумелі мы, аслупянеўшы на хвіліну. Але трэба было хутка сыходзіць. І мы зняліся з месца, пакуль нас не выявілі.

Праз паўгадзіны дагнаў нас сувязны групы, што знаходзілася на другім беразе. Яна таксама стала адыходзіць да леса. Сувязны расказаў нам, што яны бачылі, як перад выбухам з маста ў раку кінуўся чалавек. Яго заўважыла ахова, паслала туды кацер, каб вылавіць уцекача. Уцягнулі яго на кацер і некуды павезлі.

Мы вырашылі адбіць палоннага, злучыўшыся з другой групай. Немцы прывезлі яго ў суседнюю каравульную вартоўню. Іх было няшмат — чалавек шэсць-сем. Мы іх паклалі адразу, калі ўварваліся ў памяшканне. Яны не паспелі нават адказаць, не чакалі.

А мы ўсё адно спазніліся. Немцы прыбілі хлопчыка да дзвярэй, а адзін з іх біў малатком па пальцах, усе рукі былі ў крыві.

Мы асцярожна знялі яго з дзвярэй, неак перавязалі, загарнулі ў плашч-палатку і сталі адыходзіць. Нас хутка выявілі. Пачалася страляніна. Згубілі шасцярых. Але здолелі адыйсці ад пагоні на некаторы час.

Хлопчык увесь час трызніў, прасіў выклікаць нейкага Восьмага. Відаць, начальства сваё. Называў невыразна свой маскоўскі адрас. Казаў, што маці працуе ў Наркамфіне, усе яе там ведаюць, што ён уцёк на вайну з трэцяга класа. Пасля заціх.

Нас загналі да ракі. Мы знайшлі ў чароце падтопленую лодку без вёслаў, неяк пагрузілі параненага разам з двума партызанамі. А самі пачалі прыкрываць іх адыход. Патроны ўжо заканчваліся...

Праз некаторы час немцы нас згубілі з поля зроку.

Мы стомлена ішлі да партызанскай базы і думалі, кожны пра сваё, пра сябе, пра тое, а як там нашы таварышы? Ці ўдалося адравацца ад пагоні? Што з хлопчыкам? Ці выжыве з такімі ранамі?

А як прыбылі, далажылі, што ды як. Паведамлілі і пра маленькага разведчыка чалавеку са штаба. Той моўчкі выслухаў, нешта ўдакладніў, пасля сумрачна памаўчаў, махнуў рукою і паехаў.

А таварышаў тых мы не дачакаліся. Так і не ведаем, які іх лёс. Што з імі сталася. І з хлопчыкам таксама.

Калі нашы войскі вызвалілі Мінск, атрад наш затрымаўся ў горадзе. Я хадзіў па вуліцах, як быццам нешта згубіў. Выпадкова натрапіў на фотастудыю. Гэта надзвычай здзівіла. Але вырашыў і я сфатаграфавалі на памяць. І раптам убачыў у вітрыне фотаздымак нашага хлопчыка. Не паверыце! І я таксама спярша не верыў, калі ўбачыў здымак. Заб'ёг, схапіў старога фатографа за руку і пацягнуў на вуліцу да вітрыны. Тыцкаю пальцам на здымак і пытаюся, а хто гэта? А той нічога не разумее, разгубіўся, глядзіць на мяне, як на вар'ята. А я ледзьве розум не страціў ад радасці: усё, думаю, зараз даведаюся, што за хлопчык, як завуць яго, адрас хатні. Кажу, дзе квітанцыя, што там напісана. А стары адказвае, няма квітанцыі, хлопчык сам забраў свой здымак, а гэтая картка — на вітрыне — для кліентаў. Прыходзіў з танкістамі, з імі і сыйшоў пасля здымак. Звесткі на квітанцыі не памятае, канешне, — шмат людзей здымаецца для дакументаў, для сябе, для сяброў.

Я спытаў, як да хлопчыка звярталіся танкісты, імя, відаць, называлі. І тут фатограф стукнуў сябе па ілбе, сказаў, што ўспомніў, так, звалі яны яго Сан Санычам.

Значыць, Аляксандр Аляксандравіч. У дзесяць-дванаццаць гадоў — па бацьку клічуць.

Пасля вайны я хацеў паехаць у Маскву, таварыш пісьменнік, паспрабаваць знайсці Сан Саныча ці маці яго, як давядзецца. Але так і не атрымалася. Жаніўся, дзеці, праца. Не-не ды і ўспамінаю лета сорок чацвёртагак года, беларускую станцыю, падрыў цягніка, каравульную вартоўню, хлопчыка ў плашч-палатцы.

Таварыш пісьменнік, можа быць, вам давядзецца ў сваёй Маскве даведацца, дзе цяпер Сан Саныч? Ці жывы ён?

Хацелася б верыць, што не дарэмна мае таварышы паляглі, вызваляючы тады з палона хлопчыка.

Пісьмо дапамагла напісаць мне старэйшая дачка-студэнтка. Яна чытала вашы кніжкі пра вайну. Цяпер чытаю іх і я. Цяжка ўспамінаць вайну, але не ўспамінаць яшчэ цяжэй.

Подпіс мой, канешне ж, неразборлівы, таму што двух пальцаў на правай руцэ няма пасля адной нашай вылазкі на чыгунку. Ды подпіс і ні пры чым. Размова ж не пра мяне».

ЗНАМЯ

*Памяти Романа Петровича Мисника
(1912–2001)*

Дедушка стоял перед очередной стеклянной витриной в музее истории Великой Отечественной войны и пристально смотрел на какую-то вещь, над чем-то задумавшись.

Десятилетний внук нетерпеливо потянул его за рукав. Дедушка не обернулся. Тогда мальчик позвал его:

— Дедушка, пойдем дальше. Это мы уже посмотрели.

Тут только дедушка спохватился:

— Подожди, внучек. Знаешь, что это такое?

Он показал на красное знамя, в развороте прикрепленное к стенду.

— Знаю, знамя, — ответил мальчик. — Мы их уже видели в соседних залах.

— Это не простые знамена, а боевые, — объяснил ветеран войны. — За каждым из них своя славная история, раз они в музее находятся. За них люди жизнь свою отдавали, кровь проливали, но врагу не отдали. Потеря знамени — позор и бесчестье для войска. Присягу принимали перед знаменем.

— Да, слышал, — спокойно отозвался внук.

— Слышал, да не понял, — почему-то недовольно сказал дедушка. — Что ты видишь на этом знамени?

— Слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», герб Советского Союза, звезду с серпом и молотом, номер полка.

— Но ты не знаешь, как это знамя появилось в музее. А спасли его твой прадедушка Петр Матвеевич и его сестра Евдокия Матвеевна. И наградили их за это боевыми орденами. Правда, ты с ними не знаком, они уже в лучшем из миров.

— Они тоже воевали, как ты, дедушка? — удивился внук.

— Нет, не воевали, как я. Хотя как посмотреть... Пойдем-ка, Алесь, домой, я тебе по дороге расскажу, как это было, а потом кое-что и покажу.

В это время в зал вошла очередная группа с экскурсоводом.

Экскурсовод начала свой обзор, подошла и к витрине, возле которой стояли дедушка с внуком. Они потеснились, уступая место.

— А это вы видите знамя 84-го артиллерийского полка, которое было вынесено из окружения под городом Шауляй в июне 1941 года лейтенантом Романом Петровичем Месником с группой бойцов. Затем оно было спрятано в родной деревне лейтенанта, а после освобождения Беларуси передано в Лепельский районный комитет коммунистической партии его отцом и тетей.

— А сам лейтенант погиб? — спросил кто-то из слушателей.

— Роман Петрович прошел всю войну, брал Берлин, награжден орденами и медалями. Через 39 лет увидел это знамя в нашем музее. В нашем фонде есть автобиография и воспоминания ветерана войны. Пройдемте в следующий зал.

Дедушка и внук посторонились, пропуская группу.

— Дедушка, так это ты сам знамя спас? — удивился мальчик, когда пошли к выходу.

— Не обошлось, как слышал, и без меня, — согласился тот.

— А что же ты промолчал? Надо было сказать, вот я рядом. Почему тебя экскурсовод не узнала?

— Не хотел ее перебивать. Она же на работе. Да и молодая, всех не упомнишь, о ком говоришь, — объяснил старик.

— Зря, дедушка. Людям было бы интересно посмотреть на тебя, — заметил внук.

Подошли к остановке, сели в трамвай, мальчик, как всегда, у окна.

— А что, дедушка, всегда под знаменами люди воевали? — поинтересовался внук.

— Всегда не всегда, а у нас со времен древних славян. Сначала были шесты со знаком наверху, например, птицы какой-нибудь: орла, там, или совы. Они указывали на место сбора войска, на командный пункт, а во время боя использовались как сигнал. И называли их вначале стягом. Потом уже так не дrevкo именовали, а само полотнище на нем.

— Как это стяг стал знаменем?

— От слова «знамение», то есть знаменовать, означать. Раньше на стягах был лик Христа, молились на стяги, как на иконы. Вот в старинных рукописях знаменем назвали стяг Дмитрия Донского, когда он на Куликовом поле разбил монголо-татар. Было это давно, в 1380 году. Так это знамя сохранилось до нашего времени, представь себе. А вообще несколько веков еще по-разному называли — то стяг, то знамя, а суть одна: береги знамя пуще ока своего.

— Пуще чего?

— Пуще глаза своего, значит. Еще в присяге во времена Петра Первого говорилось, что тот, кто знамя свое не бережет, тот недостойн называться солдатом. За его утерю полагалось самое тяжелое наказание. Поэтому одна из первых почетных наград уже в Красной армии — орден Красного знамени.

— У тебя есть такой орден, дедушка, раз ты знамя спас? — спросил Алесь.

— У меня другие — орден Красной звезды и орден Отечественной войны 2-й степени, — уточнил дедушка.

— Покажешь, дедушка, когда приедем домой, — попросил внук.

— Покажу, Алесь. Давай выйдем с тобой, пройдемся немного.

Они вышли из трамвая и пошли не спеша к дому. Погода была весенняя, начало мая. Дедушка оглядел знакомую улицу, невысокие дома, деревья, на которых уже появилась зеленая листва.

— А эти дома строили немцы, военнопленные, — показал он, — поэтому у центра нашего города такой вид.

— Мне больше высоченные дома нравятся. Есть в Минске и такие.

— Да, а в войну город в руинах лежал, — сказал дедушка.

Зашли в свой подъезд, поднялись на третий этаж, позвонили в дверь.

Бабушка засуетилась:

— Обед еще не готов. Все на работе. Что-то вы рано управились...

Дедушка прошел в свою комнату, сказав по дороге:

— Устал немного. Не хлопочи, Алена. Мы с Алесем кое-что посмотрим пока.

Она успокоилась, скрылась на кухне, загремела кастрюлями.

Старик взял из шкафа небольшую бумажную папку с тесемками, сел за стол, открыл папку, вынул бумаги.

— Сядь рядышком, Алесь. Вот написал кое-что по памяти, как это было. Но сначала прочитаю тебе один документ. Это из Указа Президиума Верховного Совета СССР: «Боевое Знамя всегда находится со своей частью, а на поле боя — в районе боевых действий части. Весь личный состав части обязан самоотверженно и мужественно защищать Боевое Знамя в бою и не допустить захвата его противником. При утрате Боевого Знамени командир части и военнослужащие, непосредственно виновные в таком позоре, подлежат суду военного трибунала, а воинская часть — расформированию».

— Даже так? — удивился внук.

— А как же, — подтвердил дедушка. — У меня долгая история получилась. До войны работал я мастером-строителем, да и после войны тоже. В 1937 году призвали меня в армию. Она тогда называлась Рабоче-крестьянская Красная армия. В 1939 году окончил школу младшего командирского состава, присвоили мне звание техника-интенданта 2-го ранга.

— Это ты техникой, дедушка, занимался, что ли? А по-современному это какое звание?

— Лейтенант. Работал я начальником секретной части в своем полку.

— Вот это да! — восхитился Алесь. — Так ты секреты охранял? От шпионов?

— И от шпионов тоже, — согласился дедушка. — Когда двадцать второго июня сорок первого года началась война с фашистской Германией, мы находились в районе одного литовского города. Шауляй называется. Ты слышал, экскурсовод в музее говорила об этом. Воевали до 29 июня, пока не попали в окружение. У нас уже не было боеприпасов, да и продовольствие кончилось. Командир полка приказал уничтожить оставшиеся орудия, технику, выходить отдельными группами из окружения. А мне лично надо было по приказу тоже кое-что уничтожить: личные дела состава

полка, секретную переписку, некоторые документы, чтобы это не попало к врагу. Но главное — вынести воинское знамя.

— Как же ты один это смог?

— Да нет, внучек, не один, конечно. Были со мной штабные работники и бойцы. Уложил я знамя и печати в полевую сумку, обернул оставшиеся документы в брезент, и пошли мы в направлении реки Неман. Она там тоже течет. Надо признаться, я плохо плавал, а переправляться надо было. На чём? Придумали вот что: сняли баллон со штабной разбитой машины, принесли к реке и начали переправляться на другой берег.

— И вас никто не заметил? — обеспокоенно спросил Алесь.

— Заметили. Попали под огонь пехоты. Да еще все время немецкие самолеты бомбили с воздуха, не подпускали наших к реке.

После засады осталось из моей группы четверо. Шли в основном ночью, везде были немцы, местного языка мы не знали, карты не было. Посуди сам, каково пришлось нам. Боялись, что местные жители выдадут нас, поэтому в деревни не заходили, было опасно.

Питались, чем попало. Одним словом, «чужбіна не родная матка: хлеба не дасць». Ели рожь, сырую бульбу.

— Почему сырую? — удивился мальчик.

— Костер нельзя было разводить, могли увидеть. Так и шли около пяти или семи дней. А однажды утром проснулся, никого нет. Остальные сбежали.

— Куда?

— Кто его знает куда. Может, к немцам, может, к литовцам, может, сами решили без меня идти. Струсили. Со мною ведь опасно было: если знамя найдут, всех расстреляют или повесят. А так, может, спасутся. Бог им судья. Не знаю, что с ними стало. Мне тоже надо было решать, что делать. В одиночку и легче, и труднее. Но это если без знамени. Я же за него отвечал.

— Да, дедушка, задача трудная, — согласился внук. — И до чего же ты додумался тогда?

— А как у нас в народе говорят? «У сваёй хаце і вуглы дапамагаюць». То есть в своем доме и стены помогают. Что и говорить: «Родная зямля — маці, чужая старонка — мачаха».

— Так ты к своей маме шел? — высказал догадку Алесь.

— Мама моя до войны умерла еще. Отец был жив, тетка. Погоди, вот посмотри. Я тебе сейчас покажу родню.

Дедушка достал из папки почтовые конверты, вынул оттуда две пожелтевшие фотографии с надорванными краями:

— Это твой прадедушка Петр Матвеевич, а это его сестра Евдокия Матвеевна.

— Похожи, — сказал Алесь, внимательно разглядывая незнакомые прежде лица.

— Родня, как же, — согласился дедушка. — Так решил я идти к родным. Жили они в разных деревнях, тетка ближе. Сначала к ней отправился. Дошел-таки 27 июля. «У сваім краю, як у раю», — правильная поговорка наша. Хотя в деревне и были немцы. Ночью пробрался к теткиной хате, стукнул в окошко. Дала она мне одежку, надел я ее поверх своего обмундирования и пошел за знаменем в лес. Я там полевую сумку припрятал на всякий случай.

Принес знамя, переложили его мы с теткой в корзину, прикрыли травой, подождали до ночи, потом пошли в отцовскую деревню, через речку на лодке переправились, а тетка домой вернулась. Лесом добрался до деревни, ночью так же к своей хате прокрался.

Стали с отцом думать, куда спрятать важный груз. Отец достал из погреба большую стеклянную бутылку, мы отбили ей горло, свернули знамя, засунули его аккуратно туда с тремя печатями, потом пробкой закрыли. Секретный формуляр полка завернули в клеенку, чтобы не подмок. И все это на сеновале, где выкопали яму, спрятали, навалив сверху сено с навозом для надежности. Там, в сарае, и я спрятался. Да донёс все-таки кто-то: пришли эти фашисты, стали отца допрашивать, где сын, всё в хате перевернули, сарай обыскали, сено вилами пропороли.

— Ой, а как же ты, дедушка, спасся? — вскрикнул взволнованно Алесь, хотя тот сидел рядом с ним, живой, невредимый.

— Бог, видно, уберет. Правда, один раз царапнули вилами: задела плечо, но не сильно, вытерпел. Отец потом перевязал, полечил, поэтому двое суток еще побыл дома, пока не зажило. Отца

попросил сохранить знамя и отдать нашим, если они придут и освободят до моего возвращения.

— Так он и сделал!

— Да не один, с сестрою. Под немцами же три года были, оккупация. Это подвиг твоей родни.

— Дедушка, а что с тобой потом было? Если ты до Берлина дошел.

Алесь потрогал медаль «За взятие Берлина», ордена: дедушка вынул из ящика стола коробочки, раскрыл их одну за другой.

Мальчик, внимательно разглядывая награды, приложил поочередно их к дедушкиному пиджаку.

— Далеко до Берлина было, Алесь, — вздохнул дедушка. — Сначала я до линии фронта дошел, тоже ночью, не заходя никуда. Должен был доложить, что выполнил приказ, знамя спрятано в надежном месте. Должен был встать в строй, ведь до победы еще сколько надо было пройти с боями. Вышел из окружения в районе станции Ханино, воевал вместе с частями Красной Армии. А 13 ноября того же года был тяжело ранен, лечился семь месяцев в московском госпитале. Потом снова фронт.

— Досталось же тебе, дедушка, — сочувственно вздохнул внук. — Что же ты раньше мне об этом не рассказывал?

— Раньше ты был маленьким... Досталось всем. Недаром война Отечественная называется. Всем миром навалились, а врагу свою землю не отдали. Как и знамена свои.

— Девятого мая снова наденешь свои награды, дедушка? — не то спросил, не то утвердительно отозвался Алесь.

— Это же святой праздник, конечно, надену.

— Может, и в школу к нам придешь, дедушка? Расскажешь, как воевал, — предложил внук, раскладывая награды по коробочкам. — Вон у тебя сколько наград!

— Позовете — приду, — сказал дедушка, вернув коробочки в ящик стола. — А главная моя награда — это то, что войны больше нет. Да, пожалуй, и боевое знамя нашего полка, которое ты видел сегодня в музее.

Бабушка отворила дверь и спросила:

— О чем вы это тут секретничаете? Не пора ли обедать?

Дедушка с внуком переглянулись.

— Да, бабушка, оказывается, наш дедушка умеет беречь секреты, — сказал Алесь. — Но мне он свои секреты рассказал, теперь уже можно: я же большой, всё понимаю...

23–24 февраля 2017 г.

Минск — Москва — Элиста

КАРТИНА

*Памяти художника
Ивана Никифоровича Стасевича
(1929–1998)*

В Белорусском музее истории Великой Отечественной войны есть на стенде теперь такая фотография: мальчик лет двенадцати в военной форме учится с колен стрелять из автомата, рядом присел инструктор, видимо, командир, всматривается в «мишень».

Сын партизанского отряда Ваня Станкевич.

А её фотографии нет. Потому что она не вернулась с задания — погибла.

Могли бы запомнить ее по Ваниным рисункам, но их в музее нет.

...Ваня рисовал с детства. Как только улучит свободную минуту, схватит карандаш и что-то в тетрадке чертит. Показывать не любил. Говорил, что пока не получается: самоучка. Но вот когда выучится на художника, тогда смотрите, сколько хотите. Может, даже в галерее или музее, на выставке. Домашние посмеивались, но не настаивали. А вдруг и вправду что-то получится.

В школе Ваня помогал старшим ребятам делать стенгазету.

Рисовал черепаху, зайца, велосипед, машину. Это октябрятские «звёздочки» соревновались, кто лучше учится, ведь октябрята — прилежные ребята, любят школу, уважают старших. Лучше у Вани получались зверюшки, остальное, особенно машина, не особенно.

Велосипеда в семье не было. Полуторок в колхозе две, и то приходилось часто ремонтировать. Старушки, одним словом. Должны были получить новый грузовик.

Деревня Медведкино была небольшая, но ребят хватало. Играли в казака-разбойника, в «ножичек», в «пятнашки». Ваня играть любил, но больше — рисовать. Хотя бумаги не хватало, да и карандаш быстро тупился, приходилось его осторожно точить, чтобы не сломался грифель. Таких тетрадок с рисунками у Вани набралось несколько. Он хранил их в укромном месте, думая, что никто до

них не доберется, особенно два старших брата и сестренка. Мама тетрадки нашла случайно, открыла на минутку одну из них и быстро закрыла. Вроде как подглядывает — нехорошо.

А тут война началась. Взрослых забрали на фронт. Ушел и Ванин отец.

Остались в деревне старики, женщины да малые дети.

Скоро немцы дошли и до Ваниной деревни, забрали всех жителей. Ваня был в это время в лесу — рисовал сосны. Вернулся домой, а там никого нет. Бросился искать по деревне, но никого не нашел.

А утром в деревню зашли партизанские разведчики. Куда ему деться? Взяли с собой. Так Ваня оказался в партизанском отряде.

Зачислили бойцом, выдали ему обмундирование, подогнав по росту. Стал он ходить в разведку.

В свободное время Ваня продолжал рисовать. Командир партизанского отряда Мишин подарил бумагу, карандаши. Не для баловства. Нужно писать лозунги, помогать в выпуске стенной газеты, да ему и не привыкать: в школе научился. Еще он рисовал портреты боевых товарищей. Получалось по-разному, но никто не корил; радовались, разглядывая себя, иногда указывая, где промахи: нос картошкой, уши торчком, глаз косит.

Однажды Ваня заболел, простудился на задании: нужно было переплыть речушку, а вода уже холодная, сентябрь. Вернулся, дрожит, как лист осиновый, температура, слег надолго. Ухаживала за ним Женя, медсестра в отряде. Давала лекарства, делала уколы, кормила-поила. Руки ее, когда она меняла компрессы на горячем лбу больного, были прохладные, но заботливые. Ване она казалась Царевной-лягушкой из сказки: все у нее получалось, быстро и ловко. И красивая была. Или она ему такой виделась, потому что они подружились.

У нее были светлые глаза и светлые волосы. Они на рисунках трудно передавались. Чего-то постоянно не хватало, а что именно — маленький художник не мог понять. Потому и прятал рисунки от всех, и от Жени в том числе. Хотя иногда хотелось ей показать

— что она скажет? — но стеснялся. А вдруг ей не понравится.

Нечаянно рисунки эти увидел командир отряда, долго разглядывал, потом сказал:

— Похоже. Но можно и лучше. Старайся, Ванюшка. Рисуи. Потом отдашь мне, ладно? Какой-нибудь один, на память.

Ваня не удивился просьбе командира. Женя была в то время единственной женщиной в отряде. До нее тоже женщины были, одни погибли, другие ушли в соседний отряд по разным причинам.

Ваня потом отдал рисунки командиру, все, где была Женя. У него они будут в сохранности в штабной землянке.

Вскоре отряд попал в блокаду, немцы окружили лес, стянули войска. В день партизаны отражали несколько атак. Кончались боеприпасы, продукты. Надо было думать о прорыве. А для этого — послать людей в разведку, чтобы найти слабое место в фашистском кольце. Кругом болота. Пытались вслепую пробиться в нескольких направлениях, но встретили сильный огонь.

Ваня потом случайно услышал разговор в штабной землянке.

Женя хотела пойти в разведку с ребятами, а командир не разрешал: опасно. Раньше она ходила на такие задания, выдавая себя за беженку или крестьянку. А тут командир почему-то запретил. Даже накричал на медсестру. Если уйдет, что будет с ранеными, о них она подумала? А Женя обещала скоро вернуться.

И не вернулась.

Как объяснили разведчики, они напоролись на засаду. Еле ушли. Пришлось Женю оставить там: пули попали ей в живот.

Ребята только прикрыли ее ветками, чтобы немцы не наткнулись, даже на мертвую. Надо было выполнять задание.

Они нашли место для прорыва.

Отряд вышел из окружения. С потерями.

После освобождения Беларуси пятнадцатилетний Ваня добился, чтобы его зачислили в автомобильно-дорожную часть 1-го Белорусского фронта. Все годы войны рисовал боевые листовки, плакаты, дорожные указатели. Один из последних — «До Рейхстага — 250 метров».

Ваня освобождал Варшаву, штурмовал Берлин, расписался на стенах рейхстага... После войны он окончил Минское художественное училище, поступил в Московский художественный институт имени В. Сурикова. Для дипломной работы решил написать картину из военной жизни. Вспомнил Женю.

А рисунки свои он оставил тогда у командира отряда...

В 1958 году приехал на каникулы в Минск, разыскал своего командира.

Михаил Иванович обрадовался встрече, тому, что Иван теперь станет настоящим художником.

— Это здорово, Ваня! Ты же наш партизанский художник. Немного было таких в войну. Помню-помню твои карикатуры. И на Гитлера тоже. Ты его на сосну, как на кол, посадил. Я в тебя верил. Но кто знал, выживем или нет в той войне. Бог дал, свиделись.

Вспомнили прошлое.

— А я к вам, Михаил Иванович, за своими рисунками. Выхожу на диплом. Надо картину написать. На какую тему? Конечно, на партизанскую.

Хозяин оглянулся на соседнюю дверь, провел гостя на кухню.

Видно, он завтракал, когда пришел Ваня. На столе чугунная сковорода с остывшей уже жареной картошкой с луком, рядом надкусанный кусок черного хлеба, алюминиевая вилка на клетчатой клеенке. Чайник на плите. Фартук на спинке стула. На подоконнике герань цветет. Старый холодильник с поцарапанной дверцей.

— Ты садись, садись, Ваня. С дороги же. Давай чайку, сейчас нагрею воду. Картошку будешь? Ты ешь, не стесняйся. Обед еще не ставили. Хозяйка приболела.

— Спасибо, Михаил Иванович. Сыт я. На железнодорожном вокзале в буфете перекусил.

— Ну так чаю тогда. Как же без чаю. Помнишь, наши партизанские чаи? На листьях, на травах, на ягоде. Пахучий чай был тогда, не то что теперешний. Труха одна. Вот тебе чашка, сахар клади. Тебе сколько кусков?

— Да нисколько. Я чай без сахара пью. С тех пор. Привык уже.

Не хлопчите, Михаил Иванович. Так что с рисунками? Далеко ли? Тут у вас, дома?

Михаил Иванович повернулся к плите, выключил газовую конфорку, поднял полотенцем чайник, снова поставил.

Потом развернулся к столу, сел, помолчал, опустив глаза.

Смахнул со стола хлебные крошки в рот.

— Вань... ты прости меня, старого, — медленно сказал командир. — Не сберег я твои рисунки. Поначалу хранил. В несколько газет завернул. На дне чемодана лежали. Потом во время переезда из коммуналки в эту квартиру недоглядел: хватились того чемодана, а нет его. Довоенный был чемодан. Много в него вмещалось вещей... Я, видишь ли, время от времени доставал твои рисунки, смотрел, вспоминал. Там же не только с Женей были...

Он помолчал.

— Что уж говорить... Давно это было. Любовь у нас Женей вышла. Любил я ее. Я ведь холостой до войны был, не успел жениться.

Михаил Иванович встал, отвернулся к окну, сказал приглушено:

— Помнишь, окружение в октябре сорок второго близ Стожар? Когда ребята с разведки вернулись, без Жени? Рассказали, куда она ранена насмерть была. В живот. А у нее ребеночек зародился тогда. Призналась сама. Потому и не хотел я ее в разведку пускать. А она говорила, что срок маленький, ничего, а те места хорошо знает, ребятам поможет. Сколько раз в разведку ходила... Вот говорят: время лечит, — повернулся ветеран к гостю. — Да не лечит, Ванюш. Только калечит. Столько лет прошло, голос ее помню, песни ее помню, волосы мягкие у нее были, светлые такие. А вот лица уже не вспомнить. Как в дымке, тумане каком. Поначалу там, на войне, снилась. С ромашкой. Любила гадать: любит — не любит. А чего гадать? И так ясно. Помню, как-то веночек сплела из ромашек этих. На голову надела. Жаль, говорит, что зеркала большого нет, красиво, наверно. Да, красиво, говорю я. Да и как иначе?

— А имя Евгения переводится как благородная, — зачем-то сказал Иван.

— Да? — рассеянно отозвался Михаил Иванович. — Из простых она была, деревенских кровей.

Потом сказал, положив руку на плечо Ивану:

— А ты напиши, Ваня, картину по памяти. У тебя память-то молодая, не сравнить. Опять же художник. Цепкий, значит, взгляд. Не забудь показать потом. Если жив буду. Сердце пошаливать стало. Детей у нас с женой нет, не случилось. Так друг дружку и поддерживаем. Как картину назовешь? Или не придумал еще?

— В белорусских болотах, — ответил Иван.

— В болотах, говоришь? — переспросил Михаил Иванович.

— Да, сколько их было на нашей памяти. Такое не забывается... Хорошее название, Ваня.

— И Женя там будет, — уточнил художник. — А рядом дети маленькие, наши партизаны.

— Это хорошо, — подтвердил Михаил Иванович, — что с ребятами. Все не одна на картине будет.

...В Белорусском музее истории Великой Отечественной войны есть на стенде теперь такая фотография: мальчик лет двенадцати в военной форме учится с колен стрелять из автомата, рядом присел инструктор, видимо, командир, всматривается в «мишень».

Сын партизанского отряда Ваня Станкевич, ставший художником, автором той картины «В белорусских болотах».

13–14 апреля 2016 г. – 21. 02. 2017 г.

Элиста — Минск — Элиста.

Из цикла «Сибирская быль»

ВТОРОЙ ИСХОД

Его призвали в Красную Армию в октябре 1939-го с театральной сцены Элисты. За четыре года он сыграл в театре немало ролей в спектаклях русских, калмыцких и зарубежных драматургов, но не стал ведущим актером по разным причинам: в труппе двадцать пять мужчин, и все хотят играть главные роли, а он был моложе многих из них. В свое время с помощью начальника паспортного стола в Малых Дербетах прибавил себе два года, чтобы получить паспорт и уехать учиться в Астрахань после седьмого класса школы колхозной молодежи. Потом вспоминал, как уговорил начальника, сказав, что по калмыцкому обычаю ему уже пятнадцать лет, считай, один год провел ведь в материнской утробе. А поехать ему надо обязательно, вот и рекомендация от школы: постоянно участвовал в художественной самодеятельности, умел декламировать, петь, танцевать, писать стихи. Наверное, убедил, иначе не имел бы паспорта.

Потом, правда, пришлось выдержать сопротивление старшего брата, когда появился в техникуме искусств на улице Суханова, 29.

Лиджи сразу заявил братишке, что тому надо вернуться домой, потому что не бывает двух артистов в одной семье, да и ростом не вышел, подрасти надо, со сцены не увидать его. Когда же Миша робко возразил, что подрастет, брат заметил, что и он тоже вырастет.

— А если парик надеть? — с надеждой спросил младший.

— Все равно узнают, — отрезал старший.

— Но я же не знал, что ты на артиста уехал учиться. Мы думали, что тебя волки съели, когда ты пропал, — попытался оправдаться Миша. — Родня с отцом долго тебя искала в степи, волы на пахоте остались, а тебя рядом нет. Мама все время плачет, болеет.

Лиджи, испытывая неловкость, негромко сказал:

— О маме я не подумал тогда. А отец не пустил бы учиться, ты же понимаешь. Что это за профессия такая — артист, когда и

театра-то у калмыков нет. Он всю жизнь чабанил, иной жизни не знал. Даже в Элисте не бывал. Спорить с ним бесполезно, да и как отцу перечить — не принято у нас. Потом хотел письмо домой написать.

— Не получали мы ничего.

— Да я и не написал, — пояснил тот. — Все думал, как лучше объяснить свой выбор. Тебя-то как отец отпустил в русский город? Ты же маленький. У тебя и паспорта нет.

— Есть уже, — гордо ответил Миша и стал поспешно рассказывать, как удалось ему получить паспорт в Малых Дербетах.

Брат слушал его нехотя, думая о своем. Потом нетерпеливо прервал:

— Ладно, переночуешь в общежитии, а утром возвращайся домой.

Миша хотел было спросить, а что ему дома сказать, почему он вернулся? По правде, как есть, или что-нибудь придумать в оправдание? Но, заметив озабоченное выражение лица Лиджи, подумал, что пока не стоит ничего уточнять. Да и нельзя не слушаться: брат старше его на четыре года, родился в семнадцатом году, незадолго до Октябрьской революции. Есть же калмыцкая поговорка: «Хорошо, когда старший ведет себя, как подобает старшему, а младший — как младшему». Как младший в семье, Миша привык подчиняться родителям, трем братьям, сестре, хотя доставалось и ему отцовского ремня, когда дети баловались. Отец был строгий, а ремень жесткий. Все заживало, как на собаке. Особенно после того, как братья, расшалившись в кибитке, случайно толкнули его на горячую сковороду, и он получил ожоги на своем тощем заду.

Был еще мал, боялись, что не выживет, но выздоровел. Отец тогда сказал, что это значит: будет жить долго... Мише удалось остаться в Астрахани. Судьба это или чудо, но утром он с братом столкнулся перед калиткой с одним из преподавателей техникума, Белопольцевым, который поинтересовался, куда они идут. Тот, выслушав невнятное объяснение братьев, возвратил их в класс.

Лиджи пришлось смириться с тем, что в их семье будут два артиста. Он стал опекать младшего, поучая его во всем, в том числе

и в учебе. Миша был рад стараться, из трех братьев Лиджи был ему ближе. Он показывал ему свои стихи и заметки, отправляя их в Элисту в редакции газет «Внучата Ленина», «Красная молодежь» и «Красный калмык». И они вместе радовались, получая номер той или иной газеты с первыми публикациями.

Лиджи предупредил начинающего поэта, что надо писать о главном, а не о пустяках, тогда могут напечатать стихи.

— А что, по-твоему, пустяки? — осторожно поинтересовался младший брат.

— То, что всех не касается.

— Например?

— Любовь, например. Это касается двух людей. И всем об этом знать необязательно. Вот ты правильно написал стихотворение о земляке-табунщике, который получил орден «Знак Почета» в Москве за свой труд, или о своем билете ударника, или о стахановце Кичике Бовгадаеве. Надо быть для людей примером. Взять нашу будущую с тобой профессию. Мы, артисты, должны своих зрителей увлекать героями на сцене, чтобы каждый думал, что так и будет, если не жалеть своих сил для лучшей жизни, как в стране Бумбе. Помнишь, клятву богатырей Джангара?

— Наизусть знаю, как каждый калмык.

— Вот и соблюдай эту клятву.

...А 14 ноября 1939 года, через месяц после призыва, Михаил принял воинскую присягу, дал клятву Родине. Он помнил каждое слово, произнесенное у полкового знамени в Забайкальском военном округе:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное имущество и до последнего дыхания быть предан-

ным своему народу, своей советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству.

Я всегда готов по приказу рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, и, как воин Рабоче-крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

После прохождения курса молодого бойца в день присяги Михаил впервые получил оружие, он вышел из строя, подошел к командиру своего подразделения и зачитал эту торжественную клятву. Слова ее заучил наизусть, ни разу не запнулся, несмотря на волнение.

На театральной сцене он играл в спектакле по пьесе Билль-Белоцерковского «Пограничники», но никогда не думал, что придется самому служить на границе. Здесь тоже писал стихи, когда удавалось, посылал на родину в редакции газет. Одно из напечатанных стихотворений так и называлось по-русски — «Пограничник», а не «Харулч».

Михаил вспомнил, как прочитал в республиканской газете «Ленинский путь» письмо среднего брата-призывника «Буду честно служить трудовому народу». Это было в августе, когда Лиджи получил повестку. Два старших брата, Эрдни и Санджи, уже служили в армии. Для Михаила это письмо стало неожиданностью, но он готов был подписаться под каждым словом Лиджи, запомнил весь текст.

«Отец мой — бывший батрак. В изнурительном, каторжном труде прошла большая часть его трудовой жизни. Темным, неграмотным, обездоленным влачил он жалкую, полуголодную жизнь, — писал брат. — Я — ровесник Октября. Мне не пришлось испытать безжалостную эксплуатацию калмыцкого народа зайсангами, нойонами, капиталистами. Я живу в счастливое время, радуюсь

вместе со всеми трудящимися расцвету социалистической Калмыкии, везде и всюду вижу радостную, культурную, зажиточную жизнь.

Партия и правительство призывают меня нынче в ряды доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. С безграничной радостью приму я звание воина страны социализма, с великой гордостью возьму в руки боевое оружие. Для меня нет ничего почетнее, чем охранять границы моей цветущей родины, охранять труд великого свободного народа от посягательства презренных врагов.

К поступлению в армию я основательно подготовился, сдал нормы на значки: «Ворошиловский стрелок», ГСО, ПВХО и ГТО, хорошо прошел допризывную подготовку.

Моего отца постигла нынче большая радость: три его сына призваны в ряды РККА. Мы, три брата, будем честно и преданно служить трудовому народу».

Да, Михаил тоже готовился к будущей армейской службе, как и братья, сдал нормы на те же значки, прошел допризывную подготовку. Не хотелось отставать от родни.

Поэтому в армии с удовольствием прочитал письмо из дома, с вырезкой из газеты «Красная молодежь» за 25 декабря 1940 года.

Это «Письмо из части» опубликовал Андрей Тишкин.

«На днях наша комсомольская организация получила интересное письмо из части, где служит бывший артист нашего театра комсомолец М. Хониев.

Политрук и командир подразделения, в котором состоит т. Хониев, сообщают о том, что он за время пребывания в части ведет себя дисциплинированно, по боевой и политической подготовке имеет только отличные и хорошие оценки, является активным общественником и хорошим товарищем.

“Тов. Хониев, — говорится в письме, — имеет от командования 7 благодарностей. Мы гордимся работником вашего театра и горячо благодарим ваш коллектив за его большевистское воспитание”.

Это письмо прочитали на комсомольском собрании, и здесь же, на собрании, мы написали в часть ответное письмо».

Эта газетная вырезка ходила по рукам в подразделении, где

служил Михаилл, пока ее не зачитали до дыр, как и его стихи.

Несмотря на то, что сослуживцы не знали калмыцкого языка, они слушали авторский перевод, гордясь тем, что у них есть свой артист и поэт. Часто просили Михаила декламировать свои стихи, им нравилось, как он читал по-калмыцки: для них непонятно, но с большим чувством. Михаил рассказывал им об учебе в Астрахани, открытии родного театра 8 ноября 1936 года, о том, как он с братом играл в одних и тех же спектаклях, ходил на демонстрации.

Солдаты удивились, что у калмыков не принято было раньше хлопать в ладони: так можно было призвать нечистую силу, оказывается. И смеялись, когда Михаил вспомнил, как отец смотрел спектакль, где играли его сыновья, и с удивлением спросил: «Почему все хлопали так громко в ладоши после того, как занавес закрылся? Все шулмусы, наверное, сбежались сюда. Один я не хлопал». Когда сыновья объяснили, в чем дело, еще не старый Ноган покрутил недоверчиво свои черные усы, но успокоился. «В следующий раз буду хлопать, дети мои, — пообещал он. — Расскажу колхозникам, что такое наш театр, не все видели». Следующего раза не получилось: отец в «Коминтерне» работал чабаном, не всегда мог отлучаться, а потом рано ушел из жизни, надорвался на тяжелой работе еще в батраках.

Самому Мише с братьями тоже пришлось в детстве трудиться на богачей, пасти чужой скот, гнать животных на водопой, чаще играть с телятами, чем с ровесниками. Да и назвали его в отличие от братьев русским именем в честь богача, на которого работали.

И, когда в их колхозе впервые появились сталинградские трактора, все ученики на переменах выбегали на улицу смотреть на эти грохочущие машины, мечтали сесть за руль, стать трактористами.

Не отставал от них и Михаил, представляя, как он будет работать с такой техникой, как сядет на этого железного коня, на другом коне он с малых лет научился ездить. Не получилось из него тракториста.

В армии стал командиром снайперского взвода после того, как окончил шестимесячные краткосрочные курсы младших лейтенантов при Сретенском военном пехотном училище в Читинской

области. Догнал среднего брата: Лиджи после окончания Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова раньше него стал младшим лейтенантом, командовал взводом. Даже воевал на Халхин-Голе, помогая братьям-монголам отогнать японского захватчика. Прислал две фотокарточки: на одной он еще курсант, на другой — уже в офицерской форме, в фуражке. Михаил время от времени доставал из планшета эти фотокарточки, мысленно беседуя с братом. Письмами они обменивались, но почта шла долго.

Лиджи не успел жениться до армии, да и за девушками особенно не ухаживал: то ли никто не нравился, то ли некогда было, он хотел стать режиссером, помогал в постановке спектаклей. В программах некоторых спектаклей значился лаборантом режиссера.

Михаил тоже один раз попробовал себя в таком новом качестве: интересно было наблюдать со стороны, как строится спектакль.

Он вспомнил, как к открытию театра репетировали спектакль «Борец-сирота» по пьесе калмыцкого драматурга Хасыра Сян-Белгина, трудно было заучивать стихи, непривычно — в техникуме играли пьесы, написанные в прозе. Даже написал рецензию, которую опубликовали потом в газете, накануне премьеры.

Актерское умение пригодилось на войне. После Смоленского окружения, выйдя к партизанам, попал с напарником в передрагу, оказался в немецкой комендатуре. Допрашивали их поодиночке.

Михаила провели в кабинет коменданта. Он и сам не мог понять, как в поединке с врагом одержал над ним верх, заинтересовав калмыцкими небылицами: рассказал их по памяти. Немецкому коменданту то ли скучно было, то ли решил поиграть в кошки-мышки с пленным азиатом, но только удалось тогда избежать расстрела, а по дороге в концлагерь спастись, бежать вместе с другими пленными-красноармейцами.

Наверное, судьба его хранила. Михаил не верил в бурханов, но в судьбу почему-то верил. Был тяжело контужен в начале войны, а потом судьба миловала его. Сколько раз бывал в рукопашной, вставал первым в атаку, ходил в разведку, на подрыв мостов и железных дорог, сколько раз выходил с товарищами из окружения!

Долго рассказывать.

Думал дойти до Берлина после освобождения Минска 3 июля.

В сентябре 1944 года Михаила, уже лейтенанта, неожиданно вызвали к военному начальству, сообщили о его демобилизации.

Его партизанская рота была расформирована и вошла в состав действующей армии. Он не успел обрадоваться новым погонам, новому званию, да и не сразу понял, в чем дело: война-то еще идет.

Лейтенанту объяснили в спецотделе, что его народ репрессирован за измену родине, сослан с конца декабря 1943 года в Сибирь, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Поэтому всех офицеров-калмыков снимают с передовой и отправляют по месту проживания их семей.

— Ничего, лейтенант, крепись, — сказал майор Никитин. — Ваших рядовых вообще отправили в Молотовскую область на большую стройку. Так что считай — тебе повезло.

— Товарищ майор, можно обратиться с вопросом? — не выдержал Михаил, выслушав то, что никак не мог осознать.

— Слушаю, лейтенант.

— Как это народ может быть предателем? Понятно, бывают разные люди-предатели, но народ-предатель? Сколько калмыков воевали на фронтах и в тылу врага партизанили! У меня все три брата на войне с самого ее начала! Эрдни, Санджи, Лиджи! И я даже не знаю теперь, погибли они или живы, война ведь не кончилась! В роте моей земляк-калмык воевал, коноводом у меня был...

— Лейтенант, по-человечески я тебя понимаю, — прервал его майор Никитин. — Трудно понять сразу, да. Такая беда. Не только у калмыков. Соседей ваших тоже сослали: карачаевцев, чеченцев, балкарцев. Не мне тебе объяснять: приказы не обсуждают. Я и так тебе много сказал, да. Не положено. Но я посмотрел твои боевые характеристики, представления к наградам, ты воевал, как надо. Да и партизанское начальство хорошо о тебе отзывалось, пыталось за тебя ходатайствовать, чтобы оставить в частях. Знаешь, некоторые командиры выдают своих калмыков за бурят или киргизов, надеются, что так спасут от позора и ссылки. Сами себя подставляют, не боятся, что ли, черти... В общем, желаю тебе найти своих родных. Ты женат вроде?

— До войны женился, товарищ майор. Жена тоже артистка, вместе в театре служили. Дочке скоро шесть лет.

— Ну вот и разыщи их. По предписанию должен сначала явиться в военкомат по месту прежнего жительства, там тебе сообщат, куда семью отправили. Родители-то живы?

— Умерли до войны, товарищ майор.

— Тоже, считай, повезло, лейтенант. Как со стариками в ссылке тяжело. Так что твой первый пункт назначения — город Степной.

— Я из Элисты, товарищ майор, из Калмыкии. Там жил и работал до призыва на армейскую службу в 1939 году.

— Нет такого города, лейтенант. Переименовали, когда калмыков выселили, республику вашу упразднили после операции НКВД. Нет вас теперь на географической карте.

— Товарищ майор, можно еще обратиться с вопросом?

— Лейтенант, я все уже сказал, что можно и что нельзя. Ну, так и быть, слушаю напоследок, — майор встал из-за стола, показывая тем самым, что разговор закончен.

— А на чем же можно было целые народы вывозить так далеко?

— На поездах, думаю, лейтенант. Да вас, калмыков, и не так много, насколько представляю?

— Немного, товарищ майор, — подтвердил Михаил, а сам с горечью подумал: «А будет еще меньше».

— Держись, лейтенант. Раз войну пережил, значит, и в ссылке не пропадешь, да.

— Есть держаться, товарищ майор. Разрешите идти?

— Идите, лейтенант.

Михаил, козырнув, четко развернулся и вышел из комнаты спецотдела. Но за дверью сразу присел в коридоре на один из стульев: ноги не держали, а ум отказывался принимать новости. Он снял фуражку, смахнул ладонью со лба выступивший пот...

Он видел на дорогах войны тысячи беженцев: стариков, женщин, детей. Они бежали от войны, от смерти, от беды. Даже звери бежали. Встретил его полк в июле сорок первого года цирк Дурова, наверное, был на гастролях.

Михаил подумал: какой это по счету исход для его многострадального народа? В конце восемнадцатого века хан Убаши увел своих подданных на родину, в Джунгарию, и горемычных ойратов на всем пути преследовали царские войска, казахские жузы.

Сколько тогда людей погибло — от голода, жажды, болезней, боев!

Оставшиеся в низовьях Волги терпели притеснения вдвойне. И все же Михаил считал, что правильно его предки во главе с ханом Хо-Урлюком в 1609 году добровольно перешли в подданство Российской империи, спасаясь от китайских набегов и своих междоусобиц: сохранили народ. Надо будет пьесу об этом написать.

И вот новый исход «друга степей»!..

Михаил надеялся, что эта трагическая ошибка будет исправлена. Не сейчас — идет война. Но после войны, когда победим фашистов, обязательно. Иначе не может быть. Надо только не молчать. Надо бороться за правду, писать письма в Москву, самому Сталину. Не сдаваться!..

14 ноября 2018 г.

«ПРОЩАЙ, РОДНАЯ СТЕПЬ!»

Поезд пришел на станцию Дивное ранним утром. Среди пассажиров, вышедших на мокрый после сентябрьского дождя перрон, был невысокий худощавый офицер с погонами лейтенанта. Он казался невыспавшимся, а может, чем-то озабоченным, между широкими бровями залегла глубокая морщина. Лейтенант поправил небольшой вещмешок за левым плечом, мельком взглянул на свои часы, торопливо стал ловить на дороге попутную машину.

Одна полуторка с потрепанным выцветшим брезентом остановилась. Из окна высунулся пожилой шофер:

— Тебе куда, служивый?

— В Элисту, — по привычке отозвался смуглый офицер.

— В Элисту? — переспросил без удивления шофер, сделав ударение на первом слоге. — Да нет, милоч, такого города. Степной теперь прозывается.

— Тогда в Степной, — согласился лейтенант.

— Я как раз через Степной еду. Садись, подвезу.

В кабине было душно, назойливо, по-осеннему жужжала залетевшая муха. На переднем стекле был закреплен небольшой портрет Сталина из газеты. Офицер покосился на изображение генералиссимуса, не зная, чего ожидать от своего нового попутчика.

— Списали, что ли, из армии? — любопытствовал шофер, тронувшись в путь.

— Демобилизовали в запас, — коротко сказал лейтенант.

— Калмык, значит. Зовут-то как?

— Михаил.

— По-нашему. А чего едешь в город?.. Ваших-то всех в товарняки погрузили на станции Абганеро — и к черту на кулички. Слышал, слышал. А меня зови Демьянычем для общения. Путь хоть и не дальний, но около ста километров.

— А по имени? — вежливо поинтересовался калмык. — Как-то у нас не принято к старшим обращаться запросто.

— Я не начальник, чего по имени-отчеству величать. Зови просто — Демьяныч.

Помолчали. Мотор нагружено ревел на подъемах, словно требуя передышки. Встречные машины с грузом проезжали мимо, поднимая клубы серой пыли, которая забиралась сквозь щели в кабину. Еще зеленые деревья убегали прочь по обочинам дороги. Квадраты полей, желтея, набегали друг на друга.

Короткие пальцы Демьяныча уверенно держали руль, казалось, он и родился шофером. Михаил еще с детства уважал тех, кто имел дело с техникой, сам мечтал стать трактористом. На войне не удалось освоить водительское ремесло, может, со временем получится.

— Давно за баранкой?

— Со школы, сынок. А ты дома давно не был, поди?

— С октября тридцать девятого, как в армию призвали.

— Давненько, — согласился Демьяныч. — Служил где, если не секрет?

— Теперь какой секрет? В Забайкальском военном округе, близ станции Бырка Читинской области.

— Эка куда тебя из степей занесло! — крикнул шофер. — Не терялся в тайге-то?

— Это заблуждение многих: если из степей, то в лесу пропадет. А на самом деле всё наоборот. У кочевника взгляд цепкий, ориентируется на любой местности, память зрительная особенная: за каждую травинку цепляется.

— А на войне где был?

— Все по лесам пришлось, — уклончиво ответил Михаил, решив воздержаться от подробностей.

— Понятно, партизанил. Партизан уважаю, смелые люди. В тылу врага только на себя и надейся: обуй, одень, накорми, оружие добудь. Все время начеку, когда кругом фашисты, тыла нет. А меня на фронт не взяли: порок сердца нашли. Но и тут работы хватает, день и ночь в пути. Сам-то я местный.

Лейтенант, думая о своем, молча кивнул.

— А кого ж ты дома найдешь, Миша, если всех забрали подчистую? — сочувственно спросил Демьяныч.

— Мне адрес надо узнать, куда их...отправили...

— Ага, понятно. Ты не думай чего плохого обо мне, раз спрашиваю. Жалко всех все равно. Детишки-то, бабы, старики в чем провинились?.. Мужики ваши воевали на фронте, как полагается... Ну а изменничали тут... так в любом стаде есть худая скотина... Правда, не все так думают. Ругаются, мол, правильно наказали, нечего цацкаться — дружба народов и все такое, разбаловали до войны.

— Наши предки Россию защищали с семнадцатого века, южные границы держали на замке, в наполеоновский Париж вошли на конях и верблюдах, — не выдержал Михаил.

— Так-то оно так, — согласился Демьяныч. — Хорошее быстро забывается, а плохое торчит занозой. Ты что же, сынок, поедешь за своими в ссылку?

— Поеду.

— Найдешь?

— Найду.

— Много родни у тебя осталось?

— У калмыков всегда много родни, как полагается. Калмыки говорят: у человека есть старшие родственники, у шубы — воротник. Семь колен в роду каждый должен знать.

— А у нас уже по-другому. Слыхал, небось, про седьмую воду на киселе?.. — усмехнулся шофер. — Своя семья у тебя есть, Миша?

— Есть, жена с дочкой.

— Дождутся, стало быть... Ты сосни чуток. Небось, в поезде не выпался. В дороге не один день провел.

— Если не помешаю, попробую поспать.

— Не помешаешь. Я к дороге привычный. Спи, сил тебе надо набраться...

Михаил тут же провалился в сон, как в глубокий степной колодец...

Приснилось ему, как весной во время кочевки сонная мама выпустила его из своих рук на рассвете, и он соскользнул в траву. И, поскольку был хорошо закутан в овчину, не разбился. Звон верблюжьих колокольчиков удалялся, потом стих. Когда взрослые

хватились пропажи, повернули караван обратно. Радости родительской не было предела: из десяти детей выжили только пятеро, и Михаил был самым младшим. Отец, вспоминая об этом, сказал сыну: «Мог бы ты тогда разбиться, но уцелел. Родная земля — как материнская шуба, запомни. Так еще наши предки говорили».

На войне ему изредка снилась покойная мама. Она спрашивала его о братьях, тревожась за их жизнь. Он отвечал ей, что давно не получал писем от них. И вот опять она явилась к нему в сновидении.

— Сынок, ты выглядишь усталым, — обняла его мама. — Присядь, отдохни немного, выпей чигян. Я для тебя свежий напиток приготовила. Вот налила тебе в отцовскую пиалу. Пей, милый.

— Спасибо, мама. Я и вправду устал, жажда замучила — жарко.

— Да, жарко, — почему-то мужским голосом подтвердила мама...

И Михаил проснулся. Видимо, он вслух пожаловался на жару, а Демьяныч решил, что попутчик с ним разговаривает.

— Скоро подъедем, — сказал шофер.

Михаил был еще под впечатлением сновидений, поэтому только кивнул.

Когда въехали в город, Михаил спрыгнул с машины.

— Удачи тебе, лейтенант, — пожелал Демьяныч, пожав крепко руку. — Прощай.

— Спасибо.

Михаил дошел до своего дома на улице Кирова, дверь была заперта, заколочена досками крест-накрест. Это не было неожиданностью, но подтвердило то, что уже знал. Сердце как будто сжалось. Он толкнул соседнюю калитку.

— Тетя Маша, добрый день.

Соседка радостно всплеснула руками:

— Миша! Здравствуй, здравствуй! Возмужал! Сколько лет тебя не видела, и вот дождались, батюшки! Уж как Нюдля с дочкой обрадовались бы, увидев тебя живым-здоровым!

Она промокнула серые глаза уголком фартука.

— Проходи в дом, отдохни с дороги, поешь. Я пирогов напекла, обед готовлю, горячее все.

— Не беспокойтесь, тетя Маша. Нюдля оставила что-нибудь для меня? Какую-нибудь записку или письмо?

Соседка торопливо закивала, настойчиво провела в кухню, усадила за стол, застеленный клеенкой. Из другой комнаты выглянули ее дети, она замахала на них руками, они поспешно и послушно закрыли за собой дверь.

— Какое беспокойство, Миша! Не чужие же. О чем говоришь? Сколько лет рядом жили. Ешь, не стесняйся. Вот суп. Сейчас письмо принесу.

Она вышла в спальню, вскоре вернулась.

— Это письмо и ключи от твоего дома... Еще чаю выпьешь?

— Спасибо, сыт уже. Все вкусно, как всегда. Не обижайтесь, тетя Маша, пойду домой, — он поднялся с табуретки.

— Какие обиды, Миша! Это вы, наверное, обижаетесь на нас. Не заступились за калмыков. Но что мы могли сделать?.. Солдаты с винтовками, сборы короткие, едва успели помочь Нюдле собраться в дорогу. Да ведь много груза и не разрешили с собой брать. Приказ им зачитали. Я от волнения ничего толком не поняла, не запомнила, уж прости. Честно говоря, испугалась. А уж твои-то, каково им было тогда! Конец декабря, холода стояли, ветер сильный. Вот тебе и Новый год! Не так думали встретить его... Что-то я не то говорю... Растерялась, Миша... Солдаты забили досками дверь после ухода семьи... Ты с собою пирогов возьми, с чаем поешь...

Она протянула ему кулек с пирогами.

— Тетя Маша...

— Ничего, ничего, — женщина обняла его по-матерински. — Все утрясется, перемелется — мука будет. Бог все видит, не оставит в беде...

Вернувшись домой, положив вещмешок, Михаил прошелся по двум комнатам, потрогал некоторые оставленные вещи: дочкины игрушки, книги. Только потом он развернул листок бумаги, прочел письмо от жены. Она, конечно, не знала, куда их везут, но просила, если вернется с войны, найти семью. Он и не надеялся, что увидит

в письме конечный адрес, но испытал какое-то чувство разочарования, словно его обманули. Куда их отправили?.. Вспомнил слова майора Никитина. Сибирь... Средняя Азия... Дальний Восток...

После обеда Михаил отправился в военкомат, представился, предъявил документы. Потом спросил о судьбе семьи, где ее искать. Попросили подождать, потом подали листок с адресом. Он прочел первую строчку — Красноярский край.

— Значит, Сибирь, — не выдержал Михаил, убирая листок в карман гимнастерки.

— Все лучше, не Дальний Восток, — заметил строго хмурый капитан с забинтованной рукой. — Вам нужно будет встать на воинский учет, когда явитесь по месту нового проживания, лейтенант. Распишитесь еще здесь. Возьмите ваши документы.

— Да, да, не Дальний Восток, — Михаил взял себя в руки, расписался. — Понял, товарищ капитан. Разрешите идти?

— Идите.

Михаил прошел по улицам города, теперь чужого для него.

Подошел к Дому Советов, как его называли в народе, там размещался и его драматический театр. Это трехэтажное здание в стиле конструктивизма по проекту профессора Ильи Голосова было построено в центре города в 1932 году. Полуразрушенное после отступления фашистов в конце декабря 1942 года, оно ничем не напоминало о прежней бурной жизни его обитателей. Михаил невольно взглянул туда, где был длинный балкон, на котором во время демонстраций, осенью и весной, стояли члены правительства, произносили приветственные речи под кумачовыми транспарантами с лозунгами в честь партии, ее вождей и народа. Где теперь они? Тоже в ссылке?..

Он прошел к кинотеатру «Родина», построенному в 1938 году по проекту архитектора с любопытной фамилией Калмыков. Наверняка какие-то калмыцкие корни были у него в роду. На боковых башенках здания стояли гипсовые скульптуры: слева спортсменка, справа рабочий. Жена писала, что в год пятисотлетнего юбилея героического эпоса «Джангар» художник из Москвы Владимир Фаворский оформил стены кинотеатра фресками. Это было в 1940 году. А когда

город заняли фашисты, то, говорят, разместили тут конюшню, а потом, уходя, заминировали здание. Наши саперы спасли его от разрушения.

До армии сколько раз Михаил ходил сюда на киносеансы, смотрел художественные фильмы, того же «Чапаева» братьев Васильевых. Тут же была и танцплощадка, где вечерами звучала музыка.

Но теперь он знал: здесь был пункт сбора для ссыльных калмыков города, сюда пришли и его жена с дочкой...

Михаил не сразу заметил любопытные взгляды прохожих. Лиц азиатских он не увидел. Они были в ссылке. Это было так необычно, что Михаил не сразу осознал, почему его — кто украдкой, кто открыто — разглядывали встречные люди. Потом стало понятно: выделялся своей инаковостью — калмык! Он нахмурился, надвинул на глаза фуражку и, не глядя уже по сторонам, вернулся в свой пустой дом.

Надо было написать письмо.

Михаил поискал в доме письменные принадлежности, нашел школьную тетрадку в клеточку, вырвал двойной лист, взял ручку, обмакнул в чернила и вывел на первой странице «Прощай, родная степь!». Да, именно так — «прощай». Сегодня он это понял окончательно.

Будет ли это прощание на время или навсегда, он не мог знать, но все же продолжил письмо.

«Степь калмыцкая, славные твои сыны за тебя сражались в гражданскую войну. Они шашкой рубили, штыком кололи, пулей били твоих врагов. Героями тех времен были отважные командиры Харти Кануков, Василий Хомутников, Ока Городовиков, а также Нарма Шапиукова и другие. Замечательные люди тогда отвоевали свою любимую степь и установили Советскую власть.

При Советской власти ты, моя степь, зацвела сказочной жизнью: построили замечательные дома вместо кочевых кибиток, создавались большие колхозы и совхозы, МТС, культурные учреждения. В широкой степи была столица калмыцкой республики — город Элиста, а в этой столице появилось много учебных заведений, кино, клубы и драматический театр, была своя литература,

газеты, журналы. В течение двадцати лет твои сыны строили такую замечательную жизнь... И вдруг война началась 22 июня 1941 года.

И снова твои богатыри шли за тебя, родная степь, сражаться с твоими врагами — немецкими фашистами. Они били немцев у стен Сталинграда, в степях Дона и Украины, беспощадно били в глубоком тылу врага — в лесах Белоруссии и, наконец, на своей земле.

А все-таки, родная матушка-степь, ты вырастила наряду с замечательными людьми и предателей. Вот эти предатели продали твое богатство немцам и пошли против тебя, и поэтому славная республика калмыцкого народа не существует».

Михаил надолго задумался, отложил ручку, потом перечитал свое письмо. Коряво по-русски получилось, вот и слово «замечательные» несколько раз повторил, синонимы надо было использовать. Да не до стиля, эмоции захлестывали, слов не подбирал.

Поправить, что ли... Наверное, надо было письмо на калмыцком языке написать... А кто его прочтет, если калмыков теперь в степи нет?..

«И вот приехал один из твоих сыновей, — продолжил писать Михаил. — Родная степь, я тебя не узнал. Разве ты такая была?

Где же твои сыны, где же твое богатство и где же твоя столица — родная Элиста?

Родная моя мать-степь, тебе позорно и стыдно перед всеми, как и мне позорно и стыдно перед тобой!».

Он снова прервал письмо. Вспомнил свои чувства, когда услышал скорбную весть о депортации своего народа в дальние края, как прощался с боевыми товарищами, ехал домой на поезде, на попутном грузовике, был в военкомате, шел по улицам города, у которого даже название теперь чужое — Степной. Никакой фантазии у сочинителей. Раз в степи, значит — степной город.

А раньше кочевавшие по Манычу калмыки устраивали стоянки здесь, в балке, левый северный склон которой был с рыхлыми песками, отсюда и балка называлась «Элтэ», по-калмыцки «песчаный».

А село, которое началось с первой землянки русского поселенца Степана Прокопьевича Кийкова в 1862 году, стало тоже Элистой.

Михаил взглянул в окно. Потомки Кийкова были его соседями. Вот так «вчера» и «сегодня» становятся сестрами в истории.

Он снова окунул перо ручки в чернильницу.

«Зачем ты меня тянула к себе, родная моя? Чтобы я плакал перед тобой за твои преступления?.. Да, ты меня заставила плакать много дней. Люди на меня смотрят, как на волка, хотя я три года сражался за тебя с врагами.

А вот скоро я пойду на врага — добить его, отомстить за тебя, моя родная».

Михаил готов был вернуться в воинский строй, чтобы доказать несправедливость обвинений и непомерность наказания целого народа. Он подумал, может, его снова отзовут из воинского запаса, как и других офицеров-калмыков. Он был уверен, что так думают и его земляки.

«Я с тобою не могу расстаться, как с матерью любимый ее сын, — продолжил письмо Михаил. — Кончится война, победа будет за Советами, и тогда, быть может, возвратятся славные твои сыны на свою родную землю.

Буду желать тебе, матушка-степь, чтобы ты восстановила свои прежние виды после такой печали.

Буду за тебя и в дальнейшем стоять, даже если родной брат пойдет против советской Родины!».

Тут Михаил остановился, задержал ручку над тетрадной страницей. Что он тут написал?.. Такого быть не может. Все три брата на разных фронтах воевали, кто под Сталинградом, кто под Ленинградом. Не могут они быть предателями! Напрасно он, младший брат, так написал о старших братьях. Нехорошо так думать о своей родне. Как будто он не верит братьям. Нет, он верит, конечно. Зачем же тогда написал эту фразу?.. Ради красного словца? Да нет же... Михаил вздохнул. Вот до чего приходишь, когда не контролируешь себя.

Братьев, должно быть, тоже отозвали с передовой, если живы.

Если живы... Но и похоронки не приходили же домой. Калмыки говорят: «Человек, ушедший на ногах, возвращается, человек, закрытый лопатой, — нет».

«Да здравствует Красная Армия! — написал Михаил. — Пускай здравствуют твои честные сыны!

Смерть немецко-фашистским захватчикам!».

И подписался.

Потом подумал, что надо приписку сделать на всякий случай, вдруг письмо затеряется. Мало ли что случится теперь.

«Р. С. Дорогие товарищи! Если кто найдет это письмо, прошу сохранить при себе до моего приезда в Элисту.

За бережное сохранение этого письма на долгие годы обещаю дать большое вознаграждение!»

Какое вознаграждение, он не подумал. Какая разница, там видно будет.

Он перечитал последние строки письма. Все-таки чувства опережают мысли. Еще не уехал, уже думает о приезде. А ведь это ссылка. На долгие годы? Навечно? Слово «вечность» тоже как-то не укладывалось в сознании.

Надо еще раз подписать письмо после постскриптума. Обязательно указать также дату.

«Командир-партизан Отечественной войны лейтенант Хониев Михаил Ноганович. 21 сентября 1944 г.».

А как уточнить место написания письма?..

Михаил вновь задумался.

Город Степной? Нет, не будет так писать. Значит, согласиться с тем, что случилось... Город Элиста? Но такого города уже нет. Он вспомнил слова майора Никитина о том, что нет теперь калмыков на географической карте.

И представил себе такую карту. Ее масштаб тоже как-то не уместился в его уме.

Поэтому он никак не обозначил этот город в своем письме.

Прощай, родная степь!..

16 ноября 2018 г.

ТРИ ЗВЕЗДОЧКИ

В конце сентября заметно похолодало, несмотря на первый месяц осени. Сибирь есть Сибирь. Пожелтевшие и покрасневшие листья падали с деревьев, как маленькие парашютисты, приземляясь, куда ветер отнесет. Несколько листиков зацепились за раму окна и как будто заглядывали в комнату, пытаясь рассмотреть, кто там.

Ранним утром, когда Нюдля с маленькой дочкой еще спали, послышался стук в дверь. Женщина не сразу проснулась, но настойчивый стук повторился, раздался знакомый голос. Неужели ей послышалось? Миша! Вернулся с войны! От него давно не было писем, потому что после депортации калмыков многие связи между ссыльными родственниками и фронтовиками поначалу были утрачены: одни устраивались в чужих краях, другие не знали, куда писать, или не имели такой возможности, находясь в партизанских отрядах.

— Үүдэн шулуһар тээлтн! Бив Мууда! Ода ирлэв! — по-калмыцки сказал мужчина («Открывайте быстрее дверь! Я Мууда! Сейчас приехал!»).

Мууда. Так звали его в семье.

Голос, который знала до войны вся республика, слушая передачи Калмыцкого радио, голос первого калмыцкого диктора, голос ее мужа!

Это не сон. Нюдля вскочила с постели, на ходу надевая домашнее платье, босиком бросилась к двери...

Маленькая девочка проснулась от громких голосов в соседней комнате, услышала, как закричала, потом заплакала мама. От страха она укрылась под одеялом с головой, не смея выглянуть. Что-то случилось! Голоса не смолкали: один — женский, мамин, другой — мужской, незнакомый. Какой-то дядька зашел. Чего же так шумят?.. Вот и ее разбудили.

Она хотела заплакать, чтобы мама скорее подошла к ней. Но потом вовремя спохватилась, подумала, что маме это не понравится. Это не бабушка с дедушкой, у которых она жила на хуторе под Сталинградом несколько лет: те нянчились с ней, как с маленькой.

А мама напоминала, что Нимн уже не маленькая, пять лет уже. И должна не подводить родителей, в честь которых ее назвали.

— Как это? — удивлялась дочка. — Тебя зовут Нюдля, а папу — Михаил.

— Мы с папой соединили начальные буквы наших имен: «Н» и «М». Так появилось твое имя — Нимн.

— А кто это придумал?

— Мы с папой.

— А на кого я похожа? — не унималась девочка. — На тебя или на папу?

— Я же показывала тебе его фотокарточки.

— Не понимаю все равно. Я не видела его дома. Ты все время говорила: папа в армии, папа на войне.

— Так оно и есть.

— А когда папа приедет?

— Скоро, скоро, Нимн.

За дверью продолжали громко разговаривать, смеяться. К девочке никто не шел, наверное, думали, что она крепко спит...

Нимн осторожно выглянула из-под лоскутного одеяла. Вокруг никого не было, а за стеной разговаривали.

— Мама! — негромко позвал ребенок и прислушался.

Наверное, не слышат.

— Мама, мама! — уже громче крикнула Нимн.

Никто не откликнулся. Она испугалась. А вдруг мама забудет про нее и уйдет на работу?

И Нимн громко заплакала.

Послышались торопливые шаги, дверь распахнулась.

Впереди показалась мама, а за ней шел какой-то дядька в военной форме.

— Проснулась? — спросила мама и оглянулась на дядьку. — Вот твой папа. Пришел с войны.

Дядька поднял девочку на руки.

— Миша, это наша дочка. Выросла за это время. Совсем большая стала. Пять лет уже... Нимн, не бойся. Это папа! Скажи: «папа», «папа»...

— Папа, — послушно повторила дочка.

— Вот видишь, как хорошо. Папа нашел нас, — радостно сказала мама.

Потом сидели за столом и пили калмыцкий чай с пышками.

— Я устроилась работать на пимокатную фабрику, — рассказывала Нюдля мужу, когда все успокоились.

— Что это за фабрика?

— Валенки катаем для фронта. Ну и женские, детские делаем. Войлок всякий. Работа тяжелая, пыльная. Пока научилась, семь потов сошло.

— Почему семь потов? — удивилась дочка.

— Так принято говорить, когда много труда затрачиваешь на что-то, — вместо мамы пояснил папа.

— Она все равно не понимает, — сказала мама.

— Понимаю, — Нимн повернулась к маме, — я же была с тобой на фабрике. Видела валенки всякие. У меня тоже валенки есть. Только они в сундуке сейчас. Показать валенки?

— Не надо ничего показывать. Ешь, Нимн.

— Потом покажешь, дочка, — успокоил девочку отец. — А я тебе кубики привез. Сейчас дам, помотришь...

Пока дочка играла с кубиками, родители разговаривали. Нюдля рассказала мужу, как их собрали у кинотеатра «Родина», как на американских грузовиках, «студебеккерах», вывезли на железнодорожную станцию, посадили в товарные эшелоны, как они ехали полмесяца в холоде и голоде, пока не прибыли на станцию Назарово Красноярского края. Там их пересадили на сани и отправили к месту назначения, расселили вначале по домам сибиряков. Потом она устроилась на пимокатную фабрику, деньги небольшие, сводила концы с концами. Приходилось обменивать некоторые привезенные с собой вещи, в том числе концертные платья, на молоко для ребенка.

После возвращения Михаила жизнь семьи стала налаживаться.

Он устроился на работу — военный руководитель в школе на станции Ададым.

К удивлению Нюдли, вскоре к мужу стали приходиться письма издалека.

Сначала она не придавала этому значения, но потом не выдержала и спросила:

— Кто это тебе пишет?

— Мои партизаны, — отмахнулся Михаил.

— Или партизанки?

— В том числе и партизанки.

— И как это понимать?

— Пишут мои боевые побратимы. Так и понимать. Они поддерживают меня в ссылке.

— И не боятся?

— Фашистов не боялись, сама знаешь. Чего им бояться? Они верят, что правда победит. И я в это верю. Рано или поздно это произойдет, в том числе и с нашей помощью. Нельзя примириться с клеймом предателя, делать вид, что так и должно быть. Особенно когда невиновен.

— Миша, нельзя такие мысли вслух говорить. Услышат — донесут властям. Посадят в тюрьму за антисоветскую пропаганду и агитацию. Некоторых уже посадили, ты, наверное, слышал. Время военное. Я прошу тебя.

— Я тебя понял, успокойся, успокойся. Все будет хорошо. Вот взгляни на карту, какая огромная наша страна. И фашистов уже выбили с нашей территории. Скоро в Берлине война закончится нашей победой.

Отец научил дочь находить на географической карте город Минск. Большая карта висела на стене, став любимым занятием для отца с дочерью.

— Ну-ка, Нимн, покажи нам Минск, столицу Беларуси, на карте, — говорил Михаил. — Этот город твой папа от фашистов летом освобождал.

Девочка забиралась на табуретку и безошибочно пальчиком указывала туда, куда надо.

— А где Москва — столица нашей родины? Твой папа был там до войны, в 1939 году, когда мы представляли калмыцкое искусство и литературу. Папа твой актер.

— И мама тоже.

— И мама.

— И Нимн.

— И ты тоже, дочка, — смеялся Михаил.

— А где Элиста — степная столица? — спрашивала дочку Нюдля.

— А вот она.

— Настанет время, и мы вернемся домой, — сказал Михаил, глядя на карту. — Иначе и быть не может.

— А на чем поедем? — поинтересовалась девочка. — На лошадке?

— На лошадке? Нет, на поезде. Это далеко, лошадка нас не довезет. Ты же видела поезд на станции? Вот на нем и поедем.

— Скоро, папа?

— Скоро, дочка...

Через год у Нимн родилась младшая сестренка. Отец ее назвал Людмилой в честь героини пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». С собой в ссылку он захватил из дому эпос «Джангар» и пушкинский том.

Михаил списался с родственниками, по возможности стал собирать их возле себя, помогать, чем мог.

...Три столицы на географической карте страны были отмечены красными звездочками.

И казалось, невидимые нити соединяли эти звездочки.

Три звездочки на огромной для этой комнаты карте...

8 июля 2024 г.

Из цикла «Военная быль»

МЕЧ ДЛЯ ГЕРОЯ

Памяти Дмитрия Григорьевича Мельникова

Дмитрий Григорьевич по дороге домой заглянул в соседний книжный магазин. Людей было немного. Он подошел к прилавку.

— Добрый день, Дмитрий Григорьевич, — приветствовала его продавец. — За новинками?

— За ними, Светлана Игоревна. Есть что-нибудь интересное для меня?

— Конечно. Посмотрите. Может, что-то и приобретете. Вот на этих полках.

Дмитрий Григорьевич перебирал новинки, читая аннотации и содержание книг. У него была большая домашняя библиотека, собрания сочинений классиков отечественной и зарубежной литературы, серийные издания. Когда еще читать, как не на пенсии. Сейчас он отложил для себя исторический роман Ивана Лажечникова, а для жены — детектив Агаты Кристи.

— А новое из стихов, Светлана Игоревна, что посоветуете?

Продавец протянула ему небольшую книжку.

— Калмыцкий поэт. Воевал в Белоруссии, как и вы, Дмитрий Григорьевич. Почитайте.

— Так я на калмыцком не читаю.

— Это в русском переводе.

Дмитрий Григорьевич уже с интересом взял предложенную книжку, взгляделся в обложку — «Все начинается с дороги», прочитав имя и фамилию поэта. Лицо его выразило удивление. Он взгляделся в фотографию — по степи шел мужчина, ведя за собой коня, — и радостно воскликнул:

— Не может быть!

— А что случилось?

Дмитрий Григорьевич показал продавцу обложку книги.

— Да это же мой командир партизанской роты!

— Поэтом стал? — поинтересовалась Светлана Игоревна.

— Он до войны еще печатал свои стихи. А теперь, значит, поэт. Мы с ним расстались в конце войны. Его летом 1944 года демобилизовали из армии. С тех пор ничего о нем не знал. Вот так встреча! Это надо же! Через двадцать восемь лет...

— Рада за вас, — отозвалась Светлана Игоревна. — Теперь спишитесь.

— Да как? Я адреса домашнего не знаю. Где эта Калмыкия, где я — в Тольятти! — сокрушался Дмитрий Григорьевич.

Продавец, взяв у него книжку, открыла последнюю страницу:

— Посмотрите, здесь обращение московского издательства к читателям. Просят отзывы об этой книге и пожелания посылать на адрес издательства «Современник». И адрес указан. Так что вы можете туда написать и спросить адрес своего командира.

— Вот подсказка так подсказка! — обрадовался покупатель. — Порадовали вы меня, Светлана Игоревна! Что бы я без вас делал! Непременно напишу. Поспешу домой. Петровне сообщу.

Дмитрий Григорьевич заплатил за книжки, взял объемистый пакет, отправился спешно домой.

Жил он с женой Александрой Петровной в небольшом особняке, при котором посадил сад, устроил цветник, завел огород. Цветовод-любитель, он экспериментировал с сортами, выводил новые виды цветов. Получалось по-разному. Но он не унывал. Цветоводство успокаивало, как и писание родословной. Писать ее начал после одного разговора с женой о родословной собак. Тогда Дмитрий Григорьевич задумался над тем, что родословные есть у знатных людей, у породистых животных, но нет у таких простых людей, как он. Писалась своя родословная со скрипом, приходилось списываться с родней, уточнять сведения, запрашивать справки в архивах. Канителью, долго, но бросать это занятие не хотелось.

Сейчас, как в молодости, он взбежал на крыльцо дома, с порога позвал жену:

— Шура! Иди сюда скорей! Что я тебе покажу!

Из кухни вышла Александра Петровна, вытирая полотенцем руки.

— Случилось что?

— Командир мой нашелся! Вот книжка его! Смотри, смотри!

Пожилая женщина, поправив седую прядь волос под косынку, стала листать книжку:

— Мить, тот самый командир, о котором ты рассказывал?

— Он самый.

— Бывают же в жизни чудеса!

За обедом Дмитрий Григорьевич не умолкал. Наспех ел, вспоминая прошлое. Жена понимала, что мужу надо выговориться, иначе его не остановить. Она только успевала подносить ему грибной суп, рыбные котлеты, сливовый компот.

— Не верится до сих пор! — удивлялся Дмитрий Григорьевич. — Ведь я обязан ему жизнью. Помнишь, после окружения вышел я к нашим партизанам? Как командир отряда он мог отдать приказ расстрелять меня — документов с собой у меня не было, закопал на всякий случай, вдруг немцы схватят или полицаи. Тогда таких, как я, много по лесам-полям скиталось. По закону военного времени расстреливали на месте, если были подозрения.

Командир сам меня допросил. Я как на духу отвечал. Родился, мол, в 1908 году 23 сентября по новому стилю в деревне Ржавка Пропойской волости Могилевской губернии. Из крестьян. Полного курса начальной школы не прошел по причине бедности и всяких войн — первой мировой и нашей гражданской. Сам себя образовывал мало-помалу. В колхозе был бригадиром. Из-за этого и попал в беду. Захромала колхозная лошадь, а меня арестовали за вредительство. Тогда это на раз-два было, долго не разбирались.

Оказался на строительстве Беломор-Балтийского канала. Намаялся с киркой и лопатой. Выжил и там. Когда война началась в сорок первом, из таких ээков, как я, формировали штрафные батальоны.

Научили из винтовки стрелять — и в бой. Да я и так пошел бы на войну — врагов настоящих бить. Одно время везло мне, пуля не цепляла. А потом из окружения в окружение, воевал, в лесах и болотах укрывался, в деревнях прятался, где можно было, так и скитался. Вот так и рассказал все командиру, ничего не утаил.

Жена сидела за столом, пригорюнившись, в который раз переживая за мужа.

— Тридцать три годочка тебе было. А сколько пережито! И гражданская, и коллективизация, и голод, и канал этот треклятый, и штрафбат, и окружение...

— И не говори, Шура. Не на один роман хватило бы, если б мог написать... А теперь вот командиру напишу письмецо. Может, свидимся, бог даст.

...Дмитрий Григорьевич читал военные стихи своего командира, не торопясь, перечитывал некоторые из них, делая закладки, он покачивал головой, вздыхая, словно возвращался памятью в те пороховые годы. Подолгу задумывался, глядя в окно, за которым мирно пестрели цветы...

Он вспомнил, как из очередного окружения набрел на партизанский отряд. Задержали его, да он и не сопротивлялся, провели к командиру роты. Младший лейтенант, какой-то азиатской внешности, был смуглый, волосы черные, глаза черные. И потому прозвали его Мишей Черным, как узнал Дмитрий. Миша Черный спросил его, выслушал, не перебивая, всматривался пристально, как бы изучая, наконец, распорядился отправить к кашеварам.

Рисковал? Однозначно. Сколько лазутчиков в то время к партизанам засылалось, сколько людей погублено было! Конечно, окруженец был под присмотром, да и оружия ему не выдали. Считаю нож да поварешка — весь боекомплект. Кашеварить ему не привыкать: семья своя многодетная была до войны. Что стало с женой и детьми неведомо. В окружении и в деревнях перебивались бойцы с хлеба на воду, притерпелись. Вот и взялся Дмитрий помогать партизанам у котлов. Дело нехитрое, но хлопотное. Приготовить пищу, убрать за собой, заготовить провизию. Так и трудился, не загадывая наперед.

А потом случилась история. Да еще какая! А вышло так, что к роте прибилося еще двое, муж с женой, молодые, беженцы, по их словам. Таких тоже хватало тогда. Но и за ними пригляд был. Ан — не доглядели. Он-то, Дмитрий, и вывел их на чистую воду, что называется. Заметил, что часто они возле котлов появляются под

разным предлогом — то котелок попросят, то хворост поднесут, то ягодой угостят. Однажды, когда кашевары отлучились от котлов, Дмитрия оставили за старшего. Он задремал у кустов орешника, не видимый со стороны, а в котлах похлебка готовилась. Услышав вскоре чьи-то шаги, Дмитрий выглянул из орешника. Недавние беженцы осторожно подошли к котлам, начали туда что-то сыпать из мешочков, оглядываясь и торопясь. Тут-то Дмитрий и вышел им навстречу. Ростом он был высокий, силой не обделен, молча схватил мужчину за шкуру одной рукой, другой прихватил женщину и потащил их в штабную землянку. По пути два кашевара присоединились. Так и явились в штаб гурьбой. А там, известно, с такими «поварами» разговор недолгий: допросил их Миша Черный вместе с комиссаром, доказали их вину, выявили отраву, вынесли им приговор, расстреляли. Поблагодарил Миша Черный Дмитрия перед строем за бдительность и спасение партизан от гибели. С того дня выдали бывшему кашевару боевое оружие, стали посылать на задания, в разведку, словом, потом воевал он, как все.

Расставшись с боевым командиром после освобождения Беларуси и демобилизации Миши Черного-лейтенанта, не раз вспоминал его добрым словом, думая, как сложилась у него судьба, почему такая срочная демобилизация калмыка.

Потом война закончилась, уехал Дмитрий на Волгу вслед за товарищем, женился снова. Трудился, пока не вышел на пенсию. А теперь и времени больше, и заняться есть чем...

Дмитрий Григорьевич отложил книжку, вышел во двор, прошелся по цветнику. «Надо бы подарок для командира приготовить», — подумал он, глядя на цветы.

«Да вот хотя бы довести до ума бардовый гладиолус, который начал разводить недавно. Славный подарок получился бы», — сказал вслух цветовод.

— С кем это ты разговариваешь? — вышла на крыльцо Александра Петровна.

— Да с собой, Шура. Думаю, вот меч командиру своему подарить.

— Какой меч? — всполошилась жена. — Откуда меч у тебя?

— Гладиолус. С латыни цветок так и переводится — меч. А народное название — шпажник. Командиру вручу меч или шпагу. Боевой подарок, одним словом. Кому как не кочевнику меч в руки вложить!

— А какой гладиолус? — поинтересовалась Александра Петровна. — Вон у тебя их сколько!

— Вывел я недавно один гладиолус. Безымянный был. Теперь назову Миша Черный. Бардового цвета гладиолус. Вот, Шура, видишь его у окна?

— Ах, этот? Хорош-хорош! И придумка твоя хороша, Митя.

— Ты тоже так думаешь?

— И сомневаться нечего. Посылай свой меч командиру.

— Пока письмо напишу ему, Шура.

Дмитрий Григорьевич сел писать письмо, рассказал о внезапной встрече с книжкой командира, про свое житье-бытье, пригласил Мишу Черного к себе в гости, попросил издателей передать письмо по назначению. И полетело письмо самолетом в Москву, а потом и в Элисту.

Через две недели пришло письмо от командира.

Михаил Хонинов и Дмитрий Мельников, бывший партизан роты.
Тольятти, 1967 г.

...В конце апреля в Элисте открыли посылку, в которой были клубни гладиолусов, посадили во дворе, поливали, окучивали, рыхлили. Всей семьей наблюдали, как растут растения, писали в подробностях Дмитрию Григорьевичу и Александре Петровне.

И вот в конце августа увидели, как расцвел бардовый гладиолус «Миша Черный», а рядом забелел другой гладиолус по имени «Нина», в честь жены командира...

25 марта 2024 г.

Из цикла «Сказки степного ветра»

ГЕРЮШ

Сказка

Он появился в кибитке откуда ни возьмись. Поначалу был невидим и неслышен, так как показывался только тому, кому доверялся. А доверял он малышам: они добрые и не обижали его, а рассказать о нем не могли, так как не умели говорить. Поэтому степного жильца не замечали, и он кочевал с этой кибиткой с места на место. Кочевка доставалась ему нелегко — кибитку разбирали на части: кошму отдельно, деревянные решетки отдельно, двери двухстворчатые отдельно, веревки, опоясывающие жилище, отдельно. Все это со скарбом погружали на верблюдов, на подводы, ехали долго, в тесноте и шуме. На новом месте все сгружали и устанавливали мужчины, пока кибитка не обретала прежний вид. И тогда он, усталый и помятый после перекочевки, забирался туда, где были сундуки, чтобы отдохнуть. Проснулся в этот раз он от плача младенца. Все спали. Мать тоже не сразу проснулась. Поэтому он подбежал к деревянной люльке, висевшей на крюке, забрался в нее. Младенец от неожиданности замолчал, всматриваясь в прищельца при неярком свете очага.

— Я тебя вижу, — сказал младенец.

— Конечно. Потому что я этого захотел.

— А ты кто? — спросил любопытный младенец, раздумав плакать.

— Герюш, — ответил гость в люльке. — Дух кибитки.

— И что ты делаешь?

— Охраняю гер . Потому меня зовут Герюш.

— И меня охраняешь? — поинтересовался младенец.

— Всех, кто живет в этой кибитке, — пояснил Герюш.

— А как? — не унимался младенец, выпустив из ручонков кусок курдючного сала, который сосал перед сном.

— Храню кибитку и ее жильцов от всех бед и напастей, чтобы все были живы-здоровы, чтобы четыре вида скота не переводит-

лись, чтобы в кровати девочки, а в одеяле мальчики прибавлялись, чтобы пыль у порога не оседала от хороших гостей.

— Много у тебя работы, — с уважением заметил младенец. — А сам маленький. Тебе сколько лет?

— Не знаю. Но я тоже ребенок.

— А ты сам по себе? Или у тебя есть папа и мама, братья и сестры?

— Я сам по себе, наверное.

— Плохо одному, — вздохнул младенец. — У меня видишь сколько родни в кибитке и вне кибитки. А сейчас даже некому подойти меня успокоить. Спой мне колыбельную песню, чтобы я снова заснул.

Герюш, вспомнив колыбельную песню, которую слышал в кибитке, стал петь, как мог: «Баю-бай! Баю-бай!..».

Младенец вскоре заснул.

С ним в люльке уснул и Герюш.

2 апреля 2020 г.

ГЯРУШ

Казка

Адкуль ён з’явіўся ў кібітцы — невядома. Ніхто яго не бачыў і не чуў, бо паказваўся ён толькі таму, каму давяраў. А давяраў ён найперш малечы: яны добрыя, не крыўдзілі яго, ды і распавесці пра яго не маглі, бо гаварыць яшчэ не ўмелі. Таму стэпавага жыхара не заўважалі, і ён вандраваў з гэтай кібіткай. Падарожжы даваліся яму нялёгка — кібітку разбіралі на часткі: кашму, то бок дыван з вярблюжае воўны, асобна, драўляныя рашоткі асобна, дзверы двухстворкавыя асобна, вяроўкі, якія апярэзваюць жылло, асобна. Увесь скарб грузілі на вярблюдаў, на падводы, ехалі доўга, песна ды шумна. На новым месцы мужчыны ўсё ўсталёўвалі нанова, кібітка набывала ранейшы выгляд. І тады ён, змораны ды знясілены дарогаю, хаваўся туды, дзе былі скрыні, каб адпачыць.

Прачнуўся ён гэтым разам ад дзіцячага плачу. Усе спалі. Маці таксама ніяк не прачыналася. Таму ён падбег да драўлянай калыскі, што вісела на круку, забраўся ў яе. Немаўля змоўкла ад неспадзяванкі, разглядаючы незнаёмца ў цьмяным святле агменю.

— Я цябе бачу, — сказала дзіця.

— Вядома. Бо я так пажадаў.

— А ты хто? — спытала цікаўнае дзіця, перадумаўшы плакаць.

— Гяруш, — адказаў госьць. — Дух кібіткі.

— І што ты робіш?

— Ахоўваю гер — па-калмыцку гэта значыць дом. Таму і завуся Гяруш.

— І мяне таксама ахоўваеш? — пацікавілася дзіця.

— Усіх, хто жыве ў гэтай кібітцы, — пацвердзіў Гяруш.

— А як? — не сунімалася дзіця, нават выпусціўшы з рук кавалачак курдзючнага сала, які смактала перад сном.

— Аберагаю кібітку і яе жыхароў ад розных бед і пошасцяў, каб усе былі жывыя-здоровыя, каб жывёла не пераводзілася, каб дзяўчынкі ды хлопчыкі нараджаліся, каб пыл ля парога курэў ад добрых гасцей.

— Шмат у цябе абавязкаў, — з павагай азвалася дзіця. — А сам ты маленькі. Табе колькі гадоў?

— Не ведаю. Але я таксама дзіця.

— А ты адзін? Ці ёсць у цябе таця і мама, браты і сёстры?

— Я сам па сабе.

— Кепска аднаму, — уздыхнула дзіця. — У мяне, бач, колькі сваякоў і ў кібітцы, і па-за кібіткай. А зараз нават няма каму мяне суцешыць. Заспявай мне калыханку, калі ласка, і я засну. Гяруш прыгадаў спеў, які чуў у кібітцы, і зацягнуў: «Люлі-люлі! Люлі-люлі!...».

Дзіця неўзабаве заснула.

З ім у калысцы заснуў і Гяруш.

2 красавіка 2020 г.

ВЕСЁЛЫЙ ВОРОБЕЙ

По мотивам калмыцкой сказки

С утра до вечера порхает воробей,
Весёлый, дружелюбный — не робей.
Скосила глаз ворона: почему
Он радуется жизни, не пойму.
— Как, воробей, живёшь? Ты мне скажи,
Как пищу добываешь, подскажи?
Ответил воробей ей на лету:
— Довольствуюсь я тем, что я найду.
Найду я зёрнышко, и этим буду сыт.
— А если ты подавишься, как быть?
— Я коготком, ворона, поскребу —
И вытащу кусочек, не умру.
— А кровь пойдёт? Тогда же как?
— Водой промою. Это всё пустяк.
— Промочишь ноги на свою беду? —
Не унимается ворона. — Разведу
Огонь я, — отвечает воробей. —
Согреюсь им тогда же поскорей.
Угрюмствует ворона: — А пожар?
— Крылами помашу — погасим жар.
Упорствует ворона: — А ожог?
— Я к лекарю тогда, чтобы сберёг
Он крылья обожжённые мои, —
Чирикнул воробей. — Живи-живи.
— А если лекаря не будет? Что и как?
— Там подвернутся зёрнышко, червяк,
Пригреет солнышко, а ветер освежит,
Вот и болезнь сразу убежит.

Вспорхнул неугомонный воробей.
Чудесна жизнь! Ты только не робей!

28 мая 2011 г.

ПЕТУХ И ПАВЛИН

Калмыцкая сказка

Дружил петух с павлином по соседству.

Однажды друг собрался погостить,
У петуха наряд: «Помилосердствуй»,
Решил он до рассвета попросить.

— А если ты к рассвету не вернешься? —
спросил петух. —

Что делать? Подскажи.

— Зови меня с утра. Не дозовешься —

Кричи мне в полдень: «Поспеш!»

А если я к полудню не успею,
То крикни вечером, и я тогда приду.

Одеждой обменялись.

— Веришь?

— Верю.

Ушел павлин...

С тех пор «кукареку!»

Зов петушиный

От рассвета до рассвета:

— Павлин, верни наряд!

Дружок мой, где ты?

Где ты?..

27 мая 2011 г.

Рыма Ханінава

ПЕВЕНЬ І ПАЎЛІН

Калмыцкая казка

Сябрамі даўнімі былі паўлін ды певень,
Хоць быў на зайздрасць пеўнікаў убор.
Гаворыць тут паўлін суседу: — Хутка цемень,
На свята трэба мне ў суседні двор.
Пазыч касцюм, бо вельмі трэба
Мне выглядаць прыгожа да святла.
Пазыч мне хвост, маім жа ты не грэбуй.
— Ну добра. Толькі хвост вярні з рання.
А як не вернеш, што рабіць мне, браце?
— Як раптам я спазнюся са світаннем
Мяне пакліч, і буду ў тваёй хаце
Адразу ж. Не пакрыўджу доўгім я чаканнем.
Пакліч апоўдні, дружа, ты мяне.
Калі ж апоўдні зноў мяне не будзе,
То кліч увечары, прыйду я да цябе,
Не буду я з пазычаным марудзіць.
Адзеннем памяняліся: вось дзіва!
Пайшоў паўлін у госці на ўсю ноч.
І дзень, другі прайшоў. Няма паўліна.
Галосіць певень. Хоць быў не ахвоч
Спяваць раней. І раніцы, і дні,
І вечары праходзяць у чаканні.
Спявае тройчы ў дзень з тае пары,
Наш певень спадзяецца на спатканне.
Паўлін даўно ўжо збег. А «Ку-ка-рэ-ку»
Развешаў хуткі вецер па палях.
А певень узлятае, недарэка,
Крычыць: — Дзе ж мой убор?!
Як мне шкада! Ах-ах!

ПЕРЕВОДЫ

Франциск Скарына

Понеже

от прирожения звери, ходящая в пустыни,
знають ямы своя,
птици, летающие по въздуху,
ведають гнезда своя;
рибы, плавающие по морю и в реках,
чуютъ виры своя;
пчелы и тым подобная боронять ульев своих,
такo ж и люди,
и где зродилися
и ускормлены суть по бозе,
к тому месту великую ласку имають.

Франциск Скарина

Йиртмжд төрснэсн авн

Өргн көдэд йовсн аңгуд
Онц ичэһэн меднэ;
Аһарт нисдг шовуд
Агһһ үүрэн меднэ;
Уснд өөмдг захсд
Үүдсн эклцэн тодлна;
Зөгмүд, болн
Зөргтэ живртн,
Эврэ бээрэн харсцхана,
Эркн үүрэн мартхш;
Өмтн бас тиим,
Өмдрлин һазран тодлна —
Хама төрскнд өссн,
Хадһлад, энүг темцнэ.

9.05.2013 г.

Якуб Колас

РОДНЫЯ ВОБРАЗЫ

Вобразы міля роднага краю,
Смута і радасць мая!
Што маё сэрца да вас парывае?
Чым так прыкованы я

К вам, мае ўзгорачкі роднага поля,
Рэчкі, курганы, лясы,
Поўныя смутку і жалбы нядолі,
Поўныя сумнай красы?

Толькі я лягу і вочы закрыву,
Бачу я вас прад сабой.
Ціха праходзіце вы, як жывыя,
Ззяючы мілай красой.

Чуецца гоман мне спелае нівы,
Ціхая жалба палёў,
Лесу высокага шум-гуд шчаслівы,
Песня магутных дубоў...

Вобразы міля, вобразы смутныя,
Родныя вёскі і люд,
Песні цягучыя, песні пакутныя!..
Бачу і чую вас тут.

[1908]

Якуб Колас

ЭҢКР ДҮРМҮД

Төрскнэ һазрин энкр дүрмүд,
Мини һундл байр хойр!
Юн гиж мини зүркн таднд зүткнэ, дүрмүд?
Юуһар иигж седклэн би өгнэв

Таднд, мини өөдмтэ төрскн тэрэнэ һазр,
Бичкн һолмуд, толһас, ө-модн,
Бийиңк һундлта болн һашун зовлңта дүүрң
Тана уйдсн сээхн?

Зуг би кевтэд, нүдөнһ минь анһнав,
Таниг мел үзэд бээнэв.
Тагчгар тадн ирнэт, эмд-менд эдл,
Өкэр ке гидгэр мандлнат.

Тиигж нанд соңсгдна болсн тэрэнэ шимлдлһн,
У теегин һазра арһул гейүрлһн,
Урһа өндр модна э — хөвтэ шууган,
Күчтэ хар модна дун...

Энкр дүрмүд, тодрха угаһар дүрмүд,
Һарлцсн селэн болн әмтн,
Ут мана дуд, түрлтэ мана дуд!..
Үзнэв таниг би, энд би соңснав.

26.06. 2021 г.

Минск – Москва – Элиста

Максім Багдановіч

Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы

У ціхую сінюю ноч

І сказаць:

«Бачыце гэтыя буйныя зоркі,

Ясныя зоркі Геркулеса?

Да іх ляціць наша сонца,

І нясецца за сонцам зямля.

Хто мы такія?

Толькі падарожныя, — папутнікі сярод нябёс.

Нашто ж на зямлі

Сваркі і звадкі, боль і горыч,

Калі ўсе мы разам ляцім

Да зор?»

[1915]

Максим Богданович

Я хотел бы на улице встретиться с Вами

В тихую синюю ночь,

Я хотел бы смотреть на созвездие с Вами

В эту тихую синюю ночь:

«Видите Вы эти яркие звезды,

Геркулеса на небе следы.

К ним летит наше чудное солнце,

И несется за солнцем земля.

Кто нам скажет, кто мы? Зачем?

Просто странники во Вселенной

Среди горя, боли, потерь.

На земле нашей распри и ссоры...

Но, скажите, зачем это нам,
Если мы, несмотря на раздоры,
К этим звездам вместе летим?»

21–22.01.2017 г.

Минск – Москва – Элиста

Максим Богданович

Төвшүн көк сөөхөр уульнид
Танла би харххар седлэв,
Танд би келхэр йовлав:
«Герлтэ эн оддуд үзжэнт,
Геркулесин сарул оддуд үзжэнт?
Тиигэрэн мана нарн нисжэнэ,
Тер нарна ардас һазр хурдарн гүүнэ.
Тиигхлэ, бидн кен болжахмб?
Мел һазр төгэлх улс,
Мел теңгр дунд хаалһинь хань.
Юңгад бидн эврэ һазрт
Юунд чигн керүл тарханавидн,
Юңгад кенэ чигн седкл зованавидн,
Кемр бидн цугтан нег цагла
Ке-сээхн оддуд тал нисжэнэвидн?»

21–22.01.2017 г.

Минск – Москва – Элиста

Рабиндранат Тагор

МИНИ АЛТН БЕНГАЛИЯ

Мини эңкр Бенгалия,

Мини алтн Бенгалия,

Би чамдан дуртав.

Онъдинд чини теңгр,

Онъдинд чини аһар

Мини зүркнә айсинь

Мел көг орулна,

Би лимб эднд болнав.

Хавртнь, экм минь,

Чини манго садас үнр

Чаңһар намаг зерлг кенә:

Чамд байрлжанав, седкл көдлнә.

Намртнь, экм минь,

Тегш һазрт цецгәрси

Тутрһт хама болн чигн

Би әмтәхн инәмсклһн үзләв.

О, ямаран сәәхн, ямаран сүүдр,

Ямаран седклән өглһн, ямаран өкәрллһн,

Ямаран көнжл чи делглнәч

Баньян модн дор,

Һолын көвәд даһад белглнәч!

Ән аршан мини чикнә хужр болх.

Ән ямаран санан зовх!

Кемр гейүрхлә, экм минь,

Чини чирә харңһухла,

Чавас, мини нүдн нульмсарн дүүрх!

23.05.2018 г.

Римма Ханинова

АЛТАРЬ ВЕЧНОСТИ

Франциску Скорине

Гравер, издатель, переводчик,
философ, врач и богослов,
писатель, он — первопроходчик,
первопечатник новых слов.
Задолго он до Гуттенберга
издал десятки божьих книг,
от Полоцка до Кенигсберга
свободных семь наук постиг.
Его тома жгли московиты,
изгнал из города сам князь,
его «Апостол» деловито
издали вслед, уж не боясь.
Жена сгорела при пожаре,
сидел в тюрьме сам за долги,
грозили всяческие кары,
казалось, не видать ни зги:
указ монарший дал свободу
и привилегии дворян.
Франциск из Полоцка народу
открыл десятки разных стран,
он, белорусский просветитель,
взывая к разуму людей,
по-прежнему добра учитель,
что сеет семена идей.
И микрокосм человека
включает макросы, как встарь —
когда от века и до века —
о вечности вещал алтарь.

23.01.2017 г.

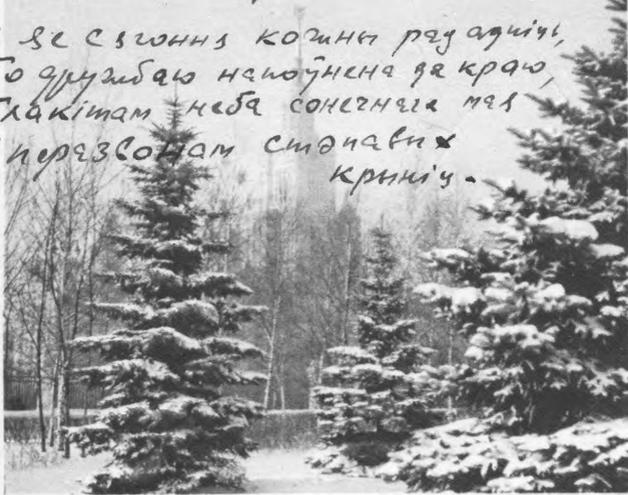
Минск – Москва – Элиста

Максім Танк

ПІАЛА

Мне надарыў міаку мой масэрні,
З якоў ён ніў і радасць і адгаў,
Арзу крутую і калтычкі гаў,
Паллярны вецер і ваіны на шэр.

З вэ сьвонны кошны рад адчыні,
Бо дружбаю нельоўнена да краў,
Блакытам неба сонегныя мэй,
І празь вонна стачавіх
Крыніч.

А што, што ёсць горны намяк,
Быкі зэ масретын дружна мой,
Каб не была дзв аднаго узашкоў,
А дзв дружна лёгкаю шала!
Шобым, родом.

М. Танк
Ліста, 2. 10. 66.

Автограф стихотворения М. Танка «Піала» на белорусском языке. Минск, 5 мая 1966 г.

Из личного архива М. В. Хонинова.

Максим Танк

ПИАЛА

Товарищ подарил мне пиалу,
Пил из нее он радость и печали,
Полярный ветер и войны пожары,
Калмыцкий чай и крепкую арзу.

И каждый рад сейчас ее испить,
Она ведь дружбой полнится до края,
В ней синева небес и солнце мая,
Степной ручей с другим там говорит.

А то, что в жизни горечи есть вдоволь,
Так мы разделим, други, все равно,
Чтоб легкой не была для одного,
А для другого — пиала тяжелой.

28.11.2014 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ХАНИНАЎ Міхаіл Ванькаевіч (н. 1.1. 1919, с. Цаган-Нур Ена-таеўскага пав. Астраханскай губ.), калмыцкі сав. паэт. Член КПСС з 1959. З сялян. Скончыў Астраханскі тэхнікум мастацтваў (1936), Вышэйшыя літ. курсы ў Маскве (1969). З 1939 у Чырв. Арміі. У 1942–44 партызан на Беларусі. Друкуецца з 1935. Першы зб. паэзіі «Песня радасці» (1960). Сучаснасць, гісторыя роднай зямлі, услаўленне гераізму партызан — асн. тэмы творчасці. Выдаў зб. аповяд. і нарысаў «Людзі нашага часу» (1962), «Душэўныя людзі» (1966), зб. паэзіі «Калі звяніць мая домра» (1964), «Вершы і паэмы» (1967), «Вясна майго стэпу» (1969), «Пад небам Расіі» (1971). Пераклаў на калм. мову зб. Я. Купалы «Выбраная лірыка» (1962), паасобныя вершы бел. паэтаў. Ганаровы калгаснік калгаса «Савецкая Беларусь» Клічаўскага р-на Магілёўскай вобл. Узнаг. ордэнам Чырв. Стяга, медалямі.

Тв.: Бел. пер. — Хвоі і цюльпаны. Мн., 1970; рус. пер. — Все начинается с дороги. М., 1972.

Беларуская савецкая энцыклапедыя. Мн., 1974. Т. XI. С. 25.

І. Беларусі-партызанкі сын

Ханинова Р. На столетие Михаила Хонинова // *Моя Россия, моя Калмыкия!*: антология поэзии Калмыкии в 2 т. Т. 2. Сост. Э. А. Эльдышев, предисл. Б. А. Бичеева. Элиста: Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана, 2018. С. 84–85.

Ханинова Р. На стагоддзе Міхаіла Хонінава / Пераклад Т. Сівец // *Далягляды. 2019: замежная літаратура* / уклад. Алеся Карлюкевіча, Віктара Шніпа. Мінск: Мастацкая літаратура, 2019. С. 155–158.

Хонинов М. Душа белоруса / Перевод Р. Ханиновой. Публикуется впервые.

Хонінаў М. Душа белоруса / Пераклад Т. Сівец // *Літаратура і мастацтва. 2024. 2 лютага (№ 5).* С. 14.

Хонинов М. Баллада о милосердии / Перевод Р. Ханиновой. Публикуется впервые.

Хонінаў М. Балада аб жалю / Пераклад М. Кобец. Публикується впервые.

Хонинов М. Колокола Хатыни (поэма) / Перевод Р. Ханиновой // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. унта, 2015. С. 58–62.

Карлюкевич А. Сэрца кажа, што б’е трывогу... // Полюмя. 2017. № 5. С. 94–95.

Хонінаў М. Званы Хатыні . Паэма. Пераклад Р. Малахоўскага и А. Шостака // Полюмя. 2017. № 5. С. 96–100; Званоў перазвон: зб. паэт., праязіч. і публіцыст. тв. / уклад. Рагнед Малахоўскі. Мінск: Звязда, 2023. С. 25–30.

Хонинов М. Три ответа / Перевод Р. Ханиновой // Герои войны — герои литературы (Писатели-фронтовики Калмыкии о Великой Отечественной войне); сост. Н. С. Нимеева и др. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 751.

Хонінаў М. Тры адказы / Пераклад Т. Сівец // Літаратура і мастацтва. 2024. 2 лютага (№ 5). С. 14.

Хонинов М. «Своя земля, как дедушкина шуба...» / Перевод Р. Ханиновой // Хонинов, М. В. Стану красным тюльпаном: стихи, поэмы, переводы, повесть / М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 21.

Хонінаў М. «Свая зямля, нібы кажух дзядулеў...» / Пераклад Т. Сівец // Літаратура і мастацтва. 2024. 2 лютага (№ 5). С. 14.

Хонинов М. «Калмыцкая кибитка... Мне она...» / Перевод Р. Ханиновой // Калмыцкий университет. 2009. 31 августа (№ 8). С. 7.

Хонінаў М. «Калмыцкая кібітка... Мне яна...» / Пераклад Т. Сівец // Літаратура і мастацтва. 2024. 2 лютага (№ 5). С. 14.

Хонинов М. «Калмыцкий язык — язык моих предков степных...» / Перевод Р. Ханиновой // Хальмг үнн = Калмыцкая правда. 2008. 25 декабря (№ 231–232). X. 13.

Хонінаў М. «Калмыцкая мова — вастрэйшая за мячы...» / Пераклад Т. Сівец // Літаратура і мастацтва. 2024. 2 лютага (№ 5). С. 14.

Хонінаў М. «Калі ў зямлю закіне чалавек...» / Пераклад Т. Сівец // Літаратура і мастацтва. 2024. 2 лютага (№ 5). С. 14.

Хонинов М. «Женщины человечества...» / Перевод Р. Ханиновой // Хонинов, М. В. Стану красным тюльпаном: стихи, поэмы,

переводы, повесть / М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 41.

Хониная М. «Жанчыны зямлі...» / Переклад Т. Сівец // Літаратура і мастацтва. 2024. 2 лютага (№ 5). С. 14.

Хонинов М. Вместе будем навсегда / Перевод Р. Ханиновой // Возвращение: антология калмыцкой поэзии (XX — начала XXI в.) / сост., подг. текстов, предисловие Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2023. С. 125–129. .

Хонинов М. Михаил Егоров — мой брат. Пер. Р. Ханиновой // Хонинов, М. В. Стану красным тюльпаном: стихи, поэмы, переводы, повесть / М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 299–303.

Хонинов М. Вечный огненный цветок / Перевод Р. Ханиновой. Публикуется впервые.

Хонинов М. Белорусский стожок / Перевод Р. Ханиновой. Публикуется впервые.

Хонинов М. Летнее небо в Калмыкии ночью / Перевод Р. Ханиновой // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. унта, 2015. С. 121.

Хонинов М. Седло / Перевод Р. Ханиновой // Хонинов, М. В. Стану красным тюльпаном: стихи, поэмы, переводы, повесть / М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 57–59.

Хонинов М. «Властитель дум — мой вечный “Джангар”...». Перевод Р. Ханиновой. Публикуется впервые.

Хонинов М. Весенней порою. Перевод Р. Ханиновой. Публикуется впервые.

Хонинов М. Где б ни бывал... / Перевод Р. Ханиновой. Публикуется впервые.

Хонинов М. Прежде чем стал поэтом... / Перевод Р. Ханиновой. Публикуется впервые.

Хонинов М. Не стану гнаться за славой / Перевод Р. Ханиновой. Публикуется впервые.

Хонинов М. Как я был конокрадом: рассказ // Хонинов М. В.

- Как я был конокрадом: стихи, рассказ. М.: Правда, 1979. С. 36–46.
- Ханінаў М.* Хвоі і цюльпаны: вершы. Мн.: Беларусь, 1970. 104 с.
- Броўка П.* Беларусі-партызанкі сын // Ханінаў М. Хвоі і цюльпаны: вершы. Мн.: Беларусь, 1970. С. 5–8.
- Ханінаў М.* Жураўлі над стэпам: вершы. Мн.: Маст. літ., 1977. 128 с.
- Ханінаў М.* «З думай людзей сваё сэрца злівае...» / Пераклад А. Грачанікава // Гомельская праўда. 1968. 14 верасня (№ 180). С. 4.
- Ханінаў М.* Балада пра гнеўныя хмары / Пераклад А. Бачылы // Літаратура і мастацтва. 1974. 31 мая (№ 22). С. 7.
- Ханінаў М.* Над Ольсай-ракой. Паэма / Пераклад А. Пысіна // Магілёўская праўда. 1975. 22 лістапада (№ 231). С. 4.
- Хонинов М.* На берегу Ухлясти: рассказ / Перевод В. Тростянского и Р. Ханиновой. Вариант публикуется впервые.
- Ханінаў М.* На беразе Ухлясці: апавяданне / Пераклад А. Карлюкевіча // Хонинов, М. В. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира / М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 136–138.

II. «И калмык с белорусом — братья»

- Автобиография.* Из личного архива М. В. Хонинова.
- Из автобиографии.* Из личного архива М. В. Хонинова.
- Из автобиографической прозы* «В степи калмыцкой я родился...» // Теегин герл. 2008. № 8. С. 22–42.
- Воспоминания.* Хонинов М. В. Дружба, выдержавшая испытания // Советская Калмыкия. 1961. 5 декабря. С. 3.
- Интервью.* Бойцы вспоминают минувшие дни // Советская Калмыкия. 1961. 22 июня (№ 121). С. 3.
- Пою о братстве* // Тюменская правда. 1970. 30 июля (№ 175). С. 4. Наши интервью.
- Беларусь — моя вторая родина* // Звезда. 1975. 4 марта (№ 53). С. 3. Перевод с белорусского Л. Вихоцкого.
- Вечерний Минск. 1975. 6 июля (№ 154). С. 2.
- «Пою мое отечество, республику мою»* // Советская Калмыкия. 1975. 4 декабря (№ 245–246). С. 4. Навстречу IV съезду писателей РСФСР.

Белевич А. Хатынь: боль и гнев. Пер. с белорусского Вл. Жиженко. Минск: Беларусь, 1972. С. 81–83.

Исбах А. «...И друг степей калмык...». Очерк // Теегин герл = Свет в степи. 1975. № 2. С. 168–177.

Почетный гражданин Березино // Знамя Ленина. 1975. 9 сентября. С. 1.

Огнем и дружбой проверено // Советская Белоруссия. 1979. 10 октября (№ 232). С. 4.

Пысин А. Домбры многострунная песня // Могилевская правда. 1979. 1 января (№ 1). С. 4. Перевод Л. Вихоцкого.

Азгур З. И калмык с белорусом — братья // Советская Калмыкия. 1983. 16–17 ноября (№ 219–220). С. 3. Перевод Л. Вихоцкого.

III. Документы

Наградной лист М. В. Хонинова

Отдел по учету и регистрации награжденных при Секретарите Президиума Верховного Совета БССР о награждении М. В. Хонинова орденом Красного Знамени

Боевые характеристики М. В. Хонинова

Обращение бывших командиров и политработников Могилевского партизанского военного соединения Белоруссии в Калмыцкий обком КПСС и облисполком с ходатайством о присвоении М. В. Хонинову звания Героя Советского Союза

Обращение членов Правления Союза писателей Калмыкии в Калмыцкий обком КПСС с ходатайством о присвоении М. В. Хонинову звания Героя Советского Союза

Диплом почетного колхозника М. В. Хонинову

Указ Президиума Верховного Совета БССР о награждении М. В. Хонинова Почетной грамотой

Решение исполнительного комитета Березинского городского Совета депутатов трудящихся о присвоении М. В. Хонинову звания почетного гражданина города

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении М. В. Хонинова орденом Дружбы народов

IV. Римма Ханинова: «Я не была на той войне...»

Ханинова Р. Отцовский завет // Ханинова Р. М. Зимний дождь: стихи. Элиста: АПП «Джангар», 1993. С. 7.

Ханинова Р. Ландшафт истории // Теегин герл. 2006. № 6. С. 59–60.

Ханинова Р. Бацькоўскі завет; Ландшафт гісторыі / Пераклад Т. Сівец // Сівец Т. Разняволенасць: вершы, пераклады, паэма. Мінск: Выдавецкі дом «Звязда», 2016. С. 108–109.

Ханинова Р. Запах полыни // Известия Калмыкии. 2008. 29 марта. С. 6.

Ханинова Р. Из цикла «Я не была на той войне...»: «Мне снилась по ночам война...» // Ханинова Р. М. Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: АПП «Джангар», 1993. С. 98–99.

Ханинова Р. Из цикла «Я не была на той войне...». Баллада о войне // Ханинова Р. М. Зимний дождь: стихи. Элиста: АПП «Джангар», 1993. С. 7–8.

Ханинова Р. Балада пра вайну; Палыновы водар / Пераклад Т. Сівец // Літаратура і мастацтва. 2015. 10 красавіка (№ 14). С. 12.

Ханинова Р. Колодец // Неман. 2018. № 9. С. 124.

Ханинова Р. Колодец; «Ночная ведьма»; Фляжка // Калмыцкий университет. 2017. 22 марта (№ 3). С. 6.

Ханинова Р. Вдовый хутор; Фляжка // Моя Россия, моя Калмыкия!: антология поэзии Калмыкии в 2 т. Т. 2. Сост. Э. А. Эльдышев, предисл. Б. А. Бичеева. Элиста: Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана, 2018. С. 79–80; 83–84.

Ханинова Р. 3 «Беларускай нізкі». Пляшка; Калодзеж; Удовін хутар / Пераклад Ю. Алейчанка // Літаратура і мастацтва. 2017. 31 сакавіка (№ 13). С. 10.

Ханинова Р. Салют, Победа! // Известия Калмыкии. 2010. 16 апреля (№ 65–66). С. 14.

Ханинова Р. Из цикла «Военная быль». Сан Саныч: рассказ // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 133–135.

Ханинова Р. Сан Саныч. Апавяданне. Пераклад А. Карлюкевіча // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та,

2015. С. 139–141.

Ханинова Р. Из цикла «Военная быль». Знамя: рассказ // Литературная газета. 2023. 29 марта (№ 12). С. 18.

Ханинова Р. Из цикла «Военная быль». Картина: рассказ // Ханинова Р. М. Одинокое дерево: избранная проза. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. С. 161–166.

Ханинова Р. Из цикла «Сибирская быль»: Второй исход; «Прощай, родная степь»: рассказы // Теегин герл. 2018. № 6. С. 39–52.

Ханинова Р. Из цикла «Сибирская быль»: Три звездочки: рассказ // Ханинова Р. М. Одинокое дерево: избранная проза. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. С. 61–65.

Ханинова Р. Из цикла «Военная быль». Меч для героя: рассказ // Теегин герл. 2024. № 3. С. 48–52.

Ханинова Р. Из цикла «Сказки степного ветра». Герюш: сказка // Теегин герл. 2021. № 4. С. 114–116.

Ханинова Р. Гяруш: казка / Пераклад Т. Сівец. Публикується вперше.

Ханинова Р. Веселый воробей. Калмыцкая сказка. Публикується вперше.

Ханинова Р. Петух и Павлин. По мотивам калмыцкой сказки // Ханинова Р. М. Умная мышка: (по мотивам сказок народов мира): стихи. Элиста, 2002. С. 7; Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 216–217.

Ханинова Р. Певень і Паўлін. Калмыцкая казка / Пераклад А. Шостака // Бярозка. 2016. № 3. С. 46.

Переводы. Скарина Ф. «Понеже...» // Францыск Скарына на мовах народаў свету / уклад. А. Карлюкевіч; прадм. Алеся Сушы; пасляслоўе Алеся Карлюкевіча. Выд. другое, дапоўн. Мінск: Звязда, 2016. С. 21.

Скарина Ф. «Йиртмжд төрснэсн авн...» / Беларус келнэс орчулснь Ханина Р. болн Эльдшэ Э. // Хальмг үнн = Калм. правда. 2015. Февралин 17. X. 4; Францыск Скарына на мовах народаў свету. Мінск: Звязда, 2014. С. 50; Скарына Ф. «Йиртмжд төрснэсн авн...» («По природе своей...») / Пераклад на калмыцкую мову

Рымы Ханінавай і Эрдні Эльдышава // Францыск Скарына на мовах народаў свету / уклад. А. Карлюкевіч; прадм. Алеся Сушы; пасляслоўе Алеся Карлюкевіча. Выд. другое, дапоўн. Мінск: Звязда, 2016. С. 52.

Колас Я. Родныя вобразы // Колас Я. Творы; уклад. і камент. А. І. Шамякінай; навук. рэд. М. І. Мушыньскі. Мінск: Мастацкая літаратура, 2015. С. 19.

Колас Я. Эңкр дүрмүд / Беларус келнэс орчулснь Ханина Р. Публикується впервые.

Багдановіч М. «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...» // Максім Багдановіч. Я не самотны...: успаміны, артыкулы, вершы, перакады / укладальнік Віктар Шніп. Мінск: Мастацкая літаратура, 2016. С. 279.

Богданович М. «Я хотел бы на улице встретиться с Вами...» / Перевод с белорусского Р. Ханиновой // Хальмг үнн. 2020. 20 октября. С. 6.

Богданович М. «Төвшүн көк сөөһэр уульнд...» / Беларус келнэс орчулснь Ханина Р. // Хальмг үнн. 2020. 20 октября. С. 6.

Тагор Р. Мини эңкр Бенгалия / Перевод Р. Ханиновой // Тагор Р. «Моя золотая Бенгалия» на языках народов мира = «My golden Bengal» in the languages of the world / сост.: Алесь Карлюкевич, Музахидул Ислам. Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2019. С. 48.

Ханинова Р. Алтарь вечности. Франциску Скорине // Моя Россия, моя Калмыкия!: антология поэзии Калмыкии в 2 т. Т. 2. Сост. Э. А. Эльдышев, предисл. Б. А. Бичеева. Элиста: Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана, 2018. С. 79–80.

Танк М. Піала. Автограф из личного архива М. В. Хонинова. Публикується впервые.

Танк М. Пиала / Перевод с белорусского Р. Ханиновой. Публикується впервые.

Р. М. Ханинова

МИХАИЛ ВАНЬКАЕВИЧ ХОНИНОВ

Биобиблиографический указатель

Ханинова Р. М. Михаил Ванькаевич Хонинов:
биобиблиогр. указатель. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. 188 с.

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ О М. В. ХОНИНОВЕ

Ханинова Р. «Другой судьбы не надо...». Жизнь и творчество Михаила Хонинова. Автобиография. Интервью. Воспоминания современников. Очерки. Статьи. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2005. 256 с.

Чиров Д. Т. Грани любви Михаила Хонинова: учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 176 с.

Ханинова Р. М. Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов: монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 185 с.

Ханинова Р. М., Ханинова Э. М. Этнопедагогическое и этнокультурное наследие в творчестве Михаила Хонинова: монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 220 с.

Ханинова Р. М. Лирика Давида Кугультинова и Михаила Хонинова в контексте калмыцкой поэзии XX века: монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. 143 с.

Ханинова Р. М. Михаил Ванькаевич Хонинов: библиографический указатель. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. 188 с.

Ханинова Э. М. Избранные труды. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. 244 с.

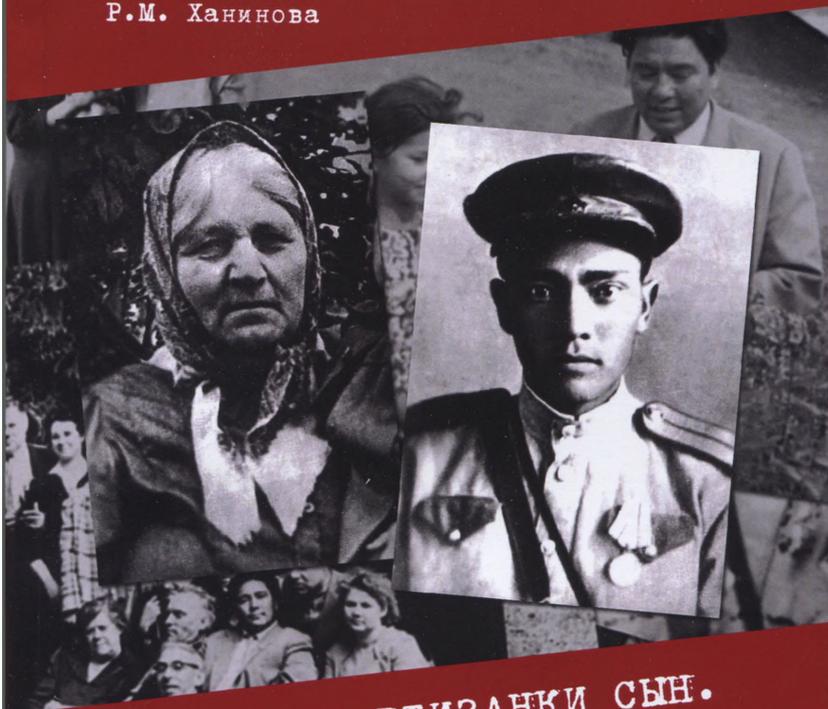
Ханинова Р. М. «Иметь судьбу не просто...». Творческий портрет Михаила Хонинова: монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. 188 с.

Творчество Михаила Хонинова в аспекте литературной критики / отв. ред. Р. М. Ханинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. 250 с.

Ханинова Р. М. Калмыцкая литература XX века: Эскизы к портрету: учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. 228 с.

Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 238 с.

Р.М. Ханинова

БЕЛАРУСИ-ПАРТИЗАНКИ СЫН.
МИХАИЛ ХОНИНОВ —
МИША ЧЁРНЫЙ

Элиста 2015

Ханинова Р. М. Беларусии-партизанки сын. Михаил Хонинов —
Миша Черный: учеб. пособие.

Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 242 с.

Ханинова Р. М. «Но с травой чувствую родство...». О переводе и переводческой деятельности М. Хонинова: учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 236 с.

Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 236 с.

Ханинова Р. М. Михаил Хонинов: автобиография на фоне эпохи. Часть первая: монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 222 с.

Ханинова Р. М. Михаил Хонинов. Краткая литературная хроника: учеб. пособие. В 2 частях. Часть первая. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. 238 с.

Ханинова Р. М. Михаил Хонинов. Краткая литературная хроника: учеб. пособие. В 2 частях. Часть вторая. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. 236 с.

Ханинова Р. М. Михаил Хонинов и Калмыцкий театр: учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. 256 с.

Ханинова Р. М., Иванова Д. А. Русско-калмыцкие литературные связи XX — XXI веков в диалоге культур. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. 240 с.

Ханинова Р. М. Михаил Хонинов: автобиография на фоне эпохи. Часть вторая: монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. 160 с.

Ханинова Р. М. Поэтика русской и калмыцкой литературы XX века: проза, поэзия, драматургия: учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. 220 с.

Ханинова Р. М. Михаил Хонинов: сто лет и одна жизнь: учеб. пособие. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. 212 с.

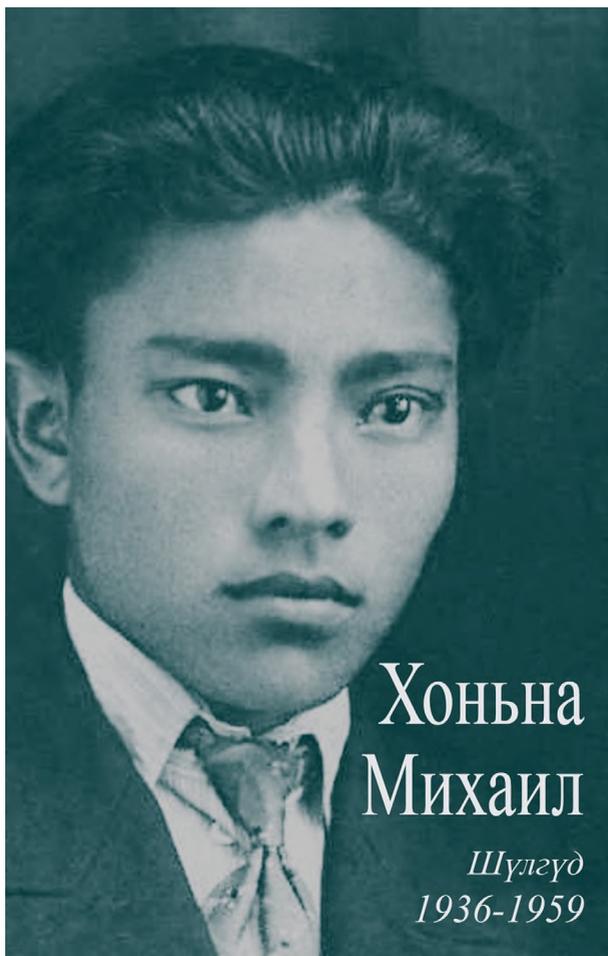
Национальная литература России в поликультурном пространстве: духовно-нравственный и консолидирующий потенциал: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию со дня рождения калмыцкого писателя Михаила Хонинова (г. Элиста, 11–12 сент. 2019 г.) / отв. ред. Р. М. Ханинова. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2019. 670 с.

КНИГИ М. В. ХОНИНОВА

Собрание сочинений

На калмыцком языке

Хонинов М. В. **Собрание сочинений**. Т. I. Начинал с селько-ра... Стихотворения. 1936–1959 / под общ. ред. Р. М. Ханиновой; сост., подг. текста и коммент. Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 362 с., ил. (на калм. и рус. яз.).

Хоньна
Михаил

Шүлгүд
1936-1959

Отдельные издания и сборники

На калмыцком языке

Байрин дуд: шүлгүд болн поэмс / Хоньна Михаил; ред. Х. Сян-Белгин; зурач Н. Д. Будников. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1960. 109 х.

Мана цага улс: келврмүд болн очеркс / Хоньна Михаил; ред. Б. Б. Сангаджиева; зурач М. И. Остапенко. Элст: Хальмг госиздат, 1962. 44 х.

Мини домбр күңкнхлэ: шүлгүд болн поэмс / Хоньна Михаил; отв. ред. Д. Н. Кугультинов; зурач В. С. Васькин. Элст: Хальмг госиздат, 1964. 128 х.

Цаһан-Нуурин айсмуд: шүлгүд / Хоньна Михаил; ред. Л. Инджиев; зурач В. Каретко. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1966. 92 х.

Ээлтэ улс: келврмүд / Хоньна Михаил; ред. В. Шуграева; зурач В. Мезенцев. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1966. 175 х.

Шүлгүд болн поэмс / Хоньна Михаил; ред. В. Шуграева; зурач В. Каретко. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1967. 110 х.

Шүлг минн, делгр: шүлгүд болн поэмс / Хоньна Михаил; ред. А. М. Кукаев; зурач М. И. Остапенко. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1976. 85 х.

Теегин шовун — тоһрун: шүлгүд болн поэмс / Хоньна Михаил; ред. А. М. Кукаев; зурач В. П. Бессонов. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1977. 73 х.

Төрскнүрм бичэ хатн: шүлгүд болн шүлгэр бичсн түүк / Хоньна Михаил; ред. Е. А. Буджалов; зурач И. Г. Ковалев. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1978. 95 х.

Улан цусн болн хар көлсн: роман болн келврмүд / Хоньна Михаил; ред. Е. А. Буджалов; зурач В. Н. Сова. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1979. 352 х.

Төрскнәннь төлэ: шүлгүд болн поэмс / Хоньна Михаил; ред. Е. А. Буджалов; зурач В. И. Хахулин. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1980. 95 х.

Баһ насн, ханжанав: шүлгүд болн поэмс / Хоньна Михаил; ред. Е. А. Буджалов. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1981. 170 х.

Ногтын дун: шүлгүд болн поэмс / Хоньна Михаил; ред.

Е. А. Буджалов; зурач Ц. М. Адучиев. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1983. 117 х.

Мини домбр күңкнхлә: шүлгүд / Хоньна Михаил; бүрдәһәч Л. М. Модункаева; ред. Е. А. Буджалов; зурач С. В. Овшинов. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1984. 110 х.

Чэгчм хаалһс = Крутые дороги: шүлгүд / Хоньна Михаил; пер. с калм. А. Николаева, А. Аквилева, М. Максимова, О. Шестинского, В. Сорокина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 30 с. [Сер. «Хальмгин шүлглән = Поэтическая Калмыкия»: компл. из 21 кн. поэтов респ.]. (На обороте тит. л.: краткая биогр. авт., 1 портр.). Текст калм., рус.

Ээлтә улс: келврмүд, очерк / Хоньна Михаил; нүр үг Пүрвән В.; ред. А. Л. Каляев; зурач В. Н. Сова. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1988. 238 х.

Лунные альчики = Сарин шаһас: шүлгүд / Хоньна Михаил / [пер. с калм. Р. Ханиновой]; худож. С. А. Бадендаев. Элст, 2009. 16 х.; [1 л. портр.]. [Б-ка «Байр», № 2]. Текст калм., рус.

Шүлгүд / Хоньна Михаил / [пер. с калм. Р. Ханиновой]; худож. С. А. Бадендаев. Элст, 2020. 16 х. [Б-ка «Байр», № 2]. Текст калм., рус.

На русском языке

Светят огоньки: стихи и поэмы / Михаил Хонинов; ред. А. У. Бадмаев; пер. с калм.; худож. Н. Д. Будников. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 60 с.

Гимн человеку: стихи и поэма / Михаил Хонинов; вступ. ст. П. Бровки; ред. В. И. Пальчиков; пер. с калм.; худож. М. И. Остапенко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 95 с.

Серебрится ковыль: стихи / Михаил Хонинов; пер. с калм. Ю. Кушака, Н. Поливина, Н. Кутова, А. Николаева, Н. Груздевой, И. Романова, А. Грекова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 27 с. [Сер. «Соврем. калм. поэзия»: компл. из 20 кн. поэтов респ.]. (На обороте тит. л. крат. биогр. авт., 1 портр.).

До последней атаки: стихи / Михаил Хонинов; ред. И. В. Рыжиков; пер. с калм.; худож. А. А. Черномордик. М.: Сов. Россия, 1969. 79 с.

Битва с ветром: стихи и поэма / Михаил Хонинов; ред. Н. Н. Сидоренко; пер. с калм.; худож. Ю. В. Петров. М.: Сов. писатель, 1970. 96 с.

Все начинается с дороги: стихи и поэмы / Михаил Хонинов; ред. Ю. Кузнецов; пер. с калм.; худож. Ф. Петровский. М.: Современник, 1972. 126 с.

Хавал-Бахвал: стихи / Михаил Хонинов; ред. Б. М. Юдин; пер. с калм. А. Внукова; худож. Г. Иорш. М.: Правда, 1973. 46 с. [Сер. «Б-ка «Крокодила», № 6]. (Перед тит. л. крат. биограф. авт., дружеский шарж А. Цветкова).

Орлы над степью: стихи / Михаил Хонинов; ред. Г. Г. Чапчачова; пер. с калм.; худож. И. И. Бабаянц. М.: Сов. писатель, 1974. 126 с.

Хитрый Ёж: [поэма-сказка] / Михаил Хонинов; ред. Э. Степченко; пер. с калм. Н. Поливина; худож. В. Белышев. М.: Малыш, 1974. 24 с.: ил.

Миша Черный — это я!: док. повесть / Михаил Хонинов; ред. Г. М. Стефановская. М.: Правда, 1976. 48 с. [Сер. «Б-ка «Огонька», № 44].

Подкова: стихи и поэмы / Михаил Хонинов; вступ. ст. М. Матусовского; ред. Л. Дубаев; пер. с калм.; худож. В. Кошмин. М.: Современник, 1977. 190 с.

Помнишь, земля смоленская...: роман / Михаил Хонинов; ред. С. К. Баренц; авториз. пер. с калм. Ю. Карасева; худож. Н. А. Абакумов. М.: Воениздат, 1977. 318 с.

Сказание о степняках-калмыках: очерки / Михаил Хонинов; ред. А. Д. Сконечная; худож. Ю. И. Батов. М.: Сов. Россия, 1977. 64 с. [Сер. «Писатель и время»].

Три ответа; Белорусы; Ода чабану; Лики солнца; Когда плывут облака; Красный тюльпан; Сказание о закопченном тагане: [стихи и поэма] / Михаил Хонинов; пер. с калм. С. Липкина; [худож. В. И. Мезенцев]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. 15 с. [Сер. «Со-врем. калм. поэзия»: компл. из 21 кн. поэтов респ.].

Музыка в грибах: избран. стихи и поэмы; пер. с калм. / Михаил Хонинов; ред. Д. А. Смирнов; худож. С. А. Соколов. М.: Сов. Россия, 1978. 192 с.

Как я был конокрадом: стихи, рассказ / Михаил Хонинов; ред. Б. М. Юдин; пер. с калм.; худож. В. Жаринов. М.: Правда, 1979. 47 с. [Сер. «Б-ка «Крокодила», № 14]. (На обороте обл. крат. биогр. авт., дружеский шарж В. Мочалова).

Ковыль: стихи и поэмы / Михаил Хонинов; ред. Н. Ф. Шумаков; пер. с калм.; худож. Ю. К. Бажанов. М.: Сов. писатель, 1979. 167 с.

Мой верблюжонок: поэма / Михаил Хонинов; ред. Э. Степченко; авториз. пер. с калм. Ю. Кушака; худож. Ю. Малинковский. М.: Малыш, 1979. 34 с.

Исповедь: стихи и поэмы / Михаил Хонинов; ред. М. Беляев; пер. с калм.; худож. В. Бродский. М.: Мол. гвардия, 1981. 111 с.

Орлица: стихотворения и поэмы / Михаил Хонинов; ред. Г. Иванов; пер. с калм.; худож. Е. Скрынников. М.: Современник, 1981. 269 с.: ил., портр. [Сер. «Б-ка поэзии «Россия»].

Помнишь, земля смоленская...: роман / Михаил Хонинов; ред. М. И. Ильин; авториз. пер. с калм. Ю. Карасева; худож. О. П. Шамро. М.: Воениздат, 1986. 303 с.

Чудо-кони: поэмы / Михаил Хонинов; ред. В. Л. Теленгидова; пер. с калм. Н. Поливина, Ю. Кушака, И. Романова; худож. М. П. Малкова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986. 63 с.

Помнишь, земля смоленская...: роман / Михаил Хонинов; вступ. ст. Р. Хониновой; ред. В. Н. Лиджиева; авториз. пер. с калм. Ю. Карасева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 303 с.

Сражение продолжается: док. повесть, очерки / Михаил Хонинов; ред. Г. Н. Нимгирова; худож. С. Э. Котинов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 143 с.

На белорусском языке

Хвоі і цюльпаны: вершы / Міхаіл Ханінаў; рэд. Ал. Шлег; мастак Л. Чурко. Мінск: Беларусь, 1970. 104 с.

Жураўлі над стэпам: вершы / аўтарызаваны пераклад з калмыцкай А. Пысіна / Міхаіл Ханінаў; рэд. П. Ф. Прыходзька. Мінск: Маст. літ., 1977. 128 с.: з іл. [Паэзія народаў СССР].

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 44

1976

Михаил ХОНИНОВ

**МИША ЧЕРНЫЙ—
ЭТО Я!**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

14
(835)

МИХАИЛ ХОНИНОВ

**КАК
Я
БЫЛ
КОНОКРАДОМ**

Ли́ка Кузнецова

ШУЛГУД

МИХАИЛ ХОНИНОВ

Сражение продолжается

Соавторство

Путь к счастью: [заключит. картина пьесы] / Бадма Эрдниев, Михаил Хонинов / М-во культуры Калмыцкой АССР; Калм. гос. драм. театр. Элиста, 1959. 8 с.

Сборники

На калмыцком языке

Эрднин, Б. Цаһан хаалһ: [наадн] / Эрднин Бадм, Хоньна Михаил; ред. А. Балакаев; зурач Б. Данильченко // Эрднин Бадм. Сээхлэ: суңһсн наадмуд. Элст, 1961. X. 3–49.

На разных языках

Хонинов, М. В. Час речи: [стихи и поэмы] / М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 240 с.

Хонинов, М. В. Стану красным тюльпаном: стихи, поэмы, переводы, повесть / М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 736 с. Текст парал. калм., рус., англ.; ил.

Хонинов, М. В. Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира / М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 238 с.

Хонинов М. В. Стану красным тюльпаном: антология одного стихотворения на языках народов мира / сост., подг. текста, предисл., примеч. Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 232 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Ханинова. «Хай живе Беларусь — маці родная!»	3
Р. Ханинова. На столетие Михаила Хонинова	7
Р. Ханинова. На стагоддзе Міхаіла Хонінава. <i>Пераклад Тацяны Сівец</i> (Перевод Татьяны Сивец)	10

I. МИХАИЛ ХОНИНОВ: «БЕЛАРУСИ-ПАРТИЗАНКИ СЫН»

Душа белоруса. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	14
Душа беларуса. <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	15
Баллада о милосердии. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	16
Балада аб жалю. <i>Пераклад Марыі Кобец</i> (Перевод Марии Кобец) . .	19
Колокола Хатыни (поэма). <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	24
<i>Карлюкевіч А. Сэрца кажа, што б'е трывогу...</i>	30
Званы Хатыні. Паэма. <i>Пераклад Рагнеда Малахоўскага і Адама Шостака</i> (Перевод Рагнеда Малаховского и Адама Шостака)	33
Три ответа. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	39
Тры адказы. <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	39
«Своя земля, как дедушкина шуба...». <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	40
«Свая зямля, нібы кажух дзядулеў...». <i>Пераклад Тацяны Сівец</i> . .	40
«Калмыцкая кибитка... Мне она...». <i>Перевод Риммы Ханиновой</i> . .	41
«Калмыцкая кібітка... Мне яна...». <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	41
«Калмыцкий язык — язык моих предков степных...». <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	42
«Калмыцкая мова — вастрэйшая за мячы...». <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	42
«Калі ў зямлю закіне чалавек...». <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	42
«Женщины человечества...». <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	43
«Жанчыны зямлі...». <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	43
Вместе будем навсегда. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	44
Михаил Егоров — мой брат. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	48
Вечный огненный цветок. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	51
Белорусский стожок. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	51
Летнее небо в Калмыкии ночью. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	52
Седло. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	53
«Властитель дум — мой вечный “Джангар”...». <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	55

Весенней порою. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	56
Где б ни бывал... <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	57
Прежде чем стал поэтом... <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	58
Не стану гнаться за славой. <i>Перевод Риммы Ханиновой</i>	59
Как я был конокрадом: рассказ	61

**ИЗ КНИГИ: М. ХАНИНАЎ. «ХВОІ І ЦЮЛЬПАНЫ»
(«СОСНЫ И ТЮЛЬПАНЫ»)**

П. Броўка. Беларусі-партызанкі сын. <i>Предисловие</i>	75
П. Бровка. Беларусі-партизанки сын. <i>Перевод Л. Вихоцкого</i>	77
Вось якія беларусы. <i>Пераклад М. Танка</i>	78
Балада лясоў беларускіх. <i>Пераклад Р. Барадуліна</i>	80
Маці з Беразіны. <i>Пераклад А. Бялёвіча</i>	84
Гэта было ў Магілёву. <i>Пераклад А. Бялёвіча</i>	86
Хлапчук і карнікі. <i>Пераклад В. Шымука</i>	86
Балада пра партрэт. <i>Пераклад П. Прыходзькі</i>	87
Мая біяграфія. <i>Пераклад К. Камейшы</i>	89
Люблю я маленькіх дзяцей. <i>Пераклад С. Грахоўскага</i>	91
Сповідзь калмыка. <i>Пераклад В. Шымука</i>	93
Насуперак часу. <i>Пераклад Г. Кляўко</i>	94
Да апошняй атакі. <i>Пераклад Г. Кляўко</i>	94
Хлеб. <i>Пераклад Ю. Свіркі</i>	96
Браты. <i>Пераклад А. Бялёвіча</i> Хлеб. <i>Пераклад Ю. Свіркі</i>	96
Вярблюджыя коннікі ў Парыжы. <i>Пераклад М. Аўрамчыка</i>	98
«Калі ў дарозе...». <i>Пераклад М. Аўрамчыка</i>	99

**ИЗ КНИГИ: М. ХАНИНАЎ. «ЖУРАЎЛІ НАД СТЭПАМ»
(«ЖУРАВЛИ НАД СТЕПЬЮ»)**

Пераклад Аляксея Пысіна (Перевод Алексея Пысина)

Як падобны пількаўскі вецер з цаганурскім ветрам	101
Чырвоны цюльпан	101
Тры адказы	102
Ганаровае званне	103
Трэцяе ліпеня	104
«Бывае, раны зноў заняпоць...»	106
«Гляджу на слупы...»	109
Клічаў	110

Кулямётчык Мутул	113
Лес	117
Успамін	120
Аранзал	123
«Дзе я ні быў бы...»	125
«Неба Калмыкіі летам...»	126

ИЗ ДРУГИХ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕВОДОВ

«З думай людзей сваё сэрца злівае...». <i>Пераклад Анатоля Гречанікава.</i>	
(Перевод Анатолия Гречаникова)	128
Балада пра гнеўныя хмары. <i>Пераклад А. Бачылы</i>	
(Перевод А. Бачилы)	128
Над Ольсай-ракой. Паэма. <i>Пераклад Аляксея Пысіна</i>	
(Перевод Алексея Пысина)	131
На берегу Ухлясти: рассказ. <i>Перевод В. Тростянского и Р. Ханиновой</i>	138
На беразе Ухлясці. Апавяданне. <i>Пераклад Алеся Карлюкевіча</i>	
(Перевод Алеся Карлюкевича)	142

II. «И КАЛМЫК С БЕЛОРУСОМ — БРАТЬЯ»

Автобиография	147
Из автобиографии	151
Из автобиографической прозы. «В степи калмыцкой я родился...»	158
Воспоминания. Дружба, выдержавшая испытания	182
Интервью.	184
<i>А. Белевич.</i> Хатынь: боль и гнев	191
<i>А. Исбах.</i> «...И друг степей калмык...». Очерк	193
Почетный гражданин Березино	204
Огнем и дружбой проверено	205
<i>А. Пысин.</i> Домбры многострунная песня. <i>Перевод Л. Вихоцкого.</i> .	207
<i>З. Азгур.</i> И калмык с белорусом — братья . <i>Перевод Л. Вихоцкого</i>	209

III. ДОКУМЕНТЫ

Наградной лист М. В. Хонинова	215
Отдел по учету и регистрации награжденных при Секретарите Президиума Верховного Совета БССР	
о награждении М. В. Хонинова орденом Красного Знамени	217

Боевые характеристики М. В. Хонинова	218
Обращение бывших командиров и политработников Могилевского партизанского военного соединения Белоруссии в Калмыцкий обком КПСС и облисполком с ходатайством о присвоении М. В. Хонинову звания Героя Советского Союза	230
Обращение членов Правления Союза писателей Калмыкии в Калмыцкий обком КПСС с ходатайством о присвоении М. В. Хонинову звания Героя Советского Союза	232
Диплом почетного колхозника М. В. Хонинову	234
Указ Президиума Верховного Совета БССР о награждении М. В. Хонинова Почетной грамотой	235
Решение исполнительного комитета Березинского городского Совета депутатов трудящихся о присвоении М. В. Хонинову звания почетного гражданина города	236
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении М. В. Хонинова орденом Дружбы народов	237

IV. РИММА ХАНИНОВА: «Я НЕ БЫЛА НА ТОЙ ВОЙНЕ...»

Из цикла «Я не была на той войне...».

1. «Мне снилась по ночам война...»	238
Отцовский завет	240
Бацькоўскі заповіт. <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	240
Ландшафт истории	241
Ландшафт гісторыі. <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	242
Запах полыни	244
Палыновы водар. <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	245
Из цикла «Я не была на той войне...»	247
3. «Мертвые сраму не имут...»	247
2. Баллада о войне.	248
Балада пра вайну. <i>Пераклад Тацяны Сівец</i>	249
Из белорусских стихов. Фляжка	251
Пляшка. <i>Пераклад Юліі Алейчанка</i>	
(Перевод Юлии Алейченко)	252
«Ночная ведьма»	253
Колодец.	255
Калодзеж. <i>Пераклад Юліі Алейчанка</i>	255
Вдовый хутор.	256
Удовін хутар. <i>Пераклад Юліі Алейчанка</i>	257

Салют, Победа!	258
Из цикла «Военная быль»	259
Сан Саныч: рассказ	259
Сан Саныч. Апавяданне. <i>Пераклад Алеся Карлюкевіча</i>	263
Знамя: рассказ	267
Картина: рассказ	275
Из цикла «Сибирская быль»	281
Второй исход: рассказ	281
«Прощай, родная степь!»: рассказ	291
Три звездочки: рассказ	301
Из цикла «Военная быль»	306
Меч для героя: рассказ.	306
Из цикла «Сказки степного ветра»	313
Герюш: сказка	313
Гяруш: казка. <i>Пераклад Таццяны Сівец</i>	314
Веселый воробей. По мотивам калмыцкой сказки	316
Петух и павлин. Калмыцкая сказка.	317
Певень і паўлін. Калмыцкая казка. <i>Пераклад Адама Шостака</i>	318
Переводы	319
Скарина Ф. «Понеже...»	319
Скарина Ф. «Йиртмжд төрснэсн авн...». <i>Белорус келнэс орчулсьн Ханина Римма болн Эльдиэ Эрдни</i>	319
Колас Я. Родные вобразы.	320
Колас Я. Эңкр дүрмүд. <i>Белорус келнэс орчулсьн Ханина Римма</i>	321
Багдановіч М. «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...»	322
Богданович М. «Я хотел бы на улице встретиться с Вами...». <i>Перевод с белорусского Риммы Ханиновой</i>	322
Богданович М. «Төвшүн көк сөөһэр уульнд...». <i>Белорус келнэс орчулсьн Ханина Римма</i>	323
Тагор Р. Мини эңкр Бенгалия. <i>Орчулсьн Ханина Римма</i>	324
Алтарь вечности. Франциску Скорине	325
Танк М. Піала. Автограф стихотворения.	326
Танк М. Піала. <i>Перевод с белорусского Риммы Ханиновой</i>	327
ПРИМЕЧАНИЯ	328
Краткий список основной литературы о М. В. Хонинове	337
Книги М. В. Хонинова	340

Литературно-художественное издание

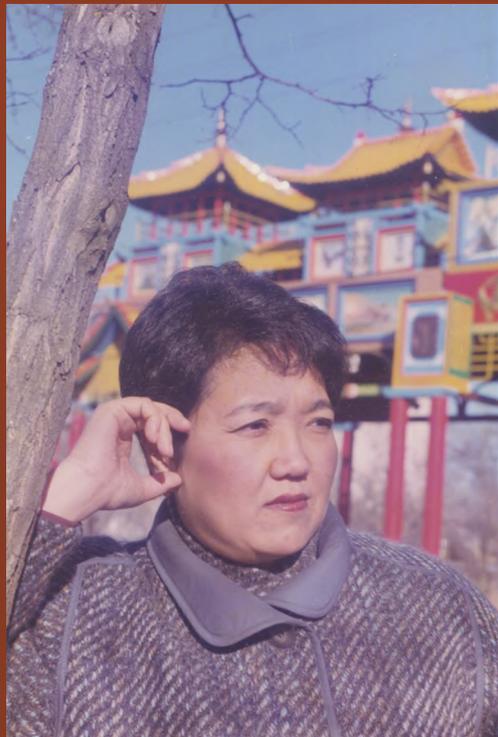
*Хонинов Михаил Ванькаевич
Ханинова Римма Михайловна*

ЛАНДШАФТ ДРУЖБЫ

На обложке: Михаил Хонинов у Кургана Славы. Беларусь, 1976 г.;
Михаил Ванькаевич Хонинов с супругой
Бугой Босхомджиевной Араловой. Беларусь, Минск, 1978 г.;
Римма Ханинова у Золотых ворот. Калмыкия, Элиста.
Фото А. Иванова. 1999 г.

Подписано в печать 18.09.2024 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20.69. Тираж 100 экз. Заказ 11-24

Отпечатано в КалмНЦ РАН.
Республика Калмыкия, 358000,
г. Элиста, ул. И. К. Илишкина, д. 8

Михаил Ванькаевич Хонинов (01.01.1919 - 22.09.1981),

прозаик, поэт, драматург, переводчик.

Член Союза писателей СССР.

Ветеран Великой Отечественной войны.

Почетный гражданин г. Березино, Беларусь.

Автор свыше 50 книг поэзии и прозы.

Римма Михайловна Ханинова,

прозаик, поэт, драматург, переводчик.

Член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси.

Доктор филологических наук.

Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия.

Автор книг поэзии, прозы, монографий и учебных пособий.